

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ

La Turcologie soviétique
Soviet Turkology
Sowjetische Türkologie

2

БАКУ • 1989

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 2

МАРТ—АПРЕЛЬ

БАКУ — 1989

ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR

ACADEMY OF SCIENCES OF THE AZERBAIJAN SSR

СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ

LA TURCOLOGIE SOVIÉTIQUE

SOVIET TURKOLOGY

SOWJETISCHE TURKOLOGIE

Редакционная коллегия: главный редактор Э. Р. Тенишев (Москва), зам. главного редактора С. Н. Иванов (Ленинград), первый зам. главного редактора А. М. Мамедов (Баку), зам. главного редактора К. М. Мусаев (Москва), И. Х. Ахматов (Нальчик), А. А. Ахундов (Баку), Р. Б. Бердибаев (Алма-Ата), Г. Ф. Благова (Москва), Н. З. Гаджиева (Москва), Э. А. Грунина (Москва), Е. З. Кажибеков (Алма-Ата), И. В. Кормушин (Москва), Л. С. Левитская (Москва), Т. Д. Меликов (Москва), Б. А. Набиев (Баку), Б. А. Назаров (Ташкент), Е. А. Поцелуевский (Москва), К. К. Султанов (Москва), З. Г. Ураксин (Уфа), А. А. Чеченов (Москва), А. М. Шербак (Ленинград).

Ответственный секретарь
Н. Г. Наджафов

«Советская тюркология», 370143, Баку, пр. Нариманова, 31. Академгородок. Тел.: 39-24-57, 39-22-86.

Editorial board: editor-in-chief E. R. Tenishev (Moscow), assistant editor S. N. Ivanov (Leningrad), the first assistant editor A. M. Mamedov (Baku), assistant editor K. M. Musayev (Moscow), I. H. Akhmatov (Nalchik), A. A. Akhundov (Baku), R. B. Berdibayev (Alma-Ata), G. F. Blagova (Moscow), N. Z. Gadzhieva (Moscow), E. A. Grunina (Moscow), E. Z. Kazhibekov (Alma-Ata), I. V. Kormushin (Moscow), L. S. Levitskaya (Moscow), T. D. Melikov (Moscow), B. A. Nabiyeu (Baku), B. A. Nazarov (Tashkent), J. A. Potceluyevsky (Moscow), K. K. Sultanov (Moscow), Z. G. Uraksin (Ufa), A. A. Chechenov (Moscow), A. M. Scherbak (Leningrad).

Executive secretary
N. G. Nadzhatov

«Sovjetskaja tjurkologija», Akademija nauk
Azerbajdžanskoj SSR,
370143, Baku, prosp. Narimanova, 31.
Tel.: 39-24-57, 39-22-86.

The journal is published 6 times a year. Subscriptions should be sent to «Mezhdunarodnaya Kniga» (Moscow Г-200). Annual subscription 6 roubles 60 kopeks.

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

Х. С. ДЖАНИБЕКОВ

О НОМИНАЛИЗИРОВАННЫХ ПАРАЛЛЕЛЯХ ГЛАГОЛЬНОГО СКАЗУЕМОГО В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

По удачному определению И. И. Мещанинова, «в построениях предложения сказуемое во всех языках занимает ведущее место, сосредоточивая в себе выражение основных предикативных отношений, наличие которых ложится в основу всей синтаксической конструкции» [1. С. 54]. Определяя структурно-грамматический тип предложения [2. С. 7], оно соотносимо с двумя основными лексико-грамматическими разрядами слов в языке—именем и глаголом и проявляется соответственно в именной и глагольной организации предложения. Как отмечает Ж. Вандриес, «если существуют языки, не имеющие для глагола и для существительного отдельной формы, то нет языков, которые не отличали бы именного предложения от глагольного» [3. С. 119].

Представленность сказуемого (предложения) двумя структурными типами необходимо предполагает их взаимодействие как системно взаимообусловленных противоположностей, составляющих диалектическое единство. В формально-конститутивном плане это выражается прежде всего в зависимости именного сказуемого от глагольного, поскольку первое, как известно, вынуждено пользоваться глагольными средствами для выражения таких неотъемлемых для предикативности признаков, как время и наклонение [3. С. 121; 4. С. 374]. В коммуникативном плане одним из основных случаев проявления взаимодействия двух типов предложения является их функциональный взаимопереход: «глагольная» трансформация именного предложения (сказуемого) и, наоборот, «именная» трансформация глагольного предложения. Например: именное предложение *Сенге бу келек тарды* (уст.) 'Для тебя эта сорочка узка'—«глагольная» трансформация именного предложения *Сенге тар болган бу келекди* 'Вот эта сорочка узка для тебя' или *Сенге бу келек тарлык этеди* 'Для тебя эта сорочка узка (оказывается)'; глагольное предложение *Сени Жамал излейди* (уст.) 'Тебя ищет Джамал'—«именная» трансформация глагольного предложения *Сени излеген Жамалды* 'Это Джамал ищет тебя' или *Сени Жамал излеген этеди* 'Джамал тебя ищет' и т. д. Процесс «глагольного» преобразования именного предложения можно условно обозначить как вербализацию, понимая под последней «оглаголивание». «Именное» преобразование глагольного предложения (сказуемого) представляет собой одно из проявлений многосложного процесса номинализации глагольных единиц, разнообразие и универсальный характер которого находят соответствующее отражение в разноплановости теоретических подходов к интерпретации этого явления. В частности, указывая на участие в номинализации лексических единиц, В. Г. Гак пишет: «Номи-

нализация процесса, то есть обозначение его существительным, а не глаголом, широко используется в разных языках, выступая, однако, в каждом из них в специфических условиях» [5. С. 85]. Б. Корми подходит к проблеме номинализации в русском языке в альтернативной плоскости, допуская ее интерпретацию из соотношения отглагольных существительных и глагольных предложений [6. С. 42—49]. Рассматривая номинализацию во вставленных предложениях в турецком языке, Р. Б. Лиз указывает на особенности преобразования личного глагольного сказуемого в причастие или имя действия, а также на «свертывание» функционально самостоятельного предложения в подчиненный компонент другого предложения, отмечая, что «вставленное предложение в производной структуре представляет собой именную группу» [7. С. 312—313]. Исходя из правил превращения самостоятельного предложения в придаточную часть другого предложения, т. е. опираясь на сверхфразовый уровень, З. Вендлер следующим образом характеризует номинализацию: «Назначение номинализации состоит в порождении именных групп, которые могут входить в состав новых предложений» [8. С. 269; 9. С. 64]. В этом смысле номинализация может рассматриваться в одной плоскости с синтаксической трансформацией и зависимыми трансформами в тюркских языках [2. С. 111, 114, 118].

Поскольку в данной статье не ставится проблемная задача общекатегориального определения номинализации, нами ее рабочая дефиниция предлагается лишь в том понимании, которое подсказывается конкретными рамками ее детерминированности актуальным членением предложения в карачаево-балкарском языке. Номинализация — это специальная форма выражения актуального членения предложения, которая создается в результате преобразования исходной глагольной единицы (структуры) в производные единицы (структуры) именного характера.

Коммуникативное преобразование исходного ГП [10] в производные НП связано непосредственно с предикативностью как одной из стационарных характеристик предложения [11. С. 60], осуществляется на категориальном уровне последнего и предполагает основные структурно-синтаксические перестраивания по предикативной оси: производные НП создают компоненты своей структуры не из частей речи непосредственно, а на основе членов исходного ГП и меняют их местами и ролями. Например: ГП: *Хамит Бакуда окъуйду* 'Хамид учится в Баку' — НП: *Хамитни окъугъаны Бакудады* 'Это в Баку учится Хамид'. В бинарной субъектно-предикатной структуре НП, соответствующей структуре логического суждения, информационное ядро [12. С. 239], или рematicкий центр, оформляется как грамматическое сказуемое (здесь *Бакудады* 'в Баку') [13], которое противопоставляется всей остальной части высказывания как группе подлежащего, выраженного причастным оборотом, придаточным предложением или изафетной конструкцией со стержневым компонентом — причастной трансформой личного глагольного сказуемого исходного предложения (здесь конструкция двухаффиксного посессивного изафета: *ХамитНИ окъугъаны*, букв.: 'Хамита учение+его'). Структура НП есть синтаксическая организация высказывания (предложения) по актуальному членению, однозначно выражающая суждение. В то время как в исходном ГП выделение темы — ремы, старой и новой информации, происходит в основном с помощью двух варьирующихся средств — ударения и интонации и порядка слов [14. С. 220—223; 15. С. 6; 16. С. 501—504], в НП противопоставление двух видов информации включает в себя оба упомянутых средства и завершается грамматическим размежеванием старой информации (темы) как функции подлежа-

щего, а новой (ремы) — как функции сказуемого-предиката [17. С. 243]. Противоречие, возникающее внутри глагольного предложения между его формой как единицей и его содержанием как потенциальной полисемией на уровне тема-ремных отношений, снимается в НП, которая приводит информативные отношения в соответствие с однозначностью предложения. С данным явлением функционально сближаются случаи употребления в русском языке указательной частицы «это» для логического выделения того или другого слова в предложении [4. С. 668], перифрастических построений [18. С. 78] типа «*Кто сможет тебе помочь, так это он*», а также, например, синтаксические построения «логической эмфазы» в английском языке [19; 20. С. 200]. Ср.: *Сенге болушаллыкъ олду* 'Это он сможет помочь тебе', англ. *It is he, who can help you*.

В лингвистической литературе вопрос о НП глагольного предложения освещается в разных разделах и с разных позиций — в зависимости от преддицируемого члена ГП и степени грамматизации девербальных НП в отдельных тюркских языках. В частности, все случаи НП, в которых преддицируется неглагольный член ГП, рассматриваются в сфере ИС/ИП как разновидности данного типа. В случаях предикации самого глагола-сказуемого их категориальная классификация обнаруживает расхождения, что находит свое отражение в соответствующих терминологических дефинициях: «особые стилистические обороты» или «особый тип прошедшего времени» [21. С. 261], «аналитические формы глагола» [22. С. 228; 23. С. 154], «перифрастические формы глагола» [24. С. 196], «описательные или перифрастические формы глагола» [25. С. 275], «обороты, имеющие значение прошедшего времени» [26. С. 31], «сложные или составные глаголы» [27. С. 96—97]. Со статусом лично-временной формы глагола отдельные разновидности девербальных НП выступают, например, в саларском [14. С. 155], туркменском [21. С. 261], башкирском, казахском [28. С. 345] языках. В якутском языке они — корреляты в системе глагольных форм на уровне грамматической модальности, т. е. наклонений [29. С. 99, 135].

В современном карачаево-балкарском языке системная совокупность НП сохраняет в основном живую синтактико-генетическую связь с исходным ГП, что облегчает задачу выявления в их сложных взаимоотношениях единой первопричины, каковой является актуальное членение предложения: структура исходного ГП относится к грамматическому членению; на этом уровне она семантически многозначна, содержит в себе потенциальное множество суждений [30. С. 210; 31. С. 9]; в то же время эта структура первична, ибо она несет непосредственно предметно-логическую и номинативную нагрузку; структуры НП относятся к синтаксису актуального членения; как вторичные синтаксические явления, они носят релятивный характер, но, представляя «надграмматический», коммуникативный уровень, служат для однозначной дифференцированной актуализации полисемии исходного ГП. Условно это соотношение может быть выражено следующим образом (см. с. 6).

Соотношение исходного ГП и его производных НП как единицы и множества, отражая необходимостный характер первого и случайностный характер последних, связано с рядом коррелятивных различий в их структурно-семантической природе, в частности: 1. Члены исходного ГП базируются на частях речи, тогда как члены производных НП формируются из членов исходного ГП; 2. Структура исходного ГП синтаксически «одинарна»; структура производных НП двуслойна: она содержит в свернутом (имплицированном) виде первичную предикативную структуру ГП и вторичную развернутую собственную предика-

Исходное ГП

Хамит Бакуда негерине тубеди 'Хамид встретил в Баку своего друга'

Производные НП

Предикат НП—подлежащее ГП	<i>Бакуда негерине тубеген Хамитди</i> 'Это Хамид встретил своего друга в Баку'
Предикат НП — обстоятельство ГП	<i>Хамитни негерине тубегени Бакудады</i> 'Это в Баку встретил Хамид своего друга'
Предикат НП — дополнение ГП	<i>Хамитни Бакуда тубегени негеринеди</i> 'Это друга своего встретил Хамид в Баку'
Предикат НП — сказуемое ГП	1. <i>Хамит Бакуда негерине тубеген этгенди</i> 'Факт, что Хамид встретил в Баку своего друга'. 2. <i>Хамитни Бакуда негерине тубегени болгъанды</i> 'Случилось, что Хамид встретил в Баку друга'. 3. <i>Хамитни Бакуда негерине тубегени барды</i> 'Было, что Хамид встретил в Баку друга'.

тивную структуру; 3. Исходная структура ГП относится к производным структурам НП, как целое к части (частям), поэтому в двуслойной синтаксической структуре НП совмещены свернутая предикация целого и развернутая предикация части; 4. Структура исходного ГП как категория грамматического членения поликомпонентна, структура производных НП как категория логико-коммуникативного (актуального) членения бинарна [16. С. 501]. 5. Основной логико-семантический принцип предикативных отношений в исходной ГП — это отношение подлежащего к сказуемому как первичного ко вторичному, носителя признака к признаку, более конкретного понятия к более общему понятию [32. С. 26; 33. С. 255; 34. С. 104; 35. С. 128]; в производных структурах ТН (НП) имеет место «алогичное переворачивание» этих отношений: подлежащее соотносимо с более общим понятием, а сказуемое — с более конкретным.

В зависимости от того, какой член исходного ГП как логический центр высказывания предиктируется в НП, последние делятся на две группы: НП, предикат которых выражен именным членом (подлежащим, определением, дополнением, обстоятельством) исходного ГП и НП, при которых предикатом актуального членения является глагол-сказуемое исходного ГП. В первом случае в функции синтаксического сказуемого НП может выступать любой неглагольный член ГП, который является логическим центром высказывания, во втором случае логическим центром высказывания является сам глагол-сказуемое исходного ГП. Ср.: ГП: *Джай бизни классыбыз Ленинградха барлыкъды* 'Летом наш класс поедет в Ленинград'. Данное ГП имеет четыре члена и атрибутивный компонент к подлежащему: (1) *джай* 'летом' — обстоятельство времени, (2) *бизни классыбыз* 'наш класс' — группа подлежащего, (3) *бизни* 'наш' — определение к подлежащему, (4) *Ленинградха* 'в Ленинград' — обстоятельство места, цели, (5) *барлыкъды* 'поедет' — глагольное сказуемое. Тем самым одному ГП, единственность которого определяется его необходимостью, — ибо здесь логический аспект согласуется с грамматическим — противостоят четыре возможных случайности, реализация которых достигается введением каждого из этих неглагольных членов в предикативную связь, т. е. преобразованием их в грамматический предикат-сказуемое. Результатом этого процесса является противоречие, создаваемое между логическим и грамматическим аспектами как следствие функционально-синтаксической транспозиции:

(1) предикация обстоятельства времени: *Бизни классыбызны Ленинградха барлыгъы джайды* 'Наш класс поедет в Ленинград летом'; (2) предикация подлежащего: *Джай Ленинградха барлыкъ бизни классыбызды* 'Это наш класс поедет летом в Ленинград'; (3) предикация определения: *Джай Ленинградха барлыкъ класс бизникиди* 'Это наш класс поедет летом в Ленинград'; (4) предикация обстоятельства: *Джай бизни классыбызны барлыгъы Ленинградхадь* 'В Ленинград поедет наш класс летом'; (5) предикация глагола-сказуемого: а) *Джай бизни классыбыз Ленинградха баргъан этерикди* 'Летом наш класс в Ленинград поедет'; б) *Джай бизни классны Ленинградха баргъаны боллукъду* 'Станется, что наш класс поедет летом в Ленинград'. (В караево-балкарской лингвистике НП (ТН) глагольного предложения, рассмотренные исходя из принципа чистого синтаксизма, отнесены в разряд именного сказуемого) [35. С. 131—142; 36. С. 111; 37. С. 183]. Вышесказанное позволяет сделать некоторые выводы о структурно-синтаксических перестраиваниях при номинализации ГП и образовании трансформационных структур актуального членения: а. Во всех случаях номинализации, кроме случаев номинализации собственно ГС (5а) и определения (3), глагол-сказуемое преобразуется в синтаксическое подлежащее в форме трансформанта-причастия [2. С. 118], частично лишаясь признака преходящей процессуальности и приобретая характер предметно-статической данности [38. С. 379]; б. В случае, когда субъект ГП (2) предикцируется и становится именным сказуемым, ГС преобразуется в синтаксическое подлежащее в форме того причастия, которое составляет основу лично-временной формы глагола (*барлыкъ* 'кто ехать должен') и содержит в своей грамматической семантике темпоральное значение последней. При этом здесь имеет место наиболее радикальная инверсия и синтаксическая конверсия, поскольку формами и функциями меняются главные члены исходного ГП, превращающиеся в НП в свои прямые противоположности; в. В НП, в которой предикцируется атрибутивный компонент ГП (3), глагол-сказуемое переоформляется в причастный атрибут, т. е. меняется местом и ролью с первым и выступает определением соответствующего существительного, которое, независимо от падежной формы и функции в ГП, стоит в НП всегда в именительном падеже, т. е. в качестве грамматического субъекта [39. С. 29], детерминированного синтаксическим атрибутом-причастием и предикцированным определением. Ср.: ГП: *Ала узакъ джолгъа чыкъдыла* 'Они отправились в долгий путь' — НП: *Аланы чыкъгъан джоллары узакъды* (досл.: 'Их выходимый путь долог'). Грамматическое противоречие, возникающее здесь и отражающее случайный характер НП, складывается из столкновения двух разнопорядковых и разнонаправленных явлений: во-первых, синтаксическая сущность атрибутивного причастия (*чыкъгъан* 'вышли на который') вытекает из его формально «ничейного» состояния как в отношении к агенсу, так и в отношении к объекту, ибо нарушены его субъектно-предикатная связь с первым и глагольно-объектная связь со вторым, что наглядно демонстрирует давление актуального членения на грамматическое членение предложения [40. С. 39]; во-вторых, подобная формально-синтаксическая нейтрализация причастия-атрибута есть следствие вытесняющего воздействия более активной, типологически релевантной и «сквозной» связи, каковой является посессивная связь, устанавливающаяся между агенсом и объектом ГП по модели посессивного двухаффиксного изафета [41. С. 24]. Иными словами, причастие-атрибут сворачивает и имплицитует свои синтаксические связи и освобождает тем самым актанты с обеих сторон для

установления между ними посессивно-изафетной связи с необходимыми формальными смещениями от их исходных форм в ГП. Посессивный изафет в данном случае (*аланЫ...джолларЫ* 'их путь') выражает свернутость субъектно-объектных отношений при номинализации ГП и соотносительность субъекта-агенса и объекта его действия друг с другом; г. В случаях, когда предикатом НП оказываются второстепенные члены ГП (1), (4), глагол-сказуемое ГП преобразуется в синтаксическое подлежащее НП в форме масдара (*барлыгъы* 'путешествие будущее его') с аффиксом принадлежности, который образует изафетную конструкцию с субъектом, выступающим здесь в роли синтаксического определения к масдарному подлежащему (*классыбызНЫ барлыгъЫ* 'класса нашего путешествие предстоящее его').

Совокупность структурно-синтаксических перестраиваний ГП в НП состоит из ряда моментов противоположного направления: 1б) приобретение второстепенным членом→обстоятельством→ГП функции и формы главного члена — сказуемого — в НП обуславливает превращение главного члена — субъекта—ГП во второстепенный член — атрибут — НП [42. С. 547—549]; 2б) выход первого из подчинительно-зависимой связи в подчиняющую связь сопровождается, с другой стороны, вступлением второго в зависимое синтаксическое отношение; 3б) развертывание подчинительной связи второстепенного члена — обстоятельства—ГП в предикативную связь НП предполагает в обратном направлении свертывание предикативно-коммуникативной связи между субъектом и его действием как главными членами ГП в посессивно-синтаксическую связь между ними как компонентами некоммуникативной изафетной конструкции; 4б) в смысле информативно-коммуникативной целесообразности номинализация ГП представляет собой дифференцированную грамматическую актуализацию логического центра высказывания посредством его частной предикации и оформления как сказуемого двучленной НП; 5б) с модально-стилистической точки зрения, номинализация ГП выступает как манипуляционное средство, при помощи которого достигаются именная «мимикрия» ГП, «маскировка» агенса и синтаксическое «искажение» логических отношений между ним и его действием, опредмечивание последнего, его опосредование и модально-этическое «отчуждение от агенса» [43. С. 225]. При таком семантико-грамматическом манипулировании происходит отрицание прямой и непосредственной зависимости действия от деятеля, игнорирование первичности семантического субъекта и вторичности его действия и представление их в алогичных отношениях, а это свидетельствует о правомерности мысли, что «язык имеет свою логику» [44. С. 384]. Асимметрическая бинарная оппозиция ГП—НП, изначально возникающая по потребностям коммуникативного членения, совмещает в себе дифференцированное выражение модальных значений необходимости (ГП) и случайности (НП).

Последняя находит своеобразное проявление в НП (5а), при которой сохраняется глагольная структура предложения, но глагол-сказуемое превращается из непосредственной деятельности субъекта в опосредованный объект его деятельности. В ряду номинализированных параллелей ГП звеном, представляющим переходную ступень от ГП к НП, является предикация по актуальному членению самого глагола-сказуемого ГП как логического центра высказывания, которая разворачивает его в НП в аналитическую конструкцию типа причастие на -гъан + служебный глагол эт. Ср.: ГП: *Сен бу джангы романны окъурукъмуса?* 'Ты будешь читать этот новый роман?'—НП эт: *Сен бу джангы романны окъугъан этерикмисе?* 'Читать-то будешь ты

этот новый роман?'. Поскольку в данном случае номинализованной предикации по актуальному членению подвергается глагольный предикат в собственной позиции, т. е. локально, то все остальные члены ГП также остаются в НП «на своих местах» и в собственных прежних ролях. А двойная самопредикация ГС в качестве сказуемого исходного грамматического членения и вторично в качестве предиката актуального членения нагнетает его коммуникативно-семантическую нагрузку как ядра высказывания, и оно подвергается делению и формально-структурному расширению в соответствии с удвоенным объемом своего содержания. Возникающая таким путем аналитическая предикатная структура имеет вид: причастие *-гъан/-ген* + прономинальный служебный глагол *эт* 'делать, создавать, каузировать' и строится по объектно-глагольной связи [45]. Причастие *-гъан/-ген*, употребляемое в положительном аспекте, имитирует грамматический объект, каузируемый транзитивным глаголом *эт*. Напр.: *юретген эт* 'научить', букв.: 'наученным/научивание делать'. Тем самым глагол-сказуемое оказывается со своим субъектом в отношениях случайности, ибо материализация действия не исходит от него как непосредственно деятеля, а попадает в прямую зависимость от реализации действия другого глагола, т. е. *эт*. Последний вступает с субъектом в непосредственную связь, вытесняя из нее действие причастия-объекта, которое становится релятивным и вторичным уже по отношению к *эт*. При этом причастие-объект имеет краткую, неопределенную форму именительного падежа, что указывает, с одной стороны, на потенциально-футуральный характер действия причастия по отношению к каузирующему глаголу *эт* как еще нереализованного и, следовательно, неопределенного события; с другой стороны, «скрытая» форма именительного падежа причастия-объекта свидетельствует о том, что транзитивно-каузирующий глагол *эт* в своей служебной функции [47. С. 219; 48. С. 47; 49. С. 379] играет здесь роль связки, т. е. вспомогательного средства предикативного порядка. Формально-семантическая специфика причастия на *-гъан* в данной дистрибуции проявляется в ряде особенностей его синтагматической совместимости. В частности, оно активно сочетается с модальными частицами *зат*, *иш* ('еще, как бы не'), выражающими неуверенность, предположение, субъективное допущение, опасение. Напр.: *Ол унутхан иш этер, сен кесинг айт* 'Он еще забудет, скажи ты сам'. При этом служебный глагол *эт* активно выступает в форме неопределенного футурума на *-р*, акцентируя гипотетичность действия и его аористный характер. Напр.: *Сабий джыгъылгъан этер да* 'Как бы ребенок не упал' (ситуативно действие может быть настоящим, прошлым, будущим). Связанный с потенциальным и неопределенным предикат *-гъан+эт* тяготеет к условному наклонению. Напр.: *Ол соргъан зат эт се, айт!* 'Если он спросит, скажешь!'. А в балкарском варианте карачаево-балкарского языка эта предикатная структура проявляет заметную тенденцию к дальнейшей абстракции своего значения в сфере повелительного наклонения, т. е. того наклонения, которое обращено в футуральную перспективу. Напр.: *Терскъолдан тамбла окъуна къайтхан этигиз!* 'Возвращайтесь-то уже завтра из Терскола!'. Намечившаяся грамматизация есть в то же время признак перехода этой составной формы из сферы актуального синтаксиса в сферу грамматического членения предложения. Взаимосвязь формальной недифференцированности неопределенно-потенциальной семантической сущности причастия *-гъан* в данной предикатной структуре подтверждается и через ее корреляцию с номинализованными перифрастическими оборотами, в значении которых отправной точкой является предварительная заданность

причастного действия. Это обороты типа причастие на *-гъан/-ген* + служебный глагол *къой* 'оставить, прекратить' и его следственный коррелят причастие на *-гъан/-ген* + служебный глагол *бол* 'быть, довольно, достаточно, хватит'. В то время как конструкция *-гъан + эт* выражает процесс в его прогрессирующем развитии, т. е. в направлении от **потенциального к его положительной или отрицательной реализации**, последние имеют противоположное направление процесса: от реальной данности действия к его прекращению, в связи с чем причастие при них выступает в определенной (аффиксальной) форме. Ср.: *Ойнагъан эт гитарада!* 'Поиграй на гитаре!', но: *ОйнагъанНЫ къой гитарада!* 'Прекрати играть на гитаре!', *ОйнагъаныНГ болду гитарада!* 'Хватит играть на гитаре!'. Другим определенным коррелятом неопределенного *-гъан + эт* является специфическая разновидность НП, встречающаяся в учкуланском говоре карачаево-балкарского языка и представляющая собой объективацию глагольного сказуемого и его опосредование с помощью перифрастического спаривания синонимичных глаголов речи: прономинально-обобщенного *де* 'звучать, произнести, молвить' и полнозначного *айт* 'сказать, говорить', сочетающихся по объектно-глагольной связи как каузируемое (*дегенни* 'сказанное, считающееся, считаемое, принимаемое') [50. С. 56] и каузирующее (*айт* 'сказать'). Напр.: ГП: *Ол бизге, ичкери келигиз, деди* 'Он нам, входите, сказал' — НП: *Ол бизге ичкери келигиз дегенни айтды*. Досл.: 'Он нам «входите» произнесенное сказал'. Данный номинализированный перифрастический плеоназм примечателен, во-первых, своей индивидуальностью, ибо специфичен для отдельной модели предложения, содержащего придаточную дополнительную часть с псевдопрямой речью, во-вторых, тем, что каузируемый объект-причастие (*дегенни*) выступает в полной афигированной форме винительного падежа как определенный и известный. Последнее объяснимо тем, что содержание говорения представлено как предварительное данное в виде псевдопрямой речи, которая предшествует сказуемому.

Из вышесказанного следует, что при НП самого ГС посредством служебного глагола *эт* номинализированная предикация осуществляется частично, на начальной стадии или в «фазе» объективации глагольного действия, и ограничена самим предикатом. Она отчуждает действие от субъекта еще не в форме и функции подлежащего или атрибута, а как прямой каузируемый объект, как результат действия переходного глагола *эт*. Опосредование действия через его объективацию в особой аналитической форме сказуемого актуального синтаксиса эксплицирует совпадение глагольного предиката и логического центра высказывания и связано с выражением причинно-следственных и concessивно-противительных отношений между данным предикатом и другим событием. Напр.: *Итни къозума, къабхан этеди!* 'Не дразни собаку, кусается!'; *Келген этмеди эсе да, болушду* 'Хотя и не пришел, но помог'. Развертывание глагольного сказуемого в номинализированную предикативную структуру преобразованием ГС в отглагольные имена действия, в частности причастия и масдары, предполагает появление у последних формально-синтаксических именных признаков, что сопровождается их «освобождением» от характерных глагольных свойств. О синтаксической субстантивации причастия в НП свидетельствует та его особенность, что оно выступает, как правило, в невидовой форме, как аспектуально недифференцированное целое [6. С. 43]. Это наблюдается и в последующих «фазовых» разновидностях НП глагольного сказуемого.

То обстоятельство, что конструкция *-гъан + эт* выражает началь-

ную ступень предикативного «расщепления» ГС по актуальному членению и представляет собой НП стадии каузирования, предполагает, что развертывание этого расщепления в субъектно-предикатную структуру должно происходить на следующей ступени, которая как следствие стадии каузирования должна быть стадией становления [51. С. 320; 52. С. 5—12], имеющей модель НП: причастие-подлежащее + служебный обобщенно-местоименный глагол *бол* 'стать, быть, случаться' [53. С. 38—39]. Ср.: ГП: *Ол сизге письмо джазгъады?* 'Он пишет вам письмо?' → НП *эт: Ол сизге письмо джазгъан этемиди?* 'Пишет ли он вам письмо?' — НП *бол: Аны(ол) сизге письмо джазгъаны боламыды?* 'Бывает ли, что он пишет вам письмо?'.

НП *бол*, представляя собой вторую ступень (становления) предикативного расщепления сказуемого ГП по актуальному членению, качественно отличается от первой ступени каузирования (НП *эт*): а) при последней причастие является объектом каузирования, при НП *бол* оно уже подлежащее; б) НП *эт* относится к уровню объектно-глагольной связи; НП *бол* представляет собой предикативно-коммуникативную единицу; в) при НП *эт* причастие имеет одно денотативное значение — акциональное, т. е. действия; при НП *бол* — два: акциональное, т. е. действия, и агентивное, т. е. деятеля. Акциональное причастие-подлежащее имеет аффиксы принадлежности, так как находится с формой родительного падежа агенса в посессивных отношениях и составляет с ним конструкцию 3-го изафета. Напр.: ГП: *Ахмат сизге келемиди?* 'Приходит ли Ахмат к вам?' — НП *бол: АхматНЫ сизге келгени боламыды?* Букв.: 'Бывает ли Ахмата приход к вам?'. Изафетно-акциональное причастие по значению конкретно, референциально соотносительно. Это объясняется тем, что агенс исходного ГП представляет собой конкретное понятие. Если же в исходном ГП агенс имеет неопределенный и неконкретный характер, что выражается неопределенными местоимениями или обобщенно-пронинализированными существительными типа *киши*, *адам* 'кто-нибудь', *биреулен* 'некто, кто-то', *джукъ*, *зат* 'вещь, нечто', 'что-то' [37. С. 184], то агентивное подлежащее-причастие в НП *бол* выступает преимущественно в непосессивной (без аффиксов принадлежности) форме, а агенс подвергается элизии, чему способствует его абстрактная семантика. Ср.: ГП: *Былайтын киши етдюмю?* 'Здесь кто-нибудь проходил?' — НП *двуаффиксно-изафетная: Былайтын кишиНИ етгени болдуму?* Досл.: 'Здесь—мимо кого-то прохождение—его было?' — НП *агентивная: Былайтын етгени болдуму?* Досл.: 'Здесь мимо проходивший случился?'. Элизия агенса влечет за собой элизию аффикса принадлежности (-и) при причастии-подлежащем. Данное явление служит частным подтверждением тому, что «когда ум погружается в созерцание и становление явлений, все кончается тем, что забывают, чем был вызван данный процесс, забывают о деятеле, субъект глагола остается в тени» [38. С. 380]. Одной из формально-структурных особенностей НП *бол* является вариативность падежной формы семантического субъекта (агенса). Последний выступает в генитивной форме и составляет с подлежащим причастием *двуаффиксный* изафет, если в высказывании нет объектных компонентов и соответствующие валентные связи причастия не актуализованы. Напр.: ГП: *Ол энди сорамады?* 'Теперь он спрашивает?' — НП: *Аны энди соргъаны боламыды?* 'А бывает ли, что он теперь спрашивает?'. Но семантический субъект (подлежащее ГП) проявляет тенденцию сохранять форму им. падежа в НП и тем самым конкурировать с грамматическим подлежащим-причастием, если в предложении име-

ются объектные компоненты, актуализирующие объектно-глагольные связи между ними и причастным действием. Напр.: ГП: *Ол энди Ахматны сорамады?* 'Теперь он спрашивает Ахмата?' — НП: *Ол энди Ахматны сорганы боламыды?* Букв.: 'Он теперь Ахмата спрашивание его бывает?'. Данный фактор представляет собой противоборство между исходной структурой грамматического членения и производной структурой НП актуального членения, что создает возможность отрицания вторичной изафетной связи через первичную глагольно-предикативную связь, на процесс которого в диахронном плане делаются убедительные указания [49. С. 261; 54. С. 7].

Агентивные НП *бол* могут «реконструироваться», допуская инверсию, а вернее, синтаксическую метатезу компонентов изафета, которые меняются местами и ролями: атрибутивно-генитивный агенс переходит в постпозицию причастия, оказывается в им. падеже и в функции подлежащего; подлежащее причастие, попав в препозицию агенса, становится его атрибутом. Ср.: ГП: *Сизге киши келемиди?* 'К вам кто-нибудь приходит?' — НП изафет: *Сизге кишиНИ келгенИ боламыды?* Букв.: 'Бывает ли чей-нибудь приход к вам?' — НП инверс.: *Сизге келген киши боламыды?* 'К вам приходящий кто-нибудь бывает?'. Последняя структура НП более устойчива, ибо по своему построению она соответствует логической зависимости признака от его носителя. Значение случайности, выявляемое на ступени каузирования из структурно-синтаксической организации НП *эт*, в которой действие как непосредственная деятельность субъекта представлено в опосредованной связи с последним как объект его деятельности, в НП *бол*, т. е. на ступени становления, выражено как отчуждением и противопоставлением действия в виде причастного подлежащего своему носителю, так и семантикой глагола *бол* 'стать, происходить, случаться'. Случайность семантических связей 'усугубляется' дальше.

В то время как в НП *эт* ГС представлено в виде объекта, создаваемого субъектом посредством каузирующего глагола *эт*, а следственная НП *бол* выражает его становление в виде подлежащего со сказуемым *бол*, в конечных «расщеплениях» ГС по актуальному членению в виде НП причастие + *бар/джокъ* оно уже выступает как положительная или отрицательная данность, развернутая в самостоятельную субъектно-предикатную структуру, т. е. как подлежащее, выраженное, как и на первых двух ступенях, в положительной форме причастия, о наличии или отсутствии которого сообщается в сказуемом, выраженном предикативами *бар* 'есть'/*джокъ* 'нет' [22. С. 159—167; 55. С. 115; 56. С. 309—310; 57. С. 4—6]. Ср.: ГП: *Сен джукъ эшитемисе?* 'Ты что-нибудь слышишь?' — НП *эт*: *Сен джукъ эшитген этемисе?* 'Слышишь ли ты что-нибудь?' — НП *бол*: *Сени джукъ эшитгенинг боламыды?* 'Бывает ли, что тебе что-нибудь слышно?' — НП *бар*: *Сени джукъ эшитгенинг бармыды?* 'Есть ли, что тебе что-нибудь слышно?'; ГП: *Сен джукъ айтырыкъ туюлмюсе?* 'Ты ничего не скажешь?' — НП *эт*: *Сен джукъ айтхан этерик туюлмюсе?* 'Не скажешь ли ты ничего?' — НП *бол*: *Сени джукъ айтханынг боллук туюлмюдю?* 'Не будет ли твоей стороны ничего сказать?' — НП *джокъ*: *Сени джукъ айтыргынг джокъмуду?* 'Нет ли у тебя что сказать?'. Синтаксические структуры актуального членения НП *эт* — НП *бол* — НП *бар/джокъ* представляют собой единую каузальную последовательность, в которой дифференцированно эксплицируются экзистенциальные стадии действия ГС — каузирование: становление: данность — посредством его развертывания в самостоятельную номинализированную предикацию. В этой связи примечательно высказывание Э. Бенвениста о том, что

«внутри утвердительного высказывания глагол выполняет двоякую функцию: функцию связи, которая заключается в организации элементов высказывания в единую законченную структуру, и функцию утверждения существования, придающую высказыванию предикат реальности» [58. С. 170]. Но если в ГС эта вторая функция содержится совмещенно и имплицитно, то в НП *бар/джокъ* она находит специальное лексико-грамматическое выражение на уровне предикации части по актуальному членению. Это обстоятельство значимо здесь прежде всего в том отношении, что оно указывает на тесную взаимосвязь между номинализацией ГП и грамматическими модификациями таких онтологических факторов, как антропоцентризм [59. С. 139] и субъективность в языке [58. С. 293]. Явление актуальной номинализации ГП представляет собой «взрыв» и деление ГС на причастие и служебный компонент (*эт, бол, бар, джокъ*), являющийся родовым коррелятом видового понятия действия сказуемого, и развертывание ГС как части в собственную субъектно-предикатную структуру. Это сопровождается процессом обратного направления — «сворачиванием» исходной субъектно-предикатной структуры ГП как целого и ее преобразованием в изафетно-синтаксическую структуру. Одним из решающих структурно-семантических смещений, вызываемых коренным перестраиванием ГП, в результате которого оно переходит в свою номинализированную противоположность, является последовательное модально-семантическое отчуждение действия от деятеля и его представление как независимой от последнего субстанциональной сущности в виде причастного объекта и субъекта. Финальным проявлением этого перехода является специфика именного посессивного «спряжения» по сравнению с глагольным. При именном спряжении т. е. НП самого ГС, для всех трех лиц деятеля предикация устанавливается через третье лицо и только в третьем лице, поскольку формальным подлежащим выступает причастие, выражающее дифференциацию по лицам деятеля в собственной форме посессивно-личными аффиксами [60. С. 296] в именной изафетной связи с атрибутивным агенсом. Ср.: ГС: *Мен айтырыкъма* 'Я скажу'; *сен айтырыкъса* 'ты скажешь'; *ол айтырыкъды* 'он скажет'. НП: *Мени айтырыгъым барды* 'У меня есть что сказать'; *сени айтырыгъынг барды* 'у тебя есть что сказать'; *аны айтырыгъы барды* 'у него есть что сказать'.

Предикативное «замыкание» НП в третьем лице, которое может определяться как «не-лицо» [58. С. 299] и оформлять безличность [61. С. 31], свидетельствует о том, что НП нейтрализуют отношение субъективности, вследствие чего действие ГС «объективируется» как самодовлеющая предметная сущность, не зависящая от воли субъекта [62. С. 261]. При ГС субъект выступает непосредственным причинным началом действия, и последнее выражается в его прямом релятивном отношении к своему носителю. Тем самым ГП есть такое построение высказывания, где форма организации мысли и отношения первичности деятеля и вторичности его действия (признака) отражены однонаправленно как эксплицирование субъективности в языке. При НП действие ГС волюнтаривно-семантически «освобождается» от субъективной первопричины (деятеля) и представляется как каузально и экзистенциально автономная объективная данность, отрицающая свою зависимость от первичного фактора. В этом плане номинализированные параллели (трансформы) глагольного сказуемого служат средством модально-стилистического устранения [63. С. 137; 4. С. 379] из высказывания причастности субъекта к действию.

П Р И М Е Ч А Н И Я

- ¹ Мещанинов И. И. Структура предложения. М.; Л., 1963.
- ² Гаджиева Н. З., Серебренников Б. А. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Синтаксис. М., 1986.
- ³ Вандриес Ж. Язык: Лингвистическое введение в историю / Пер. с фр. М., 1937.
- ⁴ Виноградов В. В. Русский язык: (Грамматическое учение о слове). 3-е изд., испр. М., 1986.
- ⁵ Гак В. Г. Номинализация сказуемого и устранение субъекта // Синтаксис и стилистика. М.: Наука, 1976.
- ⁶ Комри Б. Номинализация в русском языке: словарно задаваемые именные группы или трансформированные предложения? // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 15.
- ⁷ Лиз Р. Б. Построение номинализированных конструкций в турецком языке и проблема эллипсиса // Там же.
- ⁸ Вендлер З. Причинные отношения // Там же.
- ⁹ Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М., 1976.
- ¹⁰ Здесь и далее используются следующие условные сокращения: ИП — именное предложение; ИС — именное сказуемое; ГП — глагольное предложение; ГС — глагольное сказуемое; НП — номинализированная параллель; ТН — трансформация номинализации.
- ¹¹ Шведова Н. Ю. Об идентификации предложений на основе их стационарных характеристик // Проблемы структурной лингвистики. М., 1981.
- ¹² Матезиус В. О так называемом актуальном членении предложения / Пер. с чеш. // Пражский лингвистический кружок. М., 1967.
- ¹³ Грамматическое сказуемое НП (в данном случае *Бакудады 'в Баку + есть'* выражено не именем существительным в местном падеже, а обстоятельством места как членом предложения первичной грамматической структуры ГП. Члены предложения НП производны от членов предложения исходного ГП, и соответственно синтаксическая структура первых базируется на структуре последнего.
- ¹⁴ Тенишев Э. Р. Строй саларского языка. М., 1976.
- ¹⁵ Ковтунова И. И. Современный русский язык: Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976.
- ¹⁶ Современный русский язык / Под ред. В. А. Белошапковой. М., 1981.
- ¹⁷ Ср.: Чейф Л. У. Значение и структура языка / Пер. с англ. М., 1975.
- ¹⁸ Богуславский И. М. Исследования по синтаксической семантике: сферы действия логических слов. М.: Наука, 1985.
- ¹⁹ Гальперин И. Г. Речевые стили и стилистические средства языка // Вопр. языкознания. 1954. № 4.
- ²⁰ Мухин А. М. К проблеме содержания и формы в лингвистике // Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. М., 1970.
- ²¹ Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. М.; Л., 1948.
- ²² Юлдашев А. А. Аналитические формы глагола в тюркских языках. М., 1965.
- ²³ Он же. Система словообразования и спряжения глагола в башкирском языке. М., 1958.
- ²⁴ Кононов А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII—IX вв. Л., 1980.
- ²⁵ Современный татарский литературный язык: Лексикология. Фонетика. Морфология. М., 1969.
- ²⁶ Серебренников Б. А. Система времен татарского глагола. Казань, 1963.
- ²⁷ Урусбиев И. Х. Спряжение глагола в карачаево-балкарском языке. Черкесск, 1963.
- ²⁸ Современный казахский язык: Фонетика и морфология. Алма-Ата, 1962.
- ²⁹ Коркина Е. И. Наклонение глагола в якутском языке. М., 1970.
- ³⁰ Ср.: Ломтев Т. А. Грамматическое и логическое в предложении // Исследования по славянской филологии. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 1974.
- ³¹ Солнцев В. М. Грамматическая структура и актуальное членение предложения // Восточное языкознание: Грамматическое и актуальное членение предложения. М.: Наука, 1984.
- ³² См.: Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л., 1941.
- ³³ Виноградов В. В. Исследования по русской грамматике // Избранные труды. М., 1975.
- ³⁴ Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 1982.
- ³⁵ Алиев У. Б. Синтаксис карачаево-балкарского языка. М., 1973.
- ³⁶ Ахматов И. Х. Главные члены предложения и средства их выражения в современном карачаево-балкарском языке. Нальчик, 1968.
- ³⁷ Грамматика карачаево-балкарского языка: Фонетика. Морфология. Синтаксис. Нальчик, 1976.

- ³⁸ Ср.: *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка/Пер. с фр. М., 1955.
- ³⁹ Ср.: *Бабина Т. П., Белошапкина В. А.* К вопросу о семантическом субъекте // Филол. науки. 1984. № 2.
- ⁴⁰ *Быкова Е. М.* О соотношении формальной и актуальной структур предложения // Восточное языкознание: Грамматическое и актуальное членение предложения. М.: Наука, 1984.
- ⁴¹ *Майзель С. С.* Изафет в турецком языке. М.; Л., 1957.
- ⁴² Ср.: *Комри Б.* Синтаксис и семантика в трансформационной грамматике // Проблемы структурной лингвистики. 1972. М., 1973.
- ⁴³ Ср.: *Савченко А. Н.* Части речи и категории мышления // Язык и мышление. М., 1967.
- ⁴⁴ *Есперсен О.* Философия грамматики/Пер. с англ. М., 1958.
- ⁴⁵ «Составная форма -гъан +эт, специфичная для карачаево-балкарского языка», отнесена к категории сложносоставных глаголов [46. С. 99] исходя из их композиционного подобия. Но собственно сложносоставные глаголы составляют словарно-лексический разряд, тогда как -ган +эт принадлежит к принципиально другому уровню, а именно к коммуникативному синтаксису.
- ⁴⁶ *Урусбиев И. Х.* Спряжение глагола в карачаево-балкарском языке. Черкесск., 1963.
- ⁴⁷ См.: *Харитонов Л. Н.* Современный якутский язык. Якутск, 1947.
- ⁴⁸ *Балакаев М. Б.* О комбинированном употреблении прямого дополнения в казахском языке // Тюркологический сборник. 1. М.; Л., 1951.
- ⁴⁹ *Дмитриев Н. К.* Строй тюркских языков. М., 1962.
- ⁵⁰ Ср.: *Тадыйкин В. Н.* Причастие в алтайском языке. Горно-Алтайск, 1971.
- ⁵¹ *Корттунен Л.* Логика английских конструкций с сентенциальным дополнением // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985.
- ⁵² *Жирмунский В. М.* Об аналитических конструкциях // Аналитические конструкции в языках различных типов. М.; Л., 1965.
- ⁵³ *Ахметов М. А.* Глагол в языке орхоно-енисейских памятников. Саратов: СГУ, 1978.
- ⁵⁴ *Севортян Э. В.* О некоторых вопросах структуры предложения в тюркских языках // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. М., 1961. Т. 3: Синтаксис.
- ⁵⁵ *Тенишев Э. Р.* Строй сарыг-югурского языка. М., 1976.
- ⁵⁶ *Мусаев К. М.* Грамматика караймского языка: Фонетика и морфология. М., 1964.
- ⁵⁷ *Ахмедов Дж. С.* Предикативы в современном азербайджанском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1970.
- ⁵⁸ *Бенвенист Э.* Общая лингвистика/Пер. с фр. М., 1974.
- ⁵⁹ *Степанов Ю. С.* Основы общего языкознания. М., 1975.
- ⁶⁰ *Газизов Г. С.* Сопоставительная грамматика татарского и русского языков. Казань, 1966.
- ⁶¹ См.: *Галкина-Федорук Е. М.* Безличные предложения в современном русском языке из безличных глаголов 3-го лица и глаголов с формой безличности // Докл. и сообщ. филол. фак. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова. 1947. Вып. 2.
- ⁶² Ср.: *Крейнович Е. А.* Глагол кетского языка. Л., 1968.
- ⁶³ См.: *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. М., 1968. Т. 3: Об изменениях значения и заменах существительного.

М. С. ИСМАИЛОВ, А. М. ШАХНАРОВИЧ

ГРАММАТИЧЕСКОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В РУССКОМ И УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКАХ

Категория пространства является одним из видов взаимоотношений между реальными вещами в объективной действительности, каковыми являются также отношения временные, причинные и т. д. Более того, пространственные отношения (ПО) — наиболее распространенные и несомненно важные, ибо, как писал Ф. Энгельс, «...основные формы всякого бытия суть пространство и время...» [1. С. 47].

Каждый язык отражает эти отношения разными способами, с помощью различных лексических или грамматических средств, что составляет его специфику. Постепенно в своем развитии язык все больше и больше приспособляется к наиболее гибкому отражению ПО. Это значит, что пространственные представления, существующие в человеческом сознании и выражаемые в языке, не являются непосредственными «отпечатками» или копиями реальных ПО, а заключают в себе обобщенное и абстрагированное отражение объективной категории пространства и стремятся быть адекватными последней.

Таким образом, категория пространства независима от нашего сознания и языка. Следовательно, во всем своем многообразии языковые средства (любого языка) не могут охватить все ПО в объективной действительности. В языке существует определенная система пространственных значений (ПЗ). Не только способ выражения одного значения, но и само ПЗ, закрепленное в одном языке, может отсутствовать в системе другого языка. Поэтому сопоставление способов выражения локативных отношений (ЛО) и самих систем ПЗ в двух (в данном случае в узбекском и русском) языках расширяет представление о категории пространства. В типологическом плане эта проблема ждет своего исследования.

Основным средством выражения ЛО, носителем конкретного ПЗ в русском языке, как известно, является предложная конструкция. Аналогичную функцию в узбекском языке выполняют как аффиксальная, так и послеложно-именные и другие формы (конечно, и в русском языке ЛО, хотя и редко, но выражается беспредложной конструкцией, а также дейктическими средствами — в обоих языках). Дело не только в отсутствии предлога в узбекском, послелога — в русском или в позиционном и количественном различии этих двух языковых средств. Немаловажно качественное различие, заключающееся в семантических особенностях предлога и послелога.

Принято считать, что предлог не имеет собственно лексического значения. Однако, как писал В. В. Виноградов, русские предлоги в

большей части еще не вполне утратили лексическую отдельность. «Собственное значение предлога не может проявиться вне связи с падежной формой какого-нибудь названия или предмета» [2. С. 555]. Как считал К. С. Аксаков, значение это находится в них «как намек, который становится ясен только при падеже» [2. С. 556].

В отличие от предлогов (имеются в виду первичные), послелоги исторически восходят к определенным знаменательным частям речи и, с течением времени частично или полностью утрачивая свое лексическое значение, выполняют грамматическую функцию аналогично предлогам. Сама проблема послелога весьма спорна в тюркологии. Ряд тюркологов (Н. К. Дмитриев, А. А. Коклянова, Ф. Р. Зейналов и др.), отмечая существенную разницу между послелогом и служебным именем, выступающим в роли послелога, предлагает выделить последний как отдельный разряд служебных частей речи. Основой для этого служит то, что послелог является морфологически неизменяемым и требует только одну форму падежа управляемого имени, а служебное имя само может иметь аффикс нужного падежа. Считается также, что первый полностью утратил свое лексическое значение, а последнее лишь частично его лишилось, и потому они могут выступать и во вспомогательной функции и как знаменательное слово. Другие же авторы, признавая различия между послелогам и служебными именами и исходя из идентичности функций последних, тем не менее не выделяют служебные имена в отдельный класс. Вслед за А. Н. Кононовым, Н. А. Баскаковым мы отличаем собственно послелоги, или послелоги-частицы: *билан*, *узра*, *қадар* и послелоги-имена: *устида*, *игида*. Хотя, как нам кажется, вторую группу очень условно можно называть послелогам-именами, поскольку ее состав далеко не однороден: не только имена, но и наречия типа *якин* 'близко', *узок* 'далеко' и пр. «Послелоги-имена, — пишет А. Н. Кононов, — характеризуют последние, входя особой категорией в систему склонения, образуют с предшествующим ему словом (именем) новое имя, сложное в своем построении. Семантика первого компонента этого сложного имени осложняется присущими послелогам-именам пространственными значениями, которые уточняют и дополняют значения падежей» [3. С. 43]. В этой фразе не выяснено только одно: дополняется ли значение падежа управляемого имени или значение пространственного падежа, который принимает сам послелог. Известно, что предлог дополняет и конкретизирует значение, заложенное в падежной форме имени (ср.: *на стол-е*). ПЗ «место» выражено формой предложного падежа имени *столе*, а предлог *на* конкретизирует местонахождение — «на поверхности». В узбекском языке это же ПЗ передается изафетной конструкцией (*стол-нинг устида* или *стол устида*). Синтаксическая функция послелога-имени *уст* 'верх' заключается не в конкретизировании значения падежа имени *стол+нинг*, а в уточнении значения аффикса местного падежа *-да*, который принимает сам послелог, но не имя. Ср.: *на столе*,

узб. изафет *стол(нинг) уст+и+да*,

букв.: *стол+а* верх+его+на.

Итак, в русском языке ПЗ локализуется в падежной форме имени (и уточняется предлогом), а в узбекском оно локализуется в форме аффикса одного из «пространственных» падежей, принимаемого послелогом-именем (и дополняется лексическим значением последнего).

Послелог-имя, с одной стороны, сохраняет самостоятельность значения и принимает форму пространственного падежа, с другой — тре-

бует от предшествующего слова (обычно имени) иметь только форму притяжательного падежа. Как правило, эта форма притяжательного падежа имени может быть оформленным суффиксом *-нинг* (*столнинг* *устиди*) или неоформленным (*стол устиди*).

Таким образом, в отличие от аморфных русских пространственных предлогов, узбекские послелого-имена, являющиеся основными функциональными эквивалентами первых, сами ставятся в той или иной падежной форме. Для последних характерна тесная связь с именем при конкретизации ПЗ (локализации действия), а русским предлогам свойственна тесная связь с глаголом (особенно префиксальная) при управлении именем.

Аффиксальная форма имени в функции эквивалента пространственного предлога в ряде случаев успешно дублирует конструкции с послелогами-именами и послелогами-частичами. В частности, когда нет необходимости особо подчеркивать значения «внутренности» (интрапозиционные ПО) или «поверхности» (суперпозиционные ПО), аффикс местного падежа *-да* как эквивалент предлогов *в*, *на* употребляется синонимично (и даже доминирует) послелогам *ичида*, *устиди* (ср.: *боғ да—боғ ичида* 'в саду', *стол да—стол устиди* 'на столе'); аффикс дательного-направительного падежа *-га* (*-ка*, *-қа*) дублирует послелого *устига*, *ичига* (ср.: *боғқа—боғ ичига* 'в сад', *столга—стол устига* 'на стол', аффикс исходного падежа *-дан* в качестве эквивалента предлогов *из*, *с*, *от* — послелого *устидан*, *ичидан* (ср.: *боғ дан—боғ ичидан* 'из сада', *стол дан—стол устидан* 'со стола'). В некоторых случаях послелого-частицы могут заменяться аффиксом дательного-направительного падежа, как, например, *Бухорога—Бухоро сари*, *Бухоро томон* 'в Бухару', а также *кул да—* в местном падеже дублирует *кўл узра* 'на озере', *боғ да—боғ ичра* 'в саду'.

При указании на географические названия и выражения недифференцированных ПО только формы пространственных падежей имени, точнее, аффиксы *-да*, *-га*, *-дан*, являются единственными функциональными эквивалентами русских пространственных предлогов *на*, *в*, *из*, *с*, *от* (ср.: *Ўзбекистон дан* 'из Узбекистана'), и в этом случае неуместно употребление послелога.

Все это позволяет сделать вывод, что в узбекском языке отсутствует прямой аналог предлога. В одних случаях ему соответствует послелог-имя, в других — собственно послелог, в третьих — аффикс «пространственного» падежа в качестве функционального эквивалента.

Точные соответствия узбекских послеложных и падежных форм и русских предложно-падежных форм, как справедливо отмечает Н. А. Баскаков, могут быть установлены только в каждом конкретном случае. «Поэтому русские падежные формы с предлогами, — пишет он, — могут быть соответственно сопоставлены с аналогичными падежными формами с послелогами или с какими-либо другими в тюркских языках (в узбекском в частности. — М. И., А. Ш.) только словарным способом, т. е. в каждом отдельном случае особо» [4. С. 195].

Неидентичность способов выражения ПО в русском и узбекском языках, неравномерность объема ПЗ в предлогах и послелогах и т. п. создают значительные трудности в плане обучения русскому языку в узбекской аудитории и овладения узбеками русским языком.

По данным Т. В. Булгаковой, примерно одна треть (а точнее, 32%) грамматических ошибок в русской речи узбеков-билингвов приходится на долю употребления предлогов русского языка [5. С. 6]. Очень большую часть этих ошибок в выборе предлогов и их употреблении состав-

ляет неверная подмена (или пропуск) последних пространственным значением.

Одним из основных факторов, приводящих к подобным случаям грамматической интерференции в русской речи узбеков, как было упомянуто выше, является именно несовпадение объема семантики отдельных предлогов и послелогов и систем ПЗ в двух языках в целом. Например, то, что дифференцируется в русском языке как два отдельных ПЗ и соответственно обозначается предлогами *через* и *сквозь*, в узбекском не расчленяется и обозначается послелогом *орқали*. В связи с поиском эффективных путей преодоления грамматической интерференции, при сознательном сопоставительном изучении языковых средств (в частности выражающих ПО), особое значение приобретают их структурные расхождения, семантические и функциональные различия. Приведем некоторые случаи функционального и семантического соотношения средств выражения ПО в узбекском и русском языках.

В частности, под влиянием формы узбекского местного падежа (афф. *-да*), который употребляется одинаково синонимично с послелогом-именем *ичида* в значении «внутренности» и с послелогом-именем *устида* в значении «поверхности», узбеки-билингвы легко смешивают предлоги *в* и *на* с ПЗ и часто в русской речи употребляют предлог *на* взамен *в* (напр., *на магазине* вм. *в магазине*, ср.: *магазинда* — *магазин ичида*) или же (хотя и очень редко) *в* вместо *на* (ср.: *в улице* вм. *на улице* = узб. *куча да*).

Под влиянием узбекского беспослеложного дательно-направительно-го падежа (афф. *-га, -ка*) узбеки-билингвы употребляют *на* вин. п. взамен *в* вин. п. (ср.: *ехать на парк* вм. *в парк* = узб. *паркка*) или *в* взамен *на* (ср.: *иду в рынок* вм. *на рынок* = узб. *бозорга*). Очень часто наблюдаются случаи пропуска предлогов *в* и *на*, причиной которых служат опять же узбекские беспослеложные местный и дательно-направительный падежи (ср.: *Завтра ... Ленинград поеду* вм. *Завтра поеду в Ленинград* = узб. *Эртага ... Ленинградга бораман*). Другой пример: *Я его ... арбе принес* вм. *Я его на арбе привез* — под влиянием узб. *Мен уни ... арава да олиб келдим*.

С другой стороны, «само употребление предлогов в русском языке весьма сложно и многообразно и не всегда укладывается в четкие схемы» (см.: [5]), и, следовательно, смещение преимущественно предлогов *в* и *на* с ПЗ в русской речи не только билингвов, но и некоторых носителей русского языка в определенных ситуациях объясняется тем, что «употребление их является немотивированным (разрядка наша — М. И., А. Ш.) с точки зрения норм современного русского языка, т. е. условным. В каждом отдельном случае оно, вероятно, может быть объяснено исторически, но для современного русского языка является лишь традицией» [5]. Подобными ошибками являются употребления типа: *в почте* вм. *на почте*, *в Таганке* вм. *на Таганке*, *в Украине* вм. *на Украине*, *в юге* вм. *на юге*, *на театре* вм. *в театре*, *в заводе* вм. *на заводе* и пр.

Под влиянием узбекского беспослеложного исходного (афф. *-дан*) падежа, который употребляется одинаково синонимично послелогам *устидан* со значением «с поверхности» и послелогам *ичидан* со значением «изнутри», узбеки-билингвы смешивают, подменяют предлоги *с* и *из*, употребляя в большинстве случаев *с* вместо *из* (ср.: *взял книги с портфеля* вм. *из портфеля*, *с театра* вм. *из театра*, или же наоборот, *из поля* вм. *с поля* — театр*дан*, дала*дан*).

Во многих случаях оба эти предлога заменяются предлогом *от* (в котором не дифференцируется значение «внутренности/поверхности») и тем самым стоят ближе к форме исходного падежа (афф. -дан), чем предлоги *с*, *из* (ср.: *приехал от Киева* вм. *из Киева* — под влиянием узб. *Киевдан келди* или *от кышии упал камень* вм. *с кышии*).

В семантике узбекского служебного имени *уст* (М. п. — *устида*, Дат.-Н. п. — *устига*) не различаются семы «соприкосновенности/несоприкосновенности», которые соответствовали бы значениям русских предлогов *на* со значением «соприкасающийся с локумом поверхности» и *над* со значением «несоприкасающаяся верхняя поверхность» (ср.: *на льду* — *муз устида*, *над рекой* — *дарё устида*). Поэтому в русской речи билингвов-узбеков наличествуют ошибки в употреблении предлогов *на* и *над* с ПЗ (т. е. не различаются их дифференциальные признаки), возникающие под интерферирующим влиянием послелога-имени *уст* (-ида, -ига), ср.: *облака на скалах* вм. *облака над скалами*.

Послелог *билан* в своем комитативном (совместном) значении функционально соответствует русскому предлогу *с* (ср.: *Ота билан бормоқ* 'идти с отцом'). Узбекские дети-билингвы, не различающие другие эквивалентные соответствия послелога *билан* в русском языке, во всех случаях употребления переводят его на русский язык предлогом *с* (например, взамен *по* в пространственном значении), потому что опираются на первоначально усвоенное ими соответствие послелога и предлога (ср.: *пройти с дорогой* вм. *пройти по дороге*: *йўл билан утмоқ*).

Некоторые значения, передаваемые русскими предлогами, не дифференцируются также в следующих узбекских послелогах, служебных именах:

орқали (в отличие от русских предлогов *через* со значением «преодоление препятствующего локума» и *сквозь* со значением «преодоление препятствующего локума со значительными трудностями»);

ёнида (в отличие от соответствующих русских предлогов *у*, *при*, *под* с разными оттенками значения «непосредственной близости к локуму»);

яқинида (в отличие от предлогов *около*, *подле*, *возле*, *близ*, *вблизи*, значения которых отличаются друг от друга по степени близости к локуму);

ўртасида (в отличие от пространственных предлогов *между*, *меж* и *среди*, *посреди*; ср.: *между двух объектов*, *среди множества объектов*) и, наконец, послелог-имя *олдида* (в отличие от предлогов *перед* со значением «только фасад» и *у* со значением «сбоку», «фасад»).

Итак, сущность расхождения, различия между вышеуказанными послелогами и предлогами заключается в детализации, конкретизации, расщеплении некоторых ПЗ, в наличии отдельных предлогов для обозначения каждого оттенка значений, и наоборот — в обобщенном выражении и неразличении оттенков в значении послелогов. В результате этого расхождения в русской речи билингва-узбека могут встречаться ошибки типа: *Камера хранения была у вокзала* (вм. *на/при вокзале*); *Танк стоял около* (вм. *вблизи*) *поселка*; *Машина остановилась у дома* (вм. *перед домом*); *Я видел его темную фигуру через* (вм. *сквозь*) *туман*.

Что касается позиционных различий предлогов и послелогов, то благодаря своей позиции последние в известном смысле выигрывают. Согласно гипотезе, выдвинутой Д. И. Слобиным [6], послелоги, а в еще большей степени суффиксы, находящиеся в конце слова или после знаменательного слова, обладают «перцептивной выпуклостью» и имеют преимущества при овладении ими по сравнению с находящимися

в препозиции. Результаты проведенного нами эксперимента с детьми-билингвами подтверждают правильность этого положения.

Насколько позволяют судить данные эксперимента, это положение может быть распространено на обучение русскому языку носителей иноструктурных языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг. М., 1966.
 2. *Виноградов В. В.* Русский язык. М.: Высш. шк., 1986.
 3. *Кононов А. Н.* Послелог в современном узбекском литературном языке. Ташкент, 1951.
 4. *Баскаков Н. А.* Сопоставительный анализ структуры словосочетаний и предложений в русском и тюркских языках // Пути развития национально-русского двуязычия в нерусских школах РСФСР. М.: Наука, 1979.
 5. *Булгакова Т. В.* Грамматическая интерференция и иные факторы, влияющие на русскую речь узбеков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент: Фан, 1973.
 6. *Слобин Д. И.* Когнитивные предпосылки развития грамматики // Психолингвистика. М.: Прогресс, 1984.
-

ЛИТЕРАТУРА. ФОЛЬКЛОР. КУЛЬТУРА

Р. К. ГАНИЕВА

Г. ИБРАГИМОВ И ЛИТЕРАТУРЫ СОВЕТСКОГО ВОСТОКА

В творчестве Галимджана Ибрагимова органически соединены гуманистические традиции мировой литературы с художественным опытом литературы национальной. Революционная направленность его произведений, присущий им дух интернационализма способствовали широкому признанию творчества татарского писателя многими народами СССР.

Важную роль в процессе приобщения национальных литератур к опыту мировой литературы Ибрагимов придавал переводам. «Нам нужны, — писал он, — переводы таких гениев, как Гомер, Данте, Шекспир, Шиллер, Гете, Байрон... Если мы не хотим задохнуться в своей национальной скорлупе и желаем, приобщившись к общечеловеческой культуре, озарить умы и мысли наши ее немеркнущим светом, то без этих переводов нам не обойтись. И я верю, осталось недолго ждать этого» [1. Т. 5. С. 223]. Ибрагимов утверждал равноценность культур Запада и Востока, подчеркивал единство мирового литературного процесса. «Нам необходимо знать прошлое Востока, — отмечал он, — впитывать его поэзию и мудрость. Настало время поставить гениев Востока рядом с классиками Запада и склонить головы перед ними. С кафедр медресе донести до сердца татарина любовь не только к «Илиаде» и «Божественной комедии», но и к Маари, «Шах-наме» Фирдоуси, «Гулистану» Саади, «Лейли и Меджнуну» Физули [1. Т. 5. С. 223—224].

Утверждение того, что литературы Запада и Востока должны не противостоять, но взаимодействовать, взаимно обогащать одна другую, было одним из основных положений революционно-демократической эстетики Ибрагимова.

Литературные связи Ибрагимов рассматривал как закономерность развития мировой культуры. По его мнению, они возникают неслучайно и не по субъективному желанию отдельных личностей. В каждую эпоху выбор и освоение художественного опыта того или иного культурного мира обусловлены состоянием производительных сил и духовных потребностей народов, а также особенностями развития национальных литератур. Ибрагимов одним из первых среди татарских писателей и ученых-литературоведов определил этапы и своеобразие связей татарской литературы с всемирной литературой. Характер литературных связей он соотносил с общественно-экономической формацией, историческим опытом, психологией, культурой нации. Писатель подчеркивал, что духовная жизнь татар эпохи средневековья находилась под определяющим воздействием арабо-иранской цивилизации, среднеазиатской куль-

туры в особенности. «В XVI, XVII, XVIII веках, вплоть до середины XIX века, — писал он, — татарская культура, религиозная схоластика, древняя литература, ученые, поэты — все находилось под влиянием среднеазиатской цивилизации, чагатайской литературы» [1. Т. 5. С. 433].

С философскими трудами и художественными произведениями среднеазиатских авторов Ибрагимов познакомился еще в годы учебы в татарских медресе. Интерес к ним не ослабевает у него и в советский период. В своих трудах он неоднократно упоминает имена крупнейших представителей арабского, ирано-таджикского и узбекского Ренессанса. В «Канонах литературы» (1918), определяя жанр героической поэмы, писатель дает краткий анализ «Шах-наме» Фирдоуси. Тем, кто изучает рубаи Омара Хайяма, рекомендует читать работы таджикских, турецких и татарских ученых. В работе «О пролетарской литературе» (1924) писатель исследует поэзию Маари, Хайяма, Хафиза, подчеркивая, что их творчество — «достояние мировой цивилизации» [1. Т. 5. С. 431]. Полемизируя со сторонниками «культурно-исторической школы» и «географического направления» в литературе, Ибрагимов доказывает обусловленность творчества средневековых арабских, ирано-таджикских, узбекских, азербайджанских поэтов особенностями социально-экономической и духовной жизни в эпоху феодализма.

Ибрагимов неоднократно отмечал исключительную популярность у татарских читателей жемчужины восточного фольклора — анекдотов о Ходже Насретдине — смелом обличителе нравственных, социальных пороков, а также народных романтических дастанов «Тахир и Зухра», «Буз джигит». Он глубоко любил узбекскую литературу — лирику «повелителя слов» Лутфи, Алишера Навои. «Эта литература, — отмечает он, — будучи плодом одной из великих цивилизаций в Средней Азии, оказала большое влияние и на нас, и на османцев, и на азербайджанскую литературу. Такой поэт, как Навои, талант которого расцвел в «золотой век» узбекской литературы, прославился не только у себя в Туркестане, но и в Анатолии» [1. Т. 5. С. 353].

Ибрагимов проявлял огромный интерес к поэзии великого представителя азербайджанского, всего восточного Ренессанса Мухаммеда Физули. Он восхищался исключительной поэтической одаренностью Физули, создавшего произведения на трех языках — арабском, персидском, тюркском, считая, что поэма «Лейли и Меджнун» не имеет аналогов в других тюркских литературах. В 1913 г. в письме из Киева, адресованном Фатыху Кариму, Ибрагимов пишет: «Литература, где есть Физули, для нас, татар, может явиться исключительным примером, образцом, даже сокровищем» [2. С. 107].

Ибрагимов обнаруживает типологическую близость поэзии татаро-башкирского поэта Ш. Бабица и Физули в передаче самых сложных душевных переживаний. Следы влияния великого азербайджанского поэта он находит и в творчестве татарского народного поэта Габдуллы Тукая. Например, Ибрагимов считает, что стихотворение Тукая «Восхождение» написано под воздействием лирики Физули [1. Т. 5. С. 85, 132, 321].

Близко и дорого было Ибрагимову творчество основоположника азербайджанской реалистической драматургии М. Ф. Ахундова. Размышления о значении его художественного наследия для судеб азербайджанской литературы имеются в целом ряде работ исследователя, выражавшего уверенность в том, что «если азербайджанцы напишут историю своей литературы, то во главу ее поставят творчество М. Ф. Ахундова» [1. Т. 5. С. 226; Т. 6. С. 359].

С большим уважением Ибрагимов писал об азербайджанских просветителях XIX—начала XX в. — издателях первой азербайджанской газеты «Экинчи» («Пахарь») Гасанбека Зардаби и Наджафбека Везирова [I. Т. 5. С. 226; Т. 6. С. 272]. Его восхищают азербайджанское драматическое и оперное искусство, музыка, журнал революционно-демократического направления «Молла Насреддин». Ибрагимов радуется и успехи молодой азербайджанской советской литературы, талантливые писатели, вышедшие из рабочих и крестьян [I. Т. 6. С. 352].

Вся педагогическая, литературная, научная, революционная деятельность Ибрагимова была направлена на укрепление братства народов нашей многонациональной страны. Еще до Октябрьской революции он стал известен как певец дружбы народов и литератур. Так, например, в 1913 г. им была проделана большая работа по духовному сплочению мусульманских студентов, обучавшихся в высших учебных заведениях Киева, распространению среди них революционных идей, укреплению межнациональных литературных связей. Именно в Киеве он установил контакты с прогрессивными деятелями русской и других национальных культур — с Саидом Габиевым, дагестанским писателем, революционером, редактором «Мусульманской газеты». Здесь же началась его переписка с известным востоковедом, акад. В. В. Бартольд, дружеские контакты с которым Ибрагимов поддерживал и в советское время.

В 1915—1916 гг., будучи преподавателем уфимского медресе «Галия», Ибрагимов уделяет серьезное внимание воспитанию интернациональных взглядов у учащихся, ратует за единение татарского, башкирского, казахского, киргизского, узбекского и других народов. Он отстаивает равенство языков и литератур тюркоязычных народов, указывает на их генетическое родство и историческую взаимосвязь в далеком прошлом, приветствует возрождение национальных культур и литератур в XX в. Одновременно Ибрагимов проводит большую работу среди многонационального состава шакирдов медресе «Галия» по изучению культур тюркских народов, формирования и развития таких национальных литератур, как турецкая, азербайджанская, узбекская, казахская, татарская, башкирская. Он выступает против реакционного духовенства, буржуазных националистов. И в советский период Ибрагимов продолжает критиковать пантюркистские, панисламистские взгляды отдельных деятелей буржуазной культуры и белоэмигрантов. В книге «Черные маяки, или белая литература» (1924) он писал: «Словом, утверждение, что языки и литературы российских мусульман едины, и попытка связать их всех одним арканом и включить в единую «исламскую нацию» является лишь слепотой. У казахов, узбеков, азербайджанцев, крымских татар, татар, туркмен, башкир — у каждого из них имеется свой литературный язык и литература с присущими только им особенностями, собственной историей и правом на самостоятельное существование. Они развивались, развиваются и будут развиваться собственным путем, а сегодня вступают в пролетарскую эпоху своего развития» [I. Т. 6. С. 360].

Ибрагимов критикует буржуазную ограниченность взглядов, шовинистические устремления некоторой части татарской молодежи, обучающейся в медресе «Галия», защищает стремление казахской интеллигенции создать на родном языке периодическую печать, науку. В статье «Языки разные, но духом единые» (1916) он подчеркивает «мощную самобытность» духовной жизни казахского народа, высоко оценивает его фольклор. «Их народная литература, — отмечает он, — отличающаяся оригинальностью среди тюркских племен, исключи-

тельно богата и велика... Прежде чем мечтать о включении казахов в понятие татарский язык и литература, нам необходимо глубоко изучить казахскую народную литературу в целях обогащения собственного литературного наследия» [1. Т. 5. С. 229].

Большие надежды возлагает Ибрагимов на казахскую литературу, имеющую богатый фольклор и такого великого поэта, как Абай Кунанбаев, и предсказывает ей великое будущее. «Никакие силы, — заключает он, — не могут остановить ее поступательное движение» [1. Т. 5. С. 230].

Ибрагимов сразу принял Октябрьскую революцию. Он приветствовал зарождение и становление новой литературы на тюркских языках. В статьях «Вокруг вопроса о литературе, печати тюркских народов» (1922), «Из мира литературы тюркских народов» (1922) Ибрагимов делает обстоятельные обзоры газет и журналов, издававшихся в национальных республиках, таких, как, например, «Коммунист», «Инкыйлаб» («Революция»), «Әхбәр» («Весть»), «Кызыл Казахстан» («Красный Казахстан»), «Төркмән иле» («Туркменский край»), «Яшь уйгур» («Молодой уйгур»), «Кызыл ил» («Красная страна»), «Кызыл укучы» («Красный читатель»), «Чаткы» («Искра») и др.

Рождение новых литератур Ибрагимов рассматривает как закономерное явление, вызванное к жизни историческими преобразованиями общества. «На Кавказе под влиянием революции, — указывает он, — началось пробуждение таких новых национальных языков и литератур, как карачаевская и кумыкская. Наша партия не препятствует этому процессу, напротив, помогает их росту» [3].

Ибрагимов глубоко верил в развитие литературы и культуры туркменского народа, поддерживал молодых туркменских литераторов, сотрудничавших в журнале «Төркмән иле» по созданию на доступном для рабочих и крестьян языке новой литературы. «Работа, предстоящая туркменским товарищам, — отмечал Ибрагимов, — равносильна той, которую проделали русский Ломоносов, наш Каюм Насыров. Приветствуем движение, начатое вами, хотя и с запозданием. Желаем успеха молодым литераторам, новому журналу: дело ваше святое, задачи ваши трудны, окружающий вас народ неграмотен. И все же, товарищи, вы, благодаря партии и революции, сможете по-большевистски выполнить эту работу быстрее и легче, чем Ломоносов и Насыров» [4. С. 61].

Ибрагимов радуется успехам узбекских, татарских, башкирских, уйгурских литераторов в просвещении и идеологическом воспитании трудящихся, дает советы методологического характера.

Он всегда следовал ленинскому указанию о том, что «...мы всячески помогаем самостоятельному, свободному развитию каждой народности, росту и распространению литературы на родном для каждого языке...» [5. С. 114].

Ибрагимов поддерживает тесные связи с общественными деятелями, учеными, писателями разных национальностей. Еще живя в Киеве, он общается с известным азербайджанским прозаиком Чемамзеинли (Юсуфом Везириным), знакомит его с татарской литературой. Оба писателя обращались к теме революционного движения мусульманских студентов в Киеве, Ибрагимов — в жанре исторического очерка («Из истории движения татарских студентов», 1922), Чемамзеинли — в художественной прозе (диалогия «Студенты», 1914—1935).

Ибрагимов пишет публицистические статьи о выдающемся деятеле Коммунистической партии Наримане Нариманове, его вкладе в азербайджанскую культуру («30-летие трудового праздника товарища

Наримана», «Умер Нариман-ага», 1925). Он подробно знакомит татарского читателя с биографией и многогранной партийной и государственной деятельностью азербайджанского революционера, его литературным творчеством, особо подчеркивает популярность его исторической трагедии «Надир-шах» среди татарских читателей и зрителей. Ибрагимов размышляет о роли Нариманова в развитии азербайджанского литературного языка, раскрывает значение его личности для национально-освободительного движения в странах Востока.

Единомышленником Ибрагимова, его собратом по перу был известный казахский революционер, общественный и государственный деятель поэт Сакен Сейфуллин. Первое их знакомство произошло еще в 1918 г. в Красноярске, когда Ибрагимов выполнял особое задание командования Красной Армии в тылу армии Колчака. Писатель Сабит Муканов вспоминает: «С Сакеном Сейфуллиным Ибрагимов беседовал на чистом казахском языке благодаря годам, которые он провел в казахских степях, обучая детей грамоте» [6. С. 334—335]. Ибрагимов продолжал интересоваться творчеством Сакена Сейфуллина и в 30-х годах, когда тот жил в Крыму. При встрече с татарским писателем из Казахстана — И. Салаховым — он рассказывал о своих встречах с Сакеном Сейфуллиным в годы гражданской войны, высоко оценил его романтическую поэму «Кокчетау» и мемуарно-документальный роман «Трудный путь, тяжелый переход» [7].

Годы учительства в казахских степях оставили в душе Ибрагимова незабываемые впечатления. Прекрасное знание жизни, языка, обычаев казахского народа помогло ему создать такое новаторское произведение, как социально-психологический роман «Дочь степи» (1924), в котором он проявил себя зрелым мастером, творчески использовал лучшие традиции европейской и русской реалистической прозы.

В художественной прозе и публицистике Г. Ибрагимова нашла идейно-эстетическое воплощение важная и актуальная для восточных литератур тема социального и духовного раскрепощения женщины («Судьба татарки», «Молодые сердца», «Дочь степи», «Сказание о красных цветах», «Глубокие корни», «Наши дни», «Исторический рост татарской женщины»). Известный туркменский писатель Берды Кербабаяв, отмечая, что его первые произведения были посвящены теме раскрепощения туркменской женщины, писал: «Могу признаться — и рад это сделать, — что они создавались под большим влиянием Галимджана, который одним из первых советских писателей создал образ мусульманки, восставшей против семейного и общественного гнета» [8]. В пору своего становления молодая каракалпакская литература воспринимала некоторые женские образы, созданные Ибрагимовым, через призму фольклора, о чем свидетельствует устное бытование среди каракалпаков в виде фольклорного сказа глав о Карлыгачсылу — главной героине из романа «Дочь степи» [9].

Творческим продолжением и развитием традиций Г. Ибрагимова можно считать женские образы в повестях и романах «Ажар» К. Баялинова, «Коммунистка Раушан» Б. Майлина, «Ботагоз» С. Муканова, «Дочь рыбака» А. Бегимова, «Судьба» Х. Дерьяева, «Дочь Каракалпакки» Т. Каипбергенова. Отдельные черты образа Марьям из романа «Молодые сердца» Ибрагимова нетрудно обнаружить в героинях произведений узбекских писателей: романтической драме Хамзы Хакимзаде Ниязи «Отравленная жизнь» — Марьям, романе А. Кадыри «Прошедшие дни» — Кюмеш, Зейнаб.

Творчество Ибрагимова оказало влияние на формирование и развитие в тюркских и таджикской литературах жанров романа и повести.

Так, его известный роман «Глубокие корни» еще в 1934 г. был переведен на таджикский язык и во многом побудил Дж. Икрами создать роман «Шоди» (1935—1940).

Одним из первых на Советском Востоке Ибрагимов заложил основы историко-революционного романа («Наши дни»). Вслед за Ибрагимовым по пути освоения этого жанра шли татарин Кави Наджми («Весенние ветры»), башкирка Хадия Давлетшина («Иргиз»), узбек Абдулла Кадыри («Минувшие дни» и «Скорпион из алтаря»), азербайджанцы Сулейман Рагимов («Шамо»), Мехти Гусейн («Половодье») и др.

Творчество Ибрагимова привлекало среднеазиатских читателей и писателей и резкой критикой феодальных пережитков, схоластической системы обучения в мусульманских медресе. Так, один из его первых рассказов «Изгнание шакирда Заки из медресе» вдохновил узбека А. Кадыри на создание сатирического рассказа «Из дневника калвака Махдума» (1923—1925), а каракалпак А. Шамуратова на сочинение повести «В старой школе» (1940).

На художественных достижениях Ибрагимова воспитывалась и выросла целая плеяда талантливых поэтов, прозаиков и драматургов тюркских и таджикской литератур.

Дюктябрьская романтическая проза Ибрагимова и его реалистическое творчество советского периода явились школой художественного мастерства для многих писателей Приуралья, Казахстана, Средней Азии и Кавказа. «Его рассказы, повести и романы, — писал Мехти Гусейн, — имели очень большой успех среди широких читательских масс во всей нашей республике... Многие считали, что он родной азербайджанский писатель» [10]. То же утверждал казахский прозаик Сабит Муканов: «Казахи считают Галимджана Ибрагимова своим, казахским писателем... Имя Галимджана Ибрагимова, замечательного человека и писателя, навсегда вошло в историю нашей многонациональной социалистической культуры» [11].

Берды Кербабоев отмечал: «В первые годы Советской власти татарская литература, по сравнению с литературами народов Средней Азии, была наиболее развитой. А в ней выделялся Галимджан Ибрагимов. В его произведениях было то принципиально новое, что лежало в основе всех социалистических национальных литератур. И это новое для меня звучало громче, понятнее, красочнее, чем у других татарских писателей. Каждая его страница была для меня словно откровение. Галимджан был первым моим учителем. Добавлю: может быть, и основным» [8].

Изучение многогранного художественного и научного наследия Ибрагимова, его революционной и общественной деятельности представляет большой интерес и сегодня. Идея восточно-западного и культурного синтеза, которую Ибрагимов отстаивал еще в дюктябрьский период, в его литературном творчестве, научных трудах и публицистике советского периода перерастает в страстное утверждение идеи единства всего мирового историко-революционного процесса. «Мы считаем, — писал он, — что революция на Востоке является составной частью общего движения, рассматриваем пролетариат на Западе и угнетенных на Востоке в качестве единой армии, поднявшейся на борьбу против рабства... Историческая эпоха есть единое целое. Движение в Индии оказывает влияние на Британию... Жизнь, история вынуждают Запад и Восток идти вместе по пути социальной революции» [12. С. 55].

П Р И М Е Ч А Н И Я

- ¹ *Ибрагимов Галимжан. Эсәрләр: 8 т. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1978.*
- Т. 5.
- ² Совет әдәбияты. 1963. № 1.
- ³ Безнең байрак. 1923. 8 мая.
- ⁴ Безнең юл. 1922. № 2.
- ⁵ *Ленин В. И.* Ответы на вопросы американского журналиста // Полн. собр. соч.
- Т. 39.
- ⁶ Г. Ибраһимов турында нстәлекләр. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1966.
- ⁷ *Сәләхов Ибраһим.* Онытылмас хәтирә // Татарстан яшьләре. 1987. 14 март.
- ⁸ Правда. 1962. 13 марта.
- ⁹ Эти сведения нам были сообщены каракалпакским литературоведом К. Камаловым.
- ¹⁰ Сов. Татария. 1964. 29 мая.
- ¹¹ Лят. газ. 1962. 13 марта.
- ¹² См.: Писатель, революционер, ученый. Казань: Тат. кн. изд-во, 1980.
-

С. З. ЯКУБОВА

ГАМИД АРАСЛЫ И АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ ФОЛЬКЛОРИСТИКА

(К 80-летию со дня рождения)

Академик Гамид Араслы был ученым широкого диапазона. Крупнейший литературовед-филолог, большой специалист в области древней и средневековой азербайджанской литературы, признанный тюрколог и востоковед, талантливый текстолог, он в то же время принадлежал к той плеяде азербайджанских советских фольклористов, которые заложили основы изучения азербайджанского фольклора — этого богатейшего поэтического наследия народа.

Сокровищница народной поэзии, исполненной гуманизма, мудрости, пленила будущего ученого еще в молодые годы.

Свою исследовательскую работу Гамид Араслы начал в 30-х годах, когда обстановка в идеологической жизни страны была сложной. Азербайджанская советская фольклористика делала свои первые шаги, переживала процесс становления. Наряду с этим, существовало и нигилистическое отношение к классическому поэтическому наследию — как письменному, так и устному, отрицались значение самобытной национальной культуры и необходимость ее изучения. Высказывались мнения о «ненужности» при социализме поэзии Низами, Физули, Хагани, Вагифа и других корифеев национальной культуры. Объявлялись «чуждыми» народу такие жемчужины, как «Китаби Деде Коркуд», «Кероглу», «Ашиг-Гариб», «Асли и Керем», а также творчество ашуга Гурбани, Туфарганлы Аббаса, ашуга Алескера... Именно в обстановке напряженной борьбы, разгоревшейся вокруг вопроса о культурном наследии народа, начал свои исследования Гамид Араслы.

В одном ряду с такими «пионерами» азербайджанской фольклористики, как Вели Хулуфлу, Ханафи Зейналлы, Салман Мумтаз, Юсиф Везир Чемензеинли, Гуммет Ализаде, Гамид Араслы борется за подлинно научное отношение к родному фольклору. С марксистско-ленинских позиций Гамид Араслы в своих работах определяет значение народного творчества, раскрывает его роль в развитии национальной культуры, идейно-художественные достоинства. Это было прямым ответом пролеткультовским демагогам, веским опровержением их вульгаризаторского взгляда на народное устно-поэтическое творчество.

Исследования Гамида Араслы в фольклористике отличаются широтой и теоретической глубиной, охватывают почти все жанры и виды азербайджанского фольклора — ашугскую поэзию, дастанный эпос, сказочное творчество, пословицы и поговорки, летифе, баяты, гошма и т. д.

Среди фольклористических исследований ученого — статьи научно-теоретического и популярного характера, предисловия, комментарии, пояснительные тексты к фольклорным сборникам, к отдельным произведениям, разделы фольклора в общих работах по истории азербайджанской литературы, учебниках для средних и высших учебных заведений и, наконец, специальные исследования, приоритетные по своему содержанию.

Первые работы Гамида Араслы по фольклору появились в печати в 1936 г. Статья «Сары-Ашыг» была посвящена одному из видных представителей азербайджанской ашугской поэзии, к творчеству которого позднее Гамид Араслы возвращался неоднократно как в специальных статьях, так и в общих работах по фольклору и истории литературы. После Бех. Бехджета это было первое исследование, подробно освещавшее жизнь и творчество Сары-Ашуга — выдающегося мастера жанра баяты, показывавшее его влияние на дальнейшее развитие этого жанра в азербайджанском фольклоре. В статье ставился вопрос о реальных и исторических корнях баяты, раскрывалась связь жанра с национальной устной эпической традицией. В том же году Г. Араслы опубликовал статью «Об азербайджано-тюркских сказках», а в 1938 г. написал предисловие к книге А. Гусейнзаде «Пословицы», где коснулся таких вопросов, как характерные особенности поговорок, их этимология, связь со сказочным эпосом, широкое использование поговорок классиками азербайджанской литературы — Низами, Несими, Хатаи, Физули, Месихи, М. Ахундовым, С. Азимом, Дж. Мамедкулизаде. Особенно ценным явилось положение ученого о древности этого жанра фольклора, которое он обосновал примерами из «Китаби Деде Коркуд».

В том же 1938 г. Г. Араслы написал учебник по литературе для школ — первое в республике учебное пособие (выдержавшее целый ряд переизданий и до последнего времени считающееся наиболее удачным), где специальный обширный раздел посвящен фольклору. Впервые в нем были исследованы вопросы: значение и сущность фольклора, его генезис, реальные и исторические корни; соотношение коллективного и индивидуального творчества; отличие фольклора от письменной литературы, его специфические особенности; взаимосвязь и взаимодействие письменной и устной литератур; историзм фольклора вообще и азербайджанского — в частности, его национальная специфика; ашуги, сказители, певцы как основные хранители и создатели фольклора. В работе выявлено тематическое и жанровое богатство азербайджанского фольклора, дана четкая характеристика всех его основных жанров и видов — пословиц, поговорок, загадок, сказок, летифе, народных драм, песен—колыбельных, героических и исторических, баяты, гошма, дастанов и т. д., раскрыта специфика каждого из них. Автор ставит не только целый ряд теоретических вопросов, связанных с каждым из этих жанров, но и подвергает конкретному анализу, идейно-художественному разбору большое количество произведений.

Особенно много сил отдал Гамид Араслы изучению азербайджанской ашугской поэзии и одного из богатейших ее разделов — дастанного эпоса и исторических песен. Он разработал основные принципы классификации азербайджанских дастанов, определил главные источники и пути их создания, рассмотрел вопрос о коллективном и индивидуальном авторстве, специфику ашугской поэзии и дастанного эпоса. Им были исследованы также проблемы генезиса, места и времени сложения целого ряда дастанов, соотношения дастанного эпоса и исторических песен, вскрыты социально-исторические причины широкого распространения любовной тематики в азербайджанском дастанном эпосе, разработаны вопросы поэтики ашугского творчества и дастанного эпоса — метрика, стихосложение, цезура, система изобразительно-выразительных средств и т. д.

В круг научных интересов Гамида Араслы вошли выдающиеся произведения азербайджанского дастанного эпоса — «Китаби Деде Коркуд», «Кероглу», «Асли и Керем», «Ашиг-Гариб», «Шах Исмаил», «Гурбани», «Аббас-Гюльгез», историко-героические песни о гачаге Наби,

Танриверди, гачаге Кереме и т. д. Им исследовано творчество таких представителей азербайджанской ашугской поэзии — классической и современной, как Хаста Гасим, Гурбани, Туфарганлы Аббас, ашуг Раджаб, ашуг Али, ашуг Алескер, ашуг Гусейн Бозалганлы, Шамшир, Новрес Иман, Молла Джума, ашуг Асад и многих других.

В дальнейших своих работах-разделах, написанных им для коллективного труда «Краткий курс истории азербайджанской литературы» (1943), в фундаментальном исследовании «История азербайджанской литературы XVII—XVIII веков» (1960), в «Антологии азербайджанской поэзии» и «Ашугском творчестве» (1960) Г. Араслы вновь и вновь возвращается к эпосу, дастанам, ашугской поэзии, вводит в научный оборот новые и новые памятники.

Особенно много и плодотворно занимался Г. Араслы изучением эпоса «Деде Коркуд». Наряду с А. Абидом, он стал первым азербайджанским исследователем этого произведения. Еще в 30-х годах он посвятил древнему памятнику обширный раздел в вышеуказанном учебнике, а в 1938 г. написал предисловие к эпосу, им же подготовленному к печати, и специальную статью.

В трудах Гамида Араслы поставлен и разрешен ряд важных проблем. «Деде Коркуд» рассматривается как древнейший и важнейший источник для изучения не только азербайджанского фольклора, но и письменной литературы. Автор затрагивает вопрос о времени и месте создания эпоса, исследует историю его изучения, воздействие на дальнейшее развитие азербайджанского дастанного эпоса. Ученый вступает в полемику с рядом исследователей «Деде Коркуда» — западноевропейскими, русскими, советскими, турецкими и выдвигает свои оригинальные гипотезы. Гамид Араслы первым выявил ошибки, допущенные при прочтении текста памятника такими востоковедами, как К. М. Руфат, В. В. Бартольд, Т. Нельдеке, раскрыл связь эпоса с Азербайджаном, с историческими событиями, происходившими там в IX—XI вв., выдвинул вопрос о степени связи «Деде Коркуда» с так называемыми «огуз-наме», высказал мысль о том, что эпос записан также в Азербайджане. Он пересмотрел точку зрения исследователей на личность Деде Коркуда и в противовес им выдвинул мысль о том, что Деде Коркуд не историческое лицо, а эпический образ и дастан — коллективное создание ряда поколений азербайджанских озанов — яншагов — ашугов.

В 1952 г., когда была обнаружена дрезденская рукопись «Деде Коркуд», Г. Араслы одним из первых в Азербайджане откликнулся на это событие специальной статьей «Новая рукопись ценного памятника народного творчества „Деде Коркуд“». Сопоставляя обе рукописи эпоса как по содержанию, так и по особенностям языка и поэтического стиля, ученый выявляет их общие черты и специфические особенности, высказывает мнение о том, что они восходят к одному древнейшему источнику, и считает необходимым восстановление предполагаемого древнего варианта текста эпоса. Тщательное изучение обеих рукописей приводит ученого к выводу, что дрезденская рукопись переписана раньше ватиканской; останавливаясь на истории изучения «Деде Коркуда», Г. Араслы выявляет научную неполноценность сведений, изложенных в предисловии к эпосу, написанном Э. Росси, тенденциозность освещения им изучения этого эпоса в Советском Союзе.

А когда судьба «Деде Коркуда» была поставлена под удар, когда он был несправедливо объявлен антинародным эпосом, опять-таки одним из первых в защиту памятника выступил Г. Араслы. Этому посвящена замечательная статья «О дастане „Деде Коркуд“», написанная в соавторстве с А. Демирчизаде и М. Г. Тахмасибом.

Историческое изучение азербайджанского дастанного творчества — выдающаяся заслуга Гамида Араслы. Сопоставляя эпос с историей народа, Гамид Араслы установил, что азербайджанский дастанный эпос теснее связан с конкретной историей, чем все другие жанры фольклора. Впервые раскрыв эту связь на примере «Деде Коркуда», ученый впоследствии развил свое положение применительно к «Кероглу», «Гурбани», «Шах Исмаилу», «Ашиг-Гарибу» и другим классическим дастанам.

Серьезные научные результаты дали исследования Гамидом Араслы личности ашуга Гурбани и связанного с его именем дастана. Ученый установил, что Гурбани был выдающимся мастером поэтического слова, грамотным ашугом-шаиром, хорошо знавшим Коран, современником шаха Исмаила Хатаи и даже писал ему послания (язгу). Впервые в азербайджанском литературоведении Гамид Араслы высказал мысль о том, что известная гошма Гурбани, начинающаяся строкой «мүршүдү-камилим, шейх оглу-шахим», вошедшая также в дастан, — фрагмент такого послания «язгу», обращенного к шаху Хатаи. Мысль о том, что прототипом героя дастана «Шах Исмаил» является шах Исмаил Хатаи и дастан этот связан с личностью, жизнью этого выдающегося поэта, полководца и государственного деятеля Азербайджана, также принадлежит Гамиду Араслы.

Ученый исследовал также исторические корни и авторство дастанов «Ашиг-Гариб» и «Асли и Керем», дастанного эпоса в целом.

Проблема взаимосвязи письменной литературы и устно-поэтического творчества особенно интересовала Гамида Араслы, который одним из первых нашел интересные факты проникновения фольклорных сюжетов в азербайджанскую литературу, и наоборот. В частности, он раскрыл, что поэзия великого Низами имеет глубокие корни в устно-поэтической традиции. Серия статей ученого — «Ашыгская поэзия и классики», «Низами и азербайджанский фольклор», «Народные говоры, слова, выражения и поговорки в произведениях Низами», «Мотивы азербайджанского народного эпоса „Деде Коркуд“ в творчестве Низами», «Низами и народное творчество» — посвящена этой проблеме. Отвергая мнения западно-европейских исследователей (Хаммера, Э. Брауна и т. д.), которые относили Низами к персидской литературе и рассматривали наследие этого великого мастера поэтического слова в отрыве от его родной почвы, Гамид Араслы вслед за Е. Э. Бертельсом первым в Азербайджане приступил к изучению наследия Низами как азербайджанского поэта, раскрыл подлинные его истоки и тем самым содействовал тому, что богатейшее поэтическое наследие Низами стало достоянием его родного народа. Гамид Араслы убедительно показывает в своих исследованиях связь многих тем, сюжетов, образов и отдельных мотивов «Пятерицы» великого поэта с азербайджанским фольклором. Анализируя каждое отдельное произведение, составляющее «Пятерицу», в сравнении с различными жанрами фольклора, Гамид Араслы выявляет также связь их композиционного построения, системы образно-выразительных средств, поэтического строя. Неутомимый исследователь, труженик, Гамид Араслы был лучшим знатоком архивов и фондов. Его труды — и литературоведческие, и фольклористические — основаны на изучении редких архивных материалов-рукописей, джунгов, впервые обнаруженных им же в процессе настойчивых разысканий.

Однако Г. Араслы изучал фольклор не только по записям, архивным материалам, но и в его живом бытовании. Еще в 1926—1927 гг., когда 17-летний юноша заведовал сельской школой близ города Гянджи, он особенно близко познакомился с богатством фольклора и начал соби-

рать его с помощью своих учеников. Позже весь собранный материал был сдан им в «Общество по изучению и обследованию Азербайджана». В дальнейшем Г. Араслы еще шире развернул эту деятельность, привлекая к собирательной работе также и студентов высших учебных заведений, где он преподавал долгие годы.

Следует особо отметить заслуги Гамида Араслы и как составителя сборников азербайджанского фольклора, издателя и редактора произведений устной народной литературы. Так, им был подготовлен и опубликован текст эпоса «Деде Коркуд». Впервые в 1938 г. он издал этот эпос на латинском алфавите, снабдив его обширным предисловием, а в 1962 г. выпустил дополненное, уточненное и исправленное издание «Деде Коркуда». В 1956 г. под редакцией Г. Араслы публикуются «Анекдоты Моллы Насреддина», а год спустя (1957) — сборник «Ашыглар». В 1959 г. под редакцией Гамида Араслы выходит в свет эпос «Кероглу», который в том же году публикуется в русском переводе с предисловием ученого. Самое полное издание поэзии ашуга Алескера, выпущенное в 1963 г., также вышло в свет под редакцией Г. Араслы. Активное участие принимал ученый и в издании пятитомника азербайджанских дастанов. Редактором первого тома, посвященного фольклору (1982), в серии «Библиотека азербайджанской классической литературы» (в 20-ти томах) также является Гамид Араслы.

Велик вклад Г. Араслы в подготовку как литературоведов, так и фольклористов. Большой труд вложил Гамид Араслы в подготовку научных кадров и для братских республик — Узбекистана, Туркмении, Татарии, Дагестана. Ему было присвоено звание заслуженного деятеля науки Узбекистана.

Труды Г. Араслы известны далеко за пределами нашей страны — в Турции, Ираке, Иордании, АРЕ, Польше, Германии. Неслучайно арабский ученый-фольклорист Шакир Забит посвятил Гамиду Араслы специальную статью, напечатанную в журнале «Народная литература в Ираке» (1969 г.), где дал высокую оценку фольклористическим исследованиям Гамида Араслы, раскрыл их общетеоретическое значение. Г. Араслы являлся почетным членом Иорданского королевского общества.

Гамид Араслы выступал по проблемам азербайджанского фольклора на международных конгрессах, содействовал его мировому признанию. Его доклад «О Деде Коркуде», прочитанный на VIII съезде Турецкого языковедческого общества в 1957 г., «Низами и Деде Коркуд» — на XXV Международном конгрессе в 1960 г., были высоко оценены участниками — учеными разных стран, избравшими его почетным членом Турецкого лингвистического общества. Эти доклады были напечатаны в Турции и Индии. В Турции опубликована также его статья «Насреддин Ходжа в Азербайджане и Туркестане», перепечатанная в специальном номере журнала «Ilgez» (1966. № 8). В статье Г. Араслы «О Лейли и Меджнуне», напечатанной в «Ежегоднике по изучению турецкого языка» (Türk dili araştırmaları yılığı. Ankara, 1958), исследуются наряду с произведениями письменной литературы также устные — фольклорные варианты этого широко распространенного на Востоке сюжета.

Светлая память о Гамиде Араслы — большом ученом, человеке редкостного душевного обаяния и благородства — живет в сердцах его учеников, друзей, коллег.

М. МОЛЛОВА

ТЮРКСКИЕ СЛОВА TULUM, TOBALAQ, YEZ, QAPSA В «CODEX CUMANICUS»

Кумано-немецкие глоссарии «Codex Cumanicus» содержат термины, большая часть которых может быть объяснена только после специального анализа. Эти тюркские слова были переведены в Codex'e на немецкий (иногда на итальяно-латинский и очень редко на один из славянских языков — польский или украинский?). Эти переводы, несмотря на то, что они не всегда дословны, весьма ценны и служат надежным указателем при выяснении подлинного смысла тюркских элементов.

Tulum

«tulum eyn cz/o/p» (л. 58 оборот, строка 3)

Куун ошибочно принимает два тюркских написания (с. 140, примеч. 2) и ищет *tölüm küngezb* «*minurizans*»; ср.: *turcicum* *or. küngrāmāk* «*minurizare*». Радлов принимает только *tulum* и переводит его как «коса» — *Naar flechte*, Грөнбек — *Naarzopf*; KQZS — *tulim* «коса из волос».

Это слово объясняется с помощью результатов, полученных археологами, а также поверий шаманизма. А. Д. Грач открыл, что среди древних каменных монументов Тувы существует фигура (№ 55), которая отличается от остальных одной очень значительной деталью: «имеется изображение косы, убранный в мешочек и заплетенной на конце в кисточку» [1. С. 52]. То, что Грач называл «мешочек», точно соответствует своему тюркскому названию. Слово также находится в Codex — это *tulum*. *Tulum* хорошо известно в тюркских языках и в первую очередь означает «мешок из бараньей или козлиной кожи и т. д. — не шитый, который служит для хранения молочных продуктов и мяса». На языке желтых уйгуров *tulum* — это «кожаный мех для приготовления и хранения молочных продуктов» [2]. Но здесь *tulum* — это деталь прически. Фотография, опубликованная А. Д. Грачем, показывает, что *tulum* — это мешочек из хорошо сформированной кожи. Он имеет длину примерно 22, 24 см; широкий в верхней части, узкий — в нижней, кончается немного ниже затылка, и через него проходит прядь волос. Волосы, собранные по вертикали, находятся по обе стороны мешочка. Ни одной, ни нескольких косичек не видно, А. Д. Грач говорит о наличии косы в мешочке. Согласно немецкому переводу, *tulum* означает «коса». С. И. Вайнштейн, М. В. Крюков считают, что косы являлись этническими приметами древних тюрков [3. С. 181, 182]. Древние тюрки

носили одну или несколько кос. Каменные изваяния мужчин из коллекции Аскании-Новы имели по три косы (Дашкевич, Трыарский, с. 154—155, фигуры 10, 11). Следует отметить, что эти косы были заплетены до конца и достигали талии. Но они не закатаны в мешочек (*tulum*). С другой стороны, слово *tulum* с киргизского переводится В. В. Радловым как «пучки волос над висками, которые остаются невыбранными у любимых сыновей богатых людей», К. К. Юдахиным — как «(в эпосе) коса (женская и мужская)»: *аргамжыдай чубалган айдар тулум чачы бар* (фольклор.) '(у богатыря) есть коса, волочащаяся, как веревка'; *ба-шында тулум чачы бар* (фольклор.) 'на голове у нее коса' [4]. Таким образом, в киргизском фольклоре *tulum* *šaš* 'коса' — это, вероятно, коса, собранная в *tulum* (*šaš* 'волосы'). Значит, *tulum* является, прежде всего, названием мешочка для косы, а потом уже обретает значение мешочка или косы, положенной в мешочек, и, наконец, обозначает косу и нестриженные волосы у мужчин.

Само употребление слова *tulum* объясняется шаманизмом. По А. Г. Анисимову (с. 220—221), шаман не стрижет волосы, так как в них пребывают души родоначальников племени. Эвенки соблюдали традицию отдавать шаманам рода пряди своих волос (см. дальше). Шаманы были обязаны хранить их, так как, по шаманским верованиям, один из духов человека живет в волосах (Анисимов). Здесь два этапа развития верований: 1) волосы приверженцев шаманизма являются убежищем одного из духов человека (более древнее верование); в этот период каждый сохранял свои волосы (собрав их в *tulum*?); 2) позже люди отдавали пряди своих волос шаманам рода; в этот период волосы шамана уже являлись местом обитания духа предков рода. Следует заметить, что, по шаманским верованиям, каждый человек имеет три основных духа: дух-тень, дух-телесный, дух-судьбу. Первые два находятся в теле человека, а третий — вне телесной оболочки. Значит, дух-судьба находится в волосах. На основе этих верований и объясняется ритуал первой стрижки волос у тувинцев. По этому обычаю состриженные впервые волосы сохранялись в специальном мешочке из белой ткани, называемом *saw*. Этот мешочек хранился в священном месте (*tolıa aptır*) семьи или в подушке матери ребенка до самой смерти родителей. А. П. Потапов, у которого мы находим эти сведения, пишет: «Во время стрижки ребенка нельзя было отрезать его волосы с темени, ибо на темени в этот день впервые заплеталась косичка *кеджеге*, которую мальчик носил до самой смерти, а девочка до момента ее просватания». Таким образом, у тувинцев мешочек шили из ткани, и находился он уже не на голове. Это явилось результатом эволюции шаманизма.

Мы не знаем, носили ли *tulum* все представители рода или только привилегированные (шаманы, богатые). Во всяком случае, этот ритуал, вероятно, очень древний и восходит к матриархату [см.: Потапов, с. 272: *ıdıq oq* — идол в форме стрелы, сделанный в честь духа огня, куда подвешивали *kezik xawı* 'мешочек со срезанными волосами' (у западных тувинцев)].

Мы не можем обойти вниманием другое значение слова; еще одно значение *tulum*, имеющееся в «*Badı'ı 'al-lugat*», датированном XVIII в. и изданном А. К. Боровковым, которое переводит его как «[известный у тюрков обычай пения]», он цитирует в *Abuſqa*, где *tulum* означает следующее: «[так] называют в Туркестане род песни и танца, [которые исполняют] во время веселья и свадебных пиров, подпрыгивая на ногах» [5. С. 162]. Можно предположить, что это значение *tulum* восходит, скажем, к **tulum toy* — церемонии помещения косы в *tulum*.

Tobalaq

«tobalak parkun

yez eyn czeup» (л. 82 лицевая сторона, строки 30—31, правая колонка)

«tobalak parcun

yez en czeup» (л. 82 оборот, строки 21—22, левая колонка)

Куун (с. 288) переводит тюркское слово *tobalak* как «*locus septus*» (огражденное место) и «*hortus*» (сад, парк) и немецкое слово латинского происхождения *parcū* (= *parcun*) — как «*locus circumclausus*» (местность, огражденная со всех сторон) (с. 362). У Грэнбека *tobalaq* означает «*etwas rundes, hier wahrsch. Backel*»; он переводит *parcun* (= *parchan*: и т. д. *das nach freundlicher Mitteilung von L. Hammerich auch «circulus gyrus» bedeutet*); KQZS: *tobalaq* «*domalaq*» (мяч).

Радлов не ввел это слово в свой словарь. Употребляемые дважды, оба раза вместе, *tobalaq* и *yez* были очень тесно связаны между собой. Именно поэтому мы считаем, что их надо анализировать вместе. Куун и Грэнбек находятся на правильном пути интерпретации слова *tobalaq*. Согласно латинскому переводу *tobalaq* означает «парк; поляна». *Tobalaq* является обычно прилагательным и означает «круглый». Но здесь это слово употреблено в качестве существительного (как в современном казахском языке) и означает один из видов могильников, священное место, круглое, огражденное, запретное (что было характерно для древних тюрков). Говоря о тюрках, Рубрук сообщает: «Я видел другие погребения в направлении к востоку, именно большие площади, вымощенные камнями, одни круглые, другие четверугольные, и затем четыре длинных камня, воздвигнутых с четырех сторон мира во все стороны площади» [6. С. 102—103]. А. П. Потапов сообщает то же о круглых могилах у тувинцев. Граница окружности определялась шаманом или ламой. Погребальные церемонии, молитвенные обряды происходили за пределами отмеченного круга (Потапов, с. 376, 389, 397).

Ограждения таких погребений были различными; это могли быть камни, рвы, стены, рвы с водой, а иногда ограждение было комбинированным или двойным. По мнению Я. Р. Дашкевича, Э. Трыарского (с. 35—39), они служили для защиты могильных памятников от людей и зверей и еще охраняли один из духов покойного от злых духов, так как согласно верованиям древних тюрков один из духов покойного оставался определенное время на земле. Эти авторы сообщают, что имелись просто огражденные могилы и огражденные места со скульптурой и могильными камнями с саркофагами, балбалами, каменными бабами, жертвенными камнями и т. д. Они пишут: «Необходимо обратить внимание, что памятники охранялись специальной системой, окружающей их. Итак, главным элементом был ров, а около памятника Кюль-Тегина находилась также стена из утрамбованной земли и еще водный бассейн, охраняющий вход. Извне тянулся ряд балбалов (насчитывающий около 3 км, в конце отклоняющийся от своей главной линии), который должен был соединить душу умершего с небом. Возможно, что балбалы окружали целую стену» (Дашкевич, Трыарский, с. 35). Но, что еще более существенно, так это то, что тюрки во время своих походов на запад не следовали этим обрядам, «а половцам они уже — по мнению некоторых исследователей — остались совершенно неизвестны» (Дашкевич, Трыарский, с. 37). Итак, как же истолковать наши данные? Остались ли эти обряды от тюрков, пришедших сюда раньше куманов? Весьма возможно.

Если предположить, что западный монах, сопровождаемый своим переводчиком, собрал письменные материалы о жизни куманов во время путешествия возле их монастыря, находившегося на берегу судоходной реки (вероятно, Волги, как предполагают некоторые исследователи Codex), то мы увидим, что во время своего пути они дважды записали *tobalaq* и дважды *yez*.

Yez ~ yāz

Куун (с. 276): *yez* «*pertica oenca*»; Радлов: *yāz* 'желтая медь'; Грөнбек: *jez* «*messigne Sprange*»; KQZS: *yez* «*žez*» 'желтая медь'.

Это слово, буквально означающее «желтая медь», «латунь», здесь употреблено как название предмета из желтой меди—кольца или крючка (аграфы) (?). Употребленный дважды, и оба раза после *tobalaq* (см. это слово), *yez* может быть названием предмета, привязанного у входа в могильник, там, где оканчивается длинная наклонная линия *tobalaq*, через которую дух, оставшийся на земле, проникал в подземный мир. А. Ф. Анисимов (с. 187) говорит о железном кольце (круг), подвешенном к накидке шамана и символизирующем вход в подземный мир. К кольцу привязывались маленькие железные фигурки женщин-чудовищ, одноглазых, одноруких, с клыками, как у зверей.

Эти женщины, по шаманским верованиям, охраняли вход в подземный мир. В одном шаманском тексте, записанном С. Е. Маловым у желтых уйгуров, говорится о «медном городе». «Он величиной в семьдесят сажень; у него девять ворот и девять часовен (на воротах дорог?)» [7. С. 146]. Таким образом, *yez ~ yāz* в Codex очень плохо детерминированы, и потому приводимые нами аргументы весьма расплывчаты. Ясно только, что это слово является атрибутом слова *tobalaq*.

Qapsa или qar

«*kapsa di lade*» (л. 80 оборот, строка 24, правая колонка)

Куун (с. 261): *kapsa* «*cista, feretrum*»; Радлов: *qapsa* 'ящик'; Грөнбек: «*Kasten, Sarg*»; KQZS: *tabit* 'гроб'.

Мы можем констатировать, что *qapsa* зафиксировано только в Codex. Оно было вписано туда дополнительно. Интересно, что В. В. Бартольд в своей статье «К вопросу о погребальных обрядах турков и монголов» (Сочинения. М., 1966. Т. 4. С. 379—382), где он изучает слова *iw*, *kešenā*, *sīn* из Codex Cumanicus, не остановился на *qapsa*, которое следует тут же после *sīn* 'могильный камень-изваяние'. Каково происхождение *qapsa*? Может быть, это *qarda*; соврем. уйгур. (хамийский диалект) *qabza* 'захваченный' [8], азерб. *gəbzə* '1) пэнчə, овуч;...; *gəbziruh* 'Эзрајыл тэрəфиндən бир адамын чанынын алынмасы'... [9]; чагат. *qarizaq*, *qapsaq* 'покрывало' (Радлов).

Не является ли *qapsa* сложным словом, происходящим от древнетюрк. *qar* 'сосуд, мех, бурдюк, мешок' (ДТС—МК) и **sa* < древнетюрк. *sav* [кит. *sa-ba* < санскрит *saha*?] 'земля'; религ. 'мир, населенный людьми' (ДТС—Куун). Тогда оно могло быть построено по модели персидского *изафета*, а позже упростилось и стало означать «гроб из гипса, из земли» (тюрк. *torpak qar* 'чаша, земляная ваза'), употреблявшийся некоторыми древними народами до замены деревянным гробом? Т. Михайлов объясняет: «К концу бронзового века в Забайкалье появляются т. н. плиточные могилы» [10. С. 95].

Если *qapsa* не было бы прибавлено позже, то мы могли бы принять это слово в значении «деревянный гроб», так как в следующей строке

читаем: «kirkar kvrczet» (л. 80 оборот, строка 25, правая колонка). Значит, тюркский глагол *qirdar* 'он(и) подрезывает(ют) [11. С. 115—116; 12] гроб из дерева'. Но здесь *sip*, *qarşa*, *qırqar* чередуются. Может быть, тут надо искать только *sip qırqar* 'они высекают могильный камень-изваяние'.

Можно ли это сейчас доказать, если мы располагаем текстом, непосредственно записанным западным монахом или переписанным с другого текста? В первом случае мы могли бы сказать: Codex свидетельствует, что тюрки, пришедшие в Европу, продолжали пользоваться *qarşa* для захоронения своих умерших.

Во втором случае мы бы задумались над тем, не является ли *qarşa* фонетическим и семантическим вариантом древнетюркского *qamtsi* (кит. каньцзы, *khan-tsi*) 'ниша или помещение, где находится статуя Будды' (ДТС—Suv).

Qamtsi может легко стать **qamşa*, а от него под влиянием *qar* 'caisse' превратиться в *qarşa* 'сундук', в котором тюрки хранили своих идолов, священные предметы, предназначавшиеся для погребения вместе с умершими согласно шаманистско-ламаистскому ритуалу.

С другой стороны, *qarşa* может быть направительным падежом *qar* 'сундук': *qar-sa*. А. М. Щербак приводит пример с тем же словом (*хар; q~x*) и в том же падеже из хакасского языка: *хапса* 'в мешок' и еще *отсә* 'к мясу'. По его мнению, *-sa~ -saḡ...* восходит к *sarī* 'в сторону, к'; на староузбекском *бағ сарī* 'к саду' [13. С. 49]. *Sarī* употреблено в Codex. Там оно написано как «sage» и Грёнбек его транскрибировал как *sary*, т. е. *sarī*, и перевел как *gegen*.

Если *qarşa* является не лексической, а грамматической единицей (существительные в разных падежах приведены в Codex'e), то можно предположить, что переписчику-монаху удалось записать только одно слово из предложения, сказанного человеком, там находившимся. Искать *qarşa qırqar* 'они обтесывают ящики (или в ящике)' не следует. Во всяком случае, последняя интерпретация нам кажется наиболее убедительной. Роль и предназначение *qar* 'ящик' чаще остаются невыясненными.

Если рассмотреть написания, предшествующие *qarşa* — *kurgan*, *qırqan*—погребальный шаманский обряд, «uv» *iw* 'дом для похоронной церемонии, построенный возле *qırqan*', *kesena*, *keşenä* — название другого типа могилы: мусульманская или христианская могила(?), *sip*, *sip* 'каменная статуя на могиле', то представляется, что это слово связано с обозначением погребения или могилы и вообще с шаманистской церемонией [14. С. 193].

Все эти слова мы предлагаем вниманию специалистов по материальной культуре тюрков. Именно им предстоит уточнить их значение.

Перевод с французского языка Б. Д. Агаева

П Р И М Е Ч А Н И Я

- ¹ Грач А. Д. Древнетюркские изваяния Тувы. М., 1961.
- ² Малов С. Е. Язык желтых уйгуров: Словарь и грамматика. Алма-Ата, 1957.
- ³ Вайнштейн С. И., Крюков М. В. Об облике древних тюрков//Тюркологический сборник к шестидесятилетию Андрея Николаевича Кононова. М., 1966.
- ⁴ Юдахия К. К. Киргизско-русский словарь. М., 1965.
- ⁵ Боровков А. К. Бада'и' ал-лугат: Словарь Тали' Имани Гератского. М., 1966.
- ⁶ Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрика. М., 1957.
- ⁷ Малов С. Е. Язык желтых уйгуров: Тексты и переводы. М., 1967.
- ⁸ Он же. Уйгурский язык: Хамийское наречие: Тексты, переводы и словарь. М.; Л., 1954.

- ⁹ Әрәб җә фарс сөзләри лугәти. Бакы. 1966.
¹⁰ Михайлов Т. М. Из истории бурятского шаманизма. Новосибирск, 1980.
¹¹ Катанов Н. О погребальных обрядах у турецких племен. Казань, 1894.
¹² Автор сообщает, что у урянхайцев гроб изготавливается многими людьми.
¹³ Цербаков А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: (Имя). Л., 1977.
¹⁴ Потапов В. Л. Бубен телеутской шаманки и его рисунки // Сб. Музея антропологии и этнографии. М.; Л., 1949. Т. 10: «Пака—лягушка (рисунок лягушки на нижней части шаманского большого барабана. — М. М.). Дух — помощник шамана. Если у шамана во время камлания разрывался берестяной туес (сосуд), в котором находилась жертвенная брага (абырты), лягушка затыкала дыру».

СОКРАЩЕНИЯ

- Анисимов — Анисимов А. Ф. Религия эвенков. М.; Л., 1939.
 Дашкевич, Трыарский — Дашкевич Я. Р., Трыарский Э. Каменные бабы причерноморских степей: Коллекция из Аскании-Новой. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdansk; Łódź: Polska Akademia Nauk. Institut historii, kultury materialnej. 1982.
 ДТС — Древнетюркский словарь. Л., 1969.
 Грөнбек — Komanišches Wörterbuch: Türkischer Wortindex zu Codex Cumanicus. Kopenhagen, 1942. (Monumenta Linguarum Asiae Maioris, Subsidia, I).
 KQZS — Құрышжанов А. Қ., Жұбанов А. Қ., Белботаев А. Б. Куманша-қазақша жиілік сөздік. Алматы, 1978.
 Куун — Codex Cumanicus bibliothecae ad templum Divi Marci Venetiarum / Primum ex integro edidit, prolegomenis, notis et compluribus glossariis intruxit Comes Géza Куун. Budapestini, 1880.
 Потапов — Потапов А. П. Очерки народного быта тувинцев. М., 1969.
 Радлов — Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Спб., 1893—1911. Т. 1—4.

О Н О М А С Т И К А

В. А. БУШАКОВ

СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КРЫМСКИХ ОЙКОНИМОВ С ТОПОФОРМАНТАМИ *-сала*, *-кой*, *-эль/-эли* И АФФИКСОМ *-лар~-лер*

Ранее нами [1] рассматривались в ареальном и этимологическом аспектах термины *сала*, *кой* 'деревня', 'село', *эль* 'люди', 'народ'. В настоящей статье исследуется семантика ойконимов Крыма с топонимическими формантами *-сала*, *-кой* и *-эль/-эли* в связи с социальной и этнической историей края, учитывается их территориальное распределение.

Ойконимы [2] с топоформантом *-сала* упоминаются уже в ярлыках первых крымских ханов. Их ареал ограничен горным Крымом (см.: [5; 6]), где обитало автохтонное христианское греко- и тюркоязычное население [7]. По значению первого компонента (личное имя или термин, обозначающий социальный статус владельца или основателя деревни; определение, указывающее на соотношенность деревень по времени возникновения или величине; название смежного с деревней географического объекта) ойконимы с формантом *-сала* делятся на три семантических ряда: (1) *Бияс-Сала*, *Мачик-Сала*, *Рамазан-Сала*, *Султан-Сала*, *Фоти-Сала* (*Фатих-Сала* в списке крымских деревень 1783 г. [8]), 2 деревни, *Ходжа-Сала* (прежде *Бугаз-Сала*) и *Эмир-Сала*; (2) *Ени-Сала* (крым.-тат. *ени* 'новый'), *Улу-Сала* (*улу* 'большой'), *Кучук-Сала* (*кучук* 'малый') и *Салачик* (*сала* + диминутивный суффикс *-чик*); (3) *Бугаз-Сала* (*богъаз* 'горный проход'), *Суук-Сала* (<**Суук-Су-Сала*, ср. находящиеся южнее гидроним и ойконим *Суук-Су* 'холодная вода (река)').

Термин *кой* (тур. *köy*) проник в Крым после захвата Турцией в 1475 г. генуэзских колоний и Мангупского княжества и образования на их месте турецкого санджака. Наиболее плотно ойконимы с формантом *-кой* представлены по рекам Бельбеку и Каче в юго-западном Крыму. По Каче проходила северная граница турецких владений, откуда формант *-кой* распространился на территорию Крымского ханства. Ойконимы с формантом *-кой* распределяются по бывшим уездам следующим образом: *Авджи-Кой*, *Дегерменкой*, *Дереккой*, *Еникой*, *Калафаткой*, *Кучук-Кой* и *Татар-Осман-Кой* (ср.: ойконимы *Татар-Кой* С [9] и *Османчик* Ф) в Ялтинском уезде (7 деревень); (*Г*)*аджи-Кой* (или *Увлан-Дуванкой*), *Аранкой* (*Харам-Кей*, 1783 г.), *Биюк-Янкой* ~ *Буюк-Енкой*, *Кучук-Еникой* ~ *Кучук-Янкой*, *Боркой*, *Дуванкой* (ср.: *Диван-Эли* С), *Кады-Эскер-Кой* (*Казыаскер*), *Отаркой*, *Сейманларкой*, *Татар-Кой*, *Топчиной*, *Тотай-Кой*, *Тюбен-Кой*, *Ханышкой*, *Шейх-Кой* и *Эфендиной* (2 деревни) в Симферопольском уезде (17 деревень); *Джанкой* (2 деревни), *Джанкой-Бешкуртка* (ср.: *Джага-Бешкурт-*

ка Ф), Джанкой-Ортель (ср.: Ортель Ф), Коперликой, Мулла-Кой, Мурзакой, Насыпкой и Эски-Кой в Феодосийском уезде (9 деревень); Джанкой, Енкой (2 деревни), Тюп-Джанкой, Узун-Сакал-Джанкой, Иски-Кой-Джандевлет (ср.: Джандевлет П) и Эски-Кой-Тама (ср.: Тама СФ) в Перекопском уезде (17 деревень).

В семантическом плане ойконимы с формантом *-кой* делятся на те же три ряда, что и ойконимы с формантом *-сала*: (1) *Авджи-Кой* (*авджи* 'охотник', имя личное *Авджи*), *Дуванкой* и *Увлан-Дуванкой* (*дуван* 'управляющий', 'высший чиновник', ср.: антропонимы *Мамак Дуван*, *Ян Муш Дуван*, *Янчура Дуван* в «Имянном списке» [10]), *Залынской* (кирг. *залын* 'парень'), *Кадыкой* (*кэады* ~ *кэазы* 'кадий ~ казий (религиозный судья в мусульманской общине)'), *Кады-Эскер-Кой* (*кэады-аскер* ~ *кэазы-аскер* 'казиаскер (главный духовный судья в ханстве)'), *Калафаткой* (имя личное *Кэалафат*), *Мулла-Кой* (*молла* 'мулла', 'духовное лицо', ср.: *Мулла-Эли* СФ), *Мурзакой* (*мырза* 'мурза (представитель дворянского сословия)', ср.: антропонимы *Чанак мырза*, *Тениш мырза* и др. [10]), *Насыпкой* (*насып* 'доля', 'участь', 'судьба'; имя личное казан.-тат. *Насып*), *Сейманларкой* (тур. *sekban*, крым.-тат. *сейман* ~ *сеймен* 'легковооруженный воин'; 'псарь'; сеймены составляли наемное войско крымского хана, жалование им шло из казны турецкого султана [11. С. 414], ср.: ойконимы *Сеигмен-Джайла Ф* и *Сеймены* в Буджаке [6. Карта 101—102]), *Топчикой* (*топчы* 'канонир' [12]), *Тотай-Кой* (имя личное ног. *Тотай*, ср.: *Тотай* ~ *Туатай* и *Тотай-Афуз* П), *Увлан-Дуванкой* (*огэлан* ~ *улан* 'член ханской семьи, не имеющий, в отличие от султана, права на престол'; уланы служили ханскими телохранителями [13], ср.: антропонимы *Муртоза улан*, *Баки улан* и др. [10], ойконимы *Мамбет-(У)лан* и *Тукей-Улан* С, *Улан-Эли* ЕС), *Ханышкой* (*ханыш* 'жена хана'), *Шейх-Кой* (*шейх* 'шейх (почетный титул мусульманских религиозных лиц)'), *Эфендикой* (*эфенди* 'эфенди (чиновник, вышедший из простого или духовного сословия)'); (2) *Джанкой* ПФФ, *Джанкой-Ортель*, *Тюп-Джанкой*, *Еников*, *Енкой* ПП, *Биюк-Янкой*, *Кучук-Еников* ~ *Кучук-Янкой* (*ени*, *джангы* ~ *янгы* 'новый'), *Кучук-Кой* (*кучюк* 'малый'), *Эски-Кой*, *Иски-Кой-Джандевлет* и *Эски-Кой-Тама* (*эски* 'старый', ср.: *Эски-Орда* и *Эски-Юрт* С); к этому же ряду следует отнести также ойконимы *Татар-Кой* и *Татар-Осман-Кой* (*осман* 'турок'), отражающие национальную принадлежность жителей этих деревень (ср.: поздние ойконимы *Тавель-Татарский* и *Тавель-Русский* С, *Менгермен-Русский* и *Менгермен-Немецкий* Ф); (3) *Аранкой* (*Харам-Кей*) (*аран* 'скотный двор', 'конюшня', ср.: *Аран* Е; тур. *hagam* 'неприкосновенный (о месте)', 'запретный'), *Боркой* (*бор* 'мел'), *Дегирменкой* (*дегирмен* 'мельница'), *Дереккой* (*дере* 'ущелье'), *Коперликой* (крым.-тат. *копюр* 'мост', *копюрли* 'с мостом'), *Отаркой* (*отар* 'пастбище', 'луг', 'хутор', ср.: *Отар* ЕПС и *Отарчик* ПС), *Тюбенкой* (*тебен* 'нижний', ср.: ойконимы *Тобен-Сарай* ~ *Тюбен-Сарай* Ф и *Тубен-Эли* С в Крыму, *Тёбен Мара* и *Тёбен Теберди* в Карачае, *Тёбен Чегем* в Балкарии).

Ойконимы *Джанкой* ~ *Янкой* ~ *Ен(и)кой* (7 деревень) в степной части полуострова, где названия почти всех деревень произошли от ногайских этнонимов и патронимов, могли появиться лишь после того, как родоплеменная организация у ногайцев сменилась территориальной общиной.

Топоформант *-эль* (после имени числительного или прилагательного) */-эли* (с суффиксом принадлежности *-и*, после имени существительного) происходит от термина *эль* 'народ', 'люди', 'племя' [17]. На Северном Кавказе в ойконимах *Эльбурган*, *Элькуш*, *Эльтаркач* (Кара-

чаево-Черкесия), *Эль*, *Эльджурт* (Кабардино-Балкария) [6. Карта 59—60] отражен термин карачаев.-балк. *эл* 'деревня', 'село', который Дж. Н. Коков сопоставляет с иранским *кель* 'то же', считая его эндемичным для карачаево-балкарской топонимии и отсутствующим в топонимии других тюркских народов [18. С. 96]. Термин *кель* $\text{كەل} \sim \text{كەلە}$ 'укрепление', 'поселение', 'деревня', представленный в иранских ойконимах *Исмаилкель*, *Сиахкель*, *Пошткеле*, *Сиахкеле* [19. С. 168], никак не связан с тюркским термином *эль*. Термин *эль*, кроме ойконимии Турции, Крыма и Северного Кавказа, представлен в названии селения *Эль* на реке Ингури в Сванетии [20], а также в ойконимии Татарин: *Казиле*, *Мулла иле*, *Тау иле*, *Улан иле*, *Кэче иле*, *Янил* < *Яңа ил* и др. [21. С. 53] (ср.: крымские ойконимы *Казы-Эли*, *Мулла-Эли*, *Тавель* (*Дагели*, 1783 г.), *Улан-Эли*, *Качи* и *Эски-Эль*).

Ойконимы с формантом *-эль/-эли* распределяются по уездам следующим образом: *Ага-Эли* (ср.: *Агай Е*), (*Г*)*аджи-Эли*, *Аджи-Эли-Кипчак*, *Агач-Эли*, *Ана(й)-Эли*, *Анакой-Эли*, *Аталык-Эли* (2 деревни), *Бакчи-Эли* (2 деревни), *Беки-Эли* ~ *Бикай-Эли*, *Барак-Эли*, *Беш-Эль* ~ *Беш-Эли*, *Биели* ~ *Бизль*, *Джангарель*, *Диван-Эли*, *Ибраш-Эли*, *Идеш-Эли* ~ *Эдиш-Эли*, *Казы-Бизль*, *Казы-Эли*, *Кир-Эли*, *Кирда-Эли*, *Коджук-Эли*, *Колумбет-Эли*, *Кочкар-Эли*, *Мулла-Эли*, *Мусаджи-Эли*, *Отеш-Эли* (ср.: *Отеш Е*), *Сарчи-Эли* (ср.: *Сарчи-Кият С*), *Тавель* (*Дагели*, 1783 г.), *Тубен-Эли* ~ *Тюбен-Эли*, *Улан-Эли*, *Черкез-Эли*, (ср.: *Черкез Е*, *Черкес-Конрат* [3. Сб. С. 192], *Черкез-Тобай Ф* и *Черкез-Керман С*), *Чокур-Эли*, *Шейх-Эли*, *Джага-Шейх-Эли*, *Куру-Джилга-Шейх-Эли*, *Тереклы-Шейх-Эли*, *Чокраклы-Шейх-Эли*, *Яман-Йоль-Шейх-Эли* и *Эски-Эль* ~ *Эски-Эли* в Симферопольском уезде (43 деревни); *Агиб-Эли*, *Аджи-Эли*, *Армамак-Эли*, *Арма-Эли*, *Аталык-Эли-Бешкуртка*, *Бакчи-Эли* (2 деревни), *Бизли*, *Боран-Эли*, *Да(в)ут-Эли*, *Джилкеджи-Эли*, *Джума-Эли*, *Кой-Эли*, *Крым-Эли*, *Мулла-Эли*, (*О*)*ромаш-Эли*, *Орта-Эли*, *Ортель*, *Джанкой-Ортель*, *Сеит-Эли*, *Сеит-Эль*, *Сиит-Эли*, *Булагая-Сеит-Эли*, *Чокур-Сеит-Эли*, *Суин-Эли* (ср.: *Суин-Аджи С*), *Темеш-Эли* ~ *Отемиш-Эли* (ср.: *Темеш ЕФ* и *Темеш-Асс Е*), *Ханин-Эли*, *Челеби-Эли*, *Шейх-Эли*, *Тамак-Шейх-Эли*, *Тереклы-Шейх-Эли* ~ *Терек-Шейх-Эли*, *Тузла-Шейх-Эли* и *Эсен-Эли* в Феодосийском уезде (35 деревень); *Бай-Эли-Чонгурчи*, *Бурун-Эли*, *Ибраш-Эли*, *Кальф-Эли* ~ *Халифели*, *Кичкин-Эль*, *Мамбет-Эли* (2 деревни), *Султан-Эли*, *Улан-Эли* (2 деревни), *Шейх-Эли* и *Эсен-Эли-Каспорю* в Евпаторийском уезде (11 деревень); *Девлет-Эли*, *Мулла-Эли*, *Муллалар-Эли-Тама-Иляк*, *Черкез-Эли*, *Шейх-Эли*, *Ташлы-Шейх-Эли* и *Чокраклы-Шейх-Эли* в Перекопском уезде (7 деревень).

Большая часть из 96 перечисленных ойконимов с формантом *-эль/-эли* относится к первому семантическому ряду. Ко второму и третьему рядам можно отнести следующие ойконимы: *Беш-Эль* ~ *Беш-Эли* (*беш* 'пять'), *Кичкин-Эль* (*кичкине* 'малый'), *Орта-Эли*, *Ортель*, *Джанкой-Ортель* (*орта* 'середина', 'средний'), *Тавель* ~ *Дагели* (*дагъ* ~ *тагъ* ~ *тав* 'гора', 'лес', ср.: ойконим *Тавели* в Татарии), *Тубен-Эли* ~ *Тюбен-Эли* (*тёбен* 'нижний'), *Эски-Эль* ~ *Эски-Эли* (*эски* 'старый', ср.: *Эски-Юрт С*).

Варианты ойконимов с формой *-эль* вместо *-эли* (*Бизль* 'народ (подданные) бия', *Казы-Бизль*, *Джангарель*, *Едишел*, *Сеит-Эль* и *Тавель* 'горцы') свидетельствуют о процессе превращения термина *эль* в ойконимический формант, подобный формантам *-сала* и *-кой*, которые уже не принимают аффикс принадлежности третьего лица. Употребление формы *-эли* вместо *-эль* в ойконимах *Беш-Эли*, *Орта-Эли*, *Тубен-Эли* ~

~Тюбен-Эли и Эски-Эли можно объяснить подравниванием их по количественно преобладающие ойконимы с формой -эли. В единственном ойкониме Ханин-Эли первый компонент стоит в форме родительного падежа: Ханынъ эли 'народ (подданные) хана'.

В ойкониме Тереклы-Эли (Дирекли-Эль, 1783 г.) первый компонент, вероятно, является переосмысленным в определение терекли 'с тополями' (дерек~дирек~терек 'дерево', 'тополь', 'столб') родоплеменным термином таракълы 'с тамгой в виде гребня (таракъ)', представленным в этнонимии ногайцев, каракалпаков, казахов и узбеков, ср.: крымские этноойконимы: Тереклы-Абаш (Дирекли-Абаш, 1783 г.) и Тереклы-Уйшунъ П, Тереклы-Карса Ф, Тереклы-Китай и Тереклы-Конрат (Дирекли-Конрат, 1783 г.) Е.

Ойконимы Аджи-Эли-Кипчак (ср.: Кипчак ППФ), Аталык-Эли-Бешкуртка (ср.: Джага-Бешкуртка Ф), Бай-Эли-Чонгурчи (ср.: Чонгурчи Е), Муллалар-Эли-Тама-Иляк (ср.: Тама СФ, Бешуй-Иляк, Джума-Иляк и Карача-Иляк П) и Эсен-Эли-Каспори (ср.: Сиртай-Каспори и Эльгеры-Каспир Е) показывают, что в соответствующих деревнях вместе с населением, зависимым от лица, имя или звание которого предшествует термину эль 'люди', 'народ', 'подданные' [22], проживали также представители родоплеменных групп кипчак, бешкуртка, чонгурчи, тама, иляк и каспори.

В ойконимах Джага-Шейх-Эли (джагъа 'берег'), Куру-Джилга-Шейх-Эли (къуру джылгъа 'сухое русло'), Тамак-Шейх-Эли (тамакъ 'устье (реки)'), Тузла-Шейх-Эли (тузла 'соляной промысел'), Чокраклы-Шейх-Эли (чокъракъ 'родник') и Яман-Йоль-Шейх-Эли (яман ёл 'плохая дорога') компонент Шейх-Эли предшествующие ему слова определяют как целое: «(деревня) Шейх-Эли на берегу», «Шейх-Эли у сухого русла», «возле устья», «у соляного промысла», «с родником», «на плохой дороге».

В первых компонентах ойконимов Ташлы-Шейх-Эли и Тереклы-Шейх-Эли отражены родоплеменные названия ташлы и таракълы. Ф. А. Хартахай приводит предание, согласно которому в завоевании Крыма Батыем участвовали четыре племени, известные под общим названием дёрт оджакъ ('четыре огнища'): «Сохраняя об этих оджаках священную память, татары сохранили и имена их: 1) Ташлы, 2) Кулеч, 3) Каинчи и 4) Чолунчу. Так как у татар духовное звание особенно почетно, то, по их мнению, и четыре огнища тоже духовного звания» [24. С. 189]. В. Д. Смирнов показал, что этим «четырем очагам» درت

اوراق соответствуют названия деревень Куледж, Качи, Чюнджу, в которых находились дервишские монастыри, руководимые шейхами, составлявшими особое духовное сословие [11. С. 660—661, примеч. 2]. Этим «четырем очагам» должны соответствовать также кадылыки Ташлы-Шейхели-Бешпаресы, Колечский, Качи-Беш-Паресы и Чоюнчикский Бешпаре и находящиеся в них деревни (Ташлы)-Шейх-Эли, Колечь, отсутствующая в списке, Качи и Чоюнчи (см.: [8]). Со ссылкой на Пейсонеля Ф. А. Хартахай писал: «Духовное сословие состояло из четырех фамилий, владевших поземельною собственностью, на которой находились мусульманские монастыри и гробницы святых, служивших для народа предметом поклонения. Главный монастырь был на р. Каче в 15 верстах от Бахчисарая, где и по настоящее время хранится волос из бороды пророка. Каждая из этих фамилий имела свой монастырь, настоятелем которого (шейхом) был старший в роде» [24. С. 230].

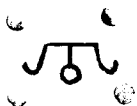
Многочисленные ойконимы с формантом -эли, образованные от терминов сеит 'сейид (титул мусульманина, якобы происходящего от по-

томков пророка Мухаммеда)', *шейх*, а также ойконимы *Сеитлер* и *Сеит-Булат* П, *Куль-Сеит* Е, *Шейх* ПС, *Шейхлар* П, *Шейхлер* Я, *Шейх-Асан* ~ *Шигасан* Ф, *Шейх-Гасан* П, *Шейх-Монак* ~ *Шихманак* и *Шихмамай* (2 деревни) Ф, *Ак-Шейх* ЕПСФ, *Ток-Шейх* (2 деревни) Е, *Биюк*- и *Кучук-Коджалар* (Азгана-Коджалар), *Беш-Коджа* и *Болкоджа* Ф, *Кара-Годжа* ~ *Каракоджа* и *Карагоджа-Багалак* П, *Урус-Коджа* (2 деревни) Ф [25] свидетельствуют о существовании в Крымском ханстве «священных» сословий, подобных религиозно-социальным группам у других мусульманских народов. Так, у туркмен почитались «священные» племена *ших*, *ходжа*, *ата*, *сеид* и некоторые другие [27]. Вместе с узбекскими племенами, из которых правитель Хорезма Абу-ль-Гази-хан (1643—1663) составил четыре парных племенных объединения (*тупа*), названы потомки пророка (*сеиды*), *шейхи*, *али-эли* и *ходжа-эли*, причем *ходжа-эли* были присоединены к племени *мангыт* [28. С. 452]. В Крымском ханстве существовала особая область — *ходжалык*, управляемая ходжой, должность которого была наследственной. Ходжалык включал в себя 16 деревень кадылыка Шейх-Эли Козловского каймаканства. Местопребыванием ходжи была деревня Кыр-Кулач. Ф. Ф. Лашков отмечал, что «название кадылыка Шейх-эли (*шейх* 'проповедник', *эль* 'народ') показывает, что в этом углу Крыма сосредоточивались вообще поземельные владения духовных лиц» [3. С. 21—22, 81—82; 29].

Интересно отметить, что кадылык Шейх-Эли находился рядом с Мангытским кадылыком, которым владел род *мансур*, стоявший во главе *мангытов* (ногайцев) [30. С. 9]. Еще хан Сахиб-Гирей (убит в 1551 г.), уравнив род седжеут в правах с четырьмя знатными родами *ширин*, *барын*, *аргын* и *кыпчак*, возвысил ногайский род *мансур* (*мангыт*), присоединив к последнему племю *ходжа-атай* [11. С. 413], ср.: ойконим *Атай* Е в Крыму, названия «священных» племен *ата* у туркмен и *ходжа-эли* в Хорезме.

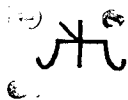
О высоком положении «священных» сословий говорит сходство

тамг акногайского рода *сеит*

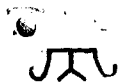
и рода *ходжа* Младшего

жуза казахов

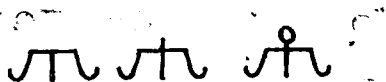

с тамгой рода *хан* акногайцев и кара-

ногайцев

, а также с «султанской» тамгой казахов

[31. С. 134, 139; 32. С. 173; 33. С. 416].

Основу половины (48 из 96) ойконимов с формантом *-эль/-эли* составляют термины, обозначающие сословную принадлежность или социальное положение: *хан* — 2 деревни; *султан* (этот титул носили ханские сыновья, имеющие право на престол и занимавшие различные государственные должности, ср.: антропонимы *Бурнаш султан*, *Янтура султан*, *Озюбек салтан* в «Историческом и дипломатическом собрании»

[34])—одна деревня; *улан* — 3 деревни; *аталык* 'воспитатель ханских сыновей'—3 деревни; *бахшы* 'писец', 'секретарь' (ср.: антропоним *паша мирза Казы бакшей* [10]; кирг. *баксы* 'писец', 'чиновник', 'шаман', 'знахарь', ойконим *Баксы Ф*)—4 деревни *Бакчи-Эли*, в названии которых термин *бахшы* был, вероятно, переосмыслен в *багъджы* 'садовник', 'виноградарь'; *дуван* ~ *диван* — одна деревня; *бий* 'бий, князь (глава племени)' (ср.: антропонимы *Мамыш князь*, *Кыят Бачак князь*, *Ширин Абреим князь*, *Коурат Акай князь*, *Аргин Курбан Али князь* и др. [10])—3 деревни; *агъа* 'ага (титул должностных лиц)' — одна деревня; *бай* 'бай', 'господин', 'зажиточный'—одна деревня; *бийке* 'госпожа', 'повелительница' — *Беки-Эли* ~ *Бикай-Эли* (ср.: (X)аджи-Бике С); *къазы* —2 деревни; *молла*—4 деревни; *сеит*—5 деревень; *шейх*—17 деревень.

Ойконимы с формантом *эль/-эли* сосредоточены в предгорных Симферопольском и Феодосийском уездах, в полосе формирования центральных говоров крымско-татарского языка [35. С. 234]. А. Л. Бертъе-Делагард отметил, что «эли — значит поселение, жилище, очень распространенная приставка к названиям деревень около Карасу-базара, Старого Крыма и вообще в восточном Крыму» [7. С. 30]. В степных же уездах — Евпаторийском и Перекопском, где жили ногайцы, ойконимы с формантом *-эль/-эли* крайне редки. Зависимое население (*эль*) проживало на территории ханского домена и бейликов родов *ширин*, *барын*, *аргын*, *кыпчак* и других, занимавших полосу предгорий от Бахчисарая до Старого Крыма, где сложилось ядро Крымского ханства [36]. Между реками Бештерек и Зуя сосредоточены деревни, принадлежавшие хану и его придворным: *Аталык-Эли*, *Улан-Эли*, *Хан-Эли*, восточнее—*Ханлык* и *Мамбет-(У)лан*. Здесь же, в Акмечетском каймаканстве, находились владения ханского наследника — калги [3. С. 65, 67], а также кадылык *Ичэли*, разделенный затем на *Верхне-Ичкийский* и *Нижне-Ичкийский* [37. С. 32; 30. С. 8]. Термином *ички* назывались ханские придворные, упомянутые в «Имянном списке» [10], ср. также ойконимы *Ички ЕФ*, *Ички-Джолман С*, *Курт-Ички П* и *Кырк-Ички Ф*.

Сосуществование в Крыму на сравнительно небольшой территории ойконимических формантов разного происхождения — результат его сложной этнической и социальной истории. Примером подобного сосуществования формантов является марийская ойконимия: в западной части ее ареала представлен формант *-сола* ~ *-сала* 'деревня', 'село' < чуваш. *сала* < рус. *село*, в восточной — формант *-ял* 'деревня', 'село' < чуваш. *ял* — то же, а на юго-востоке — формант *-агул* 'деревня', 'село' < казан.-тат. *авыл* — то же [38; 39. С. 59—61]. В адыгской ойконимии сосуществуют форманты адыг. *-къуадж*, кабард.-черкес. *-къ/уажэ* 'общество', 'селение', 'деревня' (ср.: кирг. *көчө*, азерб. *күчэ* 'улица' < перс. *کوه* *кусе*—то же) и адыг. *-хьабл*, кабард.-черкес. *-хьаблэ* 'селение' < тур. *havalı*, перс. *حوالی* *hāvalı* 'округа': *Айтэчкудж* [40] ~ *Айтэчык* ~ *хьабл* и многие другие ойконимы [18. С. 37—38, 52—53 и след.].

В названии реки, горы и селения *Гъузэрыплэ* в верховье р. Белой в Адыгейской АО Дж. Н. Коков выделяет антропоним *Гъузер*, но полного объяснения топониму не дает [18. С. 164]. Топоним *Гъузэрыплэ*, несомненно, пристраивает к ареалу абхазских ойконимов на *-рыш* (абх. *-рышъ*, притяжательный аффикс третьего лица множественного числа *-ры + рьш* 'община'): *Гагрыш*, *Гечриш*, *Гульриш*, *Дуриш*, *Звандриш*, *Михельриш* и другие [41; 20; 6. Карта 113]. В топониме можно выделить антропоним кабард.-черкес. *Гъуазэ* и формант *-рыплэ*, являющийся этимологическим эквивалентом абхазского *-рышъ* [42], ср.

также название кургана *Къудзырыпиш Іуащъхэ* возле аула Уляп в Адыгейской АО [18. С. 216].

В ойконимии Крыма в качестве форманта может рассматриваться аффикс множественности *-лар~-лер*. В крымско-татарском языке с личными именами он означает окружение данного лица: *Асанлар* 'Асан и его окружение (семья и друзья)' [35. С. 239]. В списке крымских селений 1783 г. [3. С. 40—63] насчитывается 37 деревень с названиями на *-лар~-лер*. В списке 1805 г. [3. Сб. С. 240—310] их 31, а в списке 1865 г. [4] — 25, если не считать ойконимы второго семантического ряда: *Мейданлар* (*мейдан* 'площадь', 'поле'), *Топраклар-Пелен* (*топракъ* 'земля'), *Хасталар*, ср.: *Хастаеры* (*хаста* 'больной', *ер* 'земля', 'место'), *Чаирлар* (*чайыр* 'чаир (сенокосная поляна в лесу)'), *Чукурлар* (*чукъур* 'яма', 'углубление', 'лощина', 'ущелье') и *Эйпын-Ерлеры*, все в Ялтинском уезде. Номенклатура деревень с названиями на *-лар~-лер* в трех списках совпадает, за исключением нескольких ойконимов, отсутствующих в том или ином списке.

Большинство ойконимов на *-лар~-лер* образовано от религиозно-социальных терминов: *абуз~хавыз* 'хафиз (лицо, знающее наизусть Коран)', (*х*)*аджы* 'хаджи (человек, совершивший паломничество в Мекку)', *гъази* 'газий (борец за веру, победитель неверных)', *къул* 'раб', 'невольник', *молла*, *мырза*, *сеит*, *сеймен*, *тархан* 'тархан (лицо, свободное от податей и повинностей)', *ходжа*, *челеби* 'челеби (лицо, происходящее от муфтиев и других знатных духовных особ)', *шейх*, *эмир* 'военачальник': *Абузлар Ё* (*Хавызлар*, 1783 г., ср.: *Сары-Хафыс-Джарман-Кесек*, *Сары-Хафыс-Татар-Кесек* и *Сары-Хафыс-Сарай-Кесек* в Акмечетском, *Бали-Хафыс* и *Кар(а)-Хафыс* в Козловском каймаканстве), *Аджилар* (*Хаджилар*, 1783 г.) Ф, *Ачилар* (видимо, *Алджулар*, 1783 г.) П, *Гаджилар Я*, *Газийлер* в Перекопском каймаканстве, *Биюк- и Кучук-Коджалар* (*Азгана-Коджалар*) (*Биюк- и Кучук-Хожалар*, 1783 г.), *Муллалар*, *Мурзалар-Кемельчи*, *Сеитлер* (*Сегидлер*, 1783 г.) и *Сеитлер-Тарханлар П*, *Сейманларкой* (*Сейменлер-Кесеги*, 1783 г.) С, *Тарханлар* (2 деревни) П (ср.: *Тархан* (3 деревни), *Тархан-Сунак* и *Тюп-Тархан П*, *Тархан*, *Алма-Тархан* и *Учкую-Тархан С*, *Биюк- и Кучук-Тархан Ф*), *Челебилер* (*Челеби-Эли*, 1783 г.) Ф, *Шейхлар ЕП*, *Шейхлер Я*, *Шахлар Ф*; *Эмирлер* в Козловском каймаканстве.

Часть ойконимов на *-лар~-лер* отражает родоплеменные названия и должна быть отнесена к этноойконимам: *Кучук-Байлар*, *Кыр-Байлар* и *Очка-Байлар П*, *Джанлар П*, *Джетлер-Шейх-Эли* (*Едылер*, 1783 г.) П (в Перекопском уезде находились владения мурз *Эдилерских*), *Казлар-Айбар П* (ср.: *Каз-Аул Ф*), *Казаклар П* (в этой деревне жил мельник казак Андрей [3. Сб. С. 52]; крым.-тат. *къазакаъ* 'украинец', 'русский'), *Бешуйлы-Каралар Ф*, *Каралар-Кипчак Е*, *Кумуклар-Отары* (*къумукъ* — самоназвание кумыков), *Куртлар* (крым.-тат. *къурт* 'волк'; тур. *Kürt* 'курд') и *Куртанжилар* в Кефинском каймаканстве, *Минлер* и *Минлерчик* (*Менгелер* и *Менгелерджик*, 1783 г., ср.: тур. *bengi*, кирг. *маңги~меңги* 'вечный') Е (ср.: *Биюк-Мин* или *Юкон-Мин* и *Кучук-Мин Ф*), *Биюк* и *Кучук-Онлар П*, *Сарылар* и *Узунлар Ф*, *Черкеслер* [3. Сб. С. 4] (ср.: *Черкез-Эли С*), *Юзлер* в Акмечетском каймаканстве. Некоторые крымские этноойконимы на *-лар~-лер* имеют соответствия в этнонимии и этноойконимии других тюркских народов: башкирское племя *байлар* и деревни *Иске Байлар*, *Юхары Байлар* и *Яң Байлар* в Татарии [44. С. 42], группа *къазлар*, или *къаз ногъайлы*, астраханских ногайцев [45. С. 91], 2 узбекских кишлака *Каралар* в Булунгурском районе Самаркандской области [46. С. 35], племя *мынъ* караногайцев [31. С. 137], башкирское племя *минг* и деревня *Миңнер* в Татарии [44. С. 43],

узбекские племена *минг* и *онг~уң~унг* [16. С. 29, 40—42], два каракалпакских кишлака *Сарылар* в Булунгурском районе [46], род *узун* племени кыпчак Среднего жуза казахов [47. С. 367], род *черкеш* алабугатских татар [48. С. 91] и род *черкес~черкеш~серкес* поколения байулы Младшего жуза казахов [47. С. 379, 380, примеч. 2], узбекское племя *юз* [16. С. 29 и след.].

Ойконимы на *-лар~-лер* широко представлены на карте Турции [17]. Как и в Крыму, они происходят от патронимов: *Ахметлер*, *Муратлар*, *Османлар*, *Хасанлар*; терминов, определяющих социальный статус: *Деделер* (*dede* 'предок', 'деде (шейх у дервишей ордена Мевлеви)', ср.: ойконим *Деде* в Перекопском каймаканстве), *Софулар* (*sofu* 'благочестивый', 'праведный', 'суфий (дервиш-мистик)'), *Хаджилар* (*haci* 'хаджи'), *Чавушлар* (*çavuş* 'глашатай', 'чавуш (воинский чин)'), *Челебилер* (*çelebi* 'господин', 'челеби (титул главы ордена дервишей Бекташ и ордена дервишей Мевлеви)'); терминов, обозначающих род занятий и этнонимов: *Балджилар* (*balcı* 'пасечник'), *Доганджилар* (*doğançı* 'сокольников'), *Кюртлер* (*Kürt* 'курд'), *Окчулар* (*okçu* 'изготавливающий стрелы', 'лучник'; род *окчи* туркменского племени *эски* [49. С. 58], ср.: ойконим *Окчу-Гаджилар* в Карасубазарском каймаканстве), *Ташичлар* (*taşçı* 'каменотес', ср.: ойконим *Тащи-Конрат* П), *Текелер* (туркменское племя *теке* [50. С. 85]), *Тюркменлер* (*Türkmen* 'туркмен'), *Чобанлар* (*çoban* 'чобан', 'пастух', 'гуртовщик'), *Ширинлер* (племя *ширин* в Крыму и у кочевых узбеков [16. С. 32 и след.], *Эвджилер* (*evci* 'строитель домов?'), *Язырлар* (огузское племя *языр* [50. С. 85, примеч. 7]), *Ялманлар* (*yılman* 'острие', 'острая вершина горы', ср.: этноойконимы *Джолман-Аратук* и *Ички-Джолман* С). В западной и центральной частях Анатолии насчитывается более 40 ойконимов на *-лар~-лер* против двух в восточной: *Акчалар* и *Шахналар* [17]. Происхождение и концентрация ойконимов на *-лар~-лер* в этом регионе объясняется оседанием туркменских племен преимущественно в Западной и Центральной Анатолии [50. С. 86].

В Узбекистане названия кишлаков с аффиксом *-лар* появились также в связи с оседанием кочевых племен в XVII—XIX вв. Они отражают национальную (*Араблар*), социальную (*Беклар*, *Бойлар*, *Хўжалар*, *Шайхлар*, *Эшонлар*), профессиональную (*Заргалар* 'ювелиры') и родоплеменную принадлежность жителей [51].

Одним из показателей возникновения башкирских топонимов (особенно ойконимов) от этнонимов, по мнению Э. Ф. Ишбердина, является наличие в них аффикса *-лар~-лер*, ибо «названия родовых подразделений почти всегда во множественном числе» [52. С. 257]. Следует отметить, что в Крыму доля этноойконимов на *-лар~-лер* весьма незначительна.

В формировании рассмотренных в статье тюркских ойконимов на *-сала*, *-кой*, *-эль/-эли* и *-лар~-лер* отразились определенные этапы этнической и социальной истории Крыма.

Существуют типологические параллели между ойконимией Крыма и ойконимиями Средневожского региона, Кавказа, Анатолии и Средней Азии. Особого исследования требует этноойконимия Крыма, некоторые аспекты которой затронуты в настоящей статье.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Бушаков В. А. Термины, обозначающие селения и крепости, в топонимии Крыма // Сов. тюркология. 1985. № 2.

² В статье анализируются крымские ойконимы, представленные в [3—5; 6. Карта 54].

³ Лашков Ф. Ф. Исторический очерк крымско-татарского землевладения: Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения. Симферополь, 1987.

⁴ Списки населенных мест Российской империи. Спб., 1865. Т. 41: Таврическая губерния.

⁵ Бесчинский А. Путеводитель по Крыму. М., 1905. Карта горного Крыма.

⁶ Большой советский атлас мира. М., 1939. Т. 2.

⁷ См.: Бертье-Делагард А. Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде. Одесса, 1914.

⁸ Камеральное описание Крыма 1784 года // Изв. Тавр. учен. арх. комис. (ИТУАК). Симферополь, 1888. № 6.

⁹ Буквами Е, П, С, Ф и Я обозначены уезды, в которых находились соответствующие деревни: степные Евпаторийский и Перекопский, предгорные Симферопольский и Феодосийский, горный Ялтинский.

¹⁰ Имянный список Крымским царевичам, князьям, мурзам и всяким чиновным людям, которые шертовали великому князю Василию Иоанновичу с царем Саидет-гиреем перед посланником Остафем Андреевым. 1524 // Зап. Одес. о-ва истории и древностей (ЗООИД). Одесса, 1863. Т. 5.

¹¹ Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII в. Спб., 1887.

¹² По сообщению члена Таврической ученой архивной комиссии А. Г. Иваненко, в деревне Топчикой были найдены пять чугунных татарских пушек // ИТУАК. 1898. № 28.

¹³ В войско Великого княжества Литовского входило татарское подразделение *Уланская хоругвь* [14], давшее начало уланам как роду легкой конницы, вооруженной пиками.

Турецкий путешественник XVII в. Эвлия Челеби называет в составе крымских войск племя *улан* [15. С. 192]. В Крыму обитали *мурзы Улановы* [3. С. 83]. Племя *оглан* известно у кочевых узбеков [16. С. 33].

¹⁴ Borawski P. Tatarskie chorągwie plemienne w armii Wielkiego Księstwa Litewskiego w XVII i pierwszej połowie XVII w. // Acta Baltico-Slavica. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1979. 12.

¹⁵ Эвлия Челеби. Книга путешествия. М., 1961. Вып. 1: Земли Молдавии и Украины.

¹⁶ Султанов Т. И. Кочевые племена Приаралья в XV—XVIII вв.: Вопросы этнической и социальной истории. М., 1982.

¹⁷ См.: Атлас мира. 2-е изд. М., 1967. Карта 146—147.

¹⁸ Дж. Н. Коков. Адыгская (черкесская) топонимия. Нальчик, 1974.

¹⁹ Савина В. И. О типах словообразования топонимов Ирана // Топонимика Востока: Новые исследования. М., 1964.

²⁰ Карта Кутаисской губернии // Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Спб., 1896. Т. 17, кн. 33.

²¹ Саттаров Г. Ф. Ойконимические термины со значением «город» и «село» в истории татарского языка и топонимии // Сов. тюркология. 1988. № 1.

²² В фирмане Селим-Гирея подданные хана именуются *хан-эли*, подданные беев — *кошун* и *эль*. Деревня *Шейх-Эли* находилась во владении «духовников той же деревни» [3. Сб. С. 29—30, 272]. Ср. значения перс. *ایل* *il* 'народ', 'племя' (кочевое), 'народ, рассматриваемый как удел', 'подданные какого-либо лица' [23. С. 50].

²³ Миллер Б. В. Персидско-русский словарь. М., 1960.

²⁴ Хартахай Ф. Историческая судьба крымских татар // Вестник Европы. Спб., 1866. Т. 2, отд. 1.

²⁵ По свидетельству Н. В. Ханыкова, в Средней Азии «сеидами называются потомки хазятри Османа и хазятри Али Шири-Хода, происшедшие от дочерей Мухаммеда; все потомки Абубекра, Садыка и Омар-Ульфараука, равно как и вышеназванные, но от других жен, называются ходжами» [26. С. 180].

Перс. *خواجه* *хазе* 'господин', 'хозяин', 'учитель', 'наставник', 'почтенный старец' было заимствовано тюркскими языками как два разных слова, которые часто смешиваются в ономастике: тур. *hoca* 'учитель', 'наставник', 'ходжа', 'мулла', 'духовное лицо' и *kosa* 'муж', 'супруг', 'старый', 'пожилой', 'великий', 'знаменитый', 'почтенный'.

²⁶ Ханыков Н. В. Описание Бухарского ханства. Спб., 1843.

²⁷ Демидов С. М. Туркменские овляды. Ашхабад, 1976.

²⁸ Материалы по истории казахских ханств XV—XVIII веков: Известия из персидских и тюркских сочинений. Алма-Ата, 1969.

²⁹ Нахождением здесь тарханных (свободных от налогов и повинностей) земельных владений духовных лиц объясняется происхождение названия Тарханкутского полуострова, которое является русской калькой названия кадылыка *Дун-Тархан* с заменой тур. *dip*, крым.-тат. *түп* 'дно', 'низ', 'корень' русским *кут* 'угол', 'вершина мыса', ср.: на-

звания крымских деревень *Тюп-Мамай* Е, *Тюп-Абаш*, *Тюп-Джанкой*, *Тюп-Кенегез*, *Тюп-Канлы* и *Тюп-Тархан* П, которые расположены на морских мысах (крым.-тат. *түп*).

³⁰ Памятная книга Таврической губернии. Симферополь, 1867. Вып. 1.

³¹ Баскаков Н. А. Ногайский язык и его диалекты. М., 1940.

³² Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа: Этнический состав, история расселения. М., 1974.

³³ Аристов Н. А. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой орды и каракиргизов на основании родословных сказаний и сведений о существующих родовых делениях и о родовых тамгах, а также исторических данных и начинающихся антропологических исследований // Живая старина. Спб., 1894. Вып. 3.

³⁴ Историческое и дипломатическое собрание дел, происходивших между российскими великими князьями и бывшими в Крыму татарскими царями с 1462 по 1533 год. Сочинено из старинных книг и столпцов, хранящихся в Московской государственной коллегии иностранных дел архиве, переводчиком Алексеем Малиновским. 1793 года // ЗООИД, 1863. Т. 5.

³⁵ Севортян Э. В. Крымско-татарский язык // Языки народов СССР. М., 1966. Т. 3: Тюркские языки.

³⁶ Лашков Ф. Ф. Архивные данные о бейликах в Крымском ханстве. Симферополь, 1890.

³⁷ Тунманн. Крымское ханство / Пер. с нем. изд. 1784 г. Симферополь, 1936.

³⁸ Кузнецов В. В. К вопросу о происхождении топоформанта *-сола* в марийском языке // Вопросы марийской ономастики. Йошкар-Ола, 1978.

³⁹ Федотов М. Р. Роль чувашских слов в образовании ойконимов Марийской АССР // Сов. тюркология. 1988. № 1.

⁴⁰ Карта Кубанской области // Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. Спб., 1896. Т. 16А, кн. 32.

⁴¹ Басария И. Б. Лексико-грамматическая структура абхазского топонима на *-рыцшь* // Лингвистические исследования. 1975: Исследования по грамматике языков народов СССР. М., 1975.

⁴² В исконно общих словах адыгскому *лъ* соответствуют абхазские звуки *шь*, *ш* [43. С. 34].

⁴³ Шагиров А. К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков: (А—Н). М., 1977.

⁴⁴ Саттаров Г. Ф. Этнонимы в топонимии и антропонимии Татарии // Сов. тюркология. 1980. № 1.

⁴⁵ Гаджиева С. Ш. Материальная культура ногайцев в XIX—XX вв. М., 1976.

⁴⁶ Туйчиев У. Отражение этнонимов в топонимии Булунгурского района // Ономастика Средней Азии. Фрунзе, 1980. Вып. 2.

⁴⁷ Аристов Н. А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей // Живая старина. Спб., 1896. Вып. 1.

⁴⁸ Арсланов Л. Ш. О влиянии языка юртовских татар (ногайцев) на язык татар Наримановского района Астраханской области // Учен. зап. Казан. пед. ин-та. Казань, 1978. Вып. 186.

⁴⁹ Винников Я. Р. Родоплеменной и этнический состав населения Чарджоуской области Туркменской ССР и его расселение // Тр./Ин-т истории, археологии и этнографии АН Туркм. ССР. Сер. этнографии. Ашхабад, 1962. Т. 6.

⁵⁰ Еремеев Д. Е. Этногенез турок: Происхождение и основные этапы этнической истории. М., 1971.

⁵¹ Караев С. К. О показателях множественности в топонимах Узбекистана // Сов. тюркология. 1974. № 5.

⁵² Ишбердин Э. Ф. Этнонимы в топонимии Башкирии // Ономастика Поволжья. Уфа, 1973.

Б. Ф. ВАЛЕЕВ

О ТОПОНИМИИ СИБИРСКИХ ТАТАР

(ПО МАТЕРИАЛАМ ОМСКОЙ И ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТЕЙ)

Ряд районов Омской и Тюменской областей характеризуется богатым корпусом тюркских топонимов. Интересный в этом плане тюркский топонимический материал содержится в трудах В. В. Радлова [1; 2], Г. Ф. Миллера [3], а также других дореволюционных историков, этнографов, занимавшихся в той или иной степени изучением языка, истории, культуры и быта тюркских народов Сибири, в том числе сибирских татар. В советский период целенаправленное исследование тюркской топонимии началось в основном только в послевоенные годы. Как известно, этой проблемой занималась Томская лингвистическая школа во главе с А. П. Дульзоном. Однако сибирско-татарская топонимия нынешних Омской и Тюменской областей не попала в поле зрения топонимистов-тюркологов. Правда, отдельные бытующие в сибирско-татарской топонимической системе географические названия и их объяснения имеются в «Кратком топонимическом словаре» В. И. Никонова [4], в работах Г. Ф. Саттарова [5]. В 1966 г. была опубликована статья С. М. Исхаковой, в которой рассматривалась проблема тюркских (татарских и казахских) заимствований в русской топонимической системе Западной Сибири [6. С. 250—254]. Материал по топонимии и антропонимии западно-сибирских татар содержится в недавней статье Д. Г. Тумашевой [7. С. 38—51].

В данной статье делается попытка выявить происхождение названий некоторых татарских населенных пунктов и отдельных гидронимов, объяснить ряд микротопонимов, собранных автором во время полевых исследований в Большереченском, Тарском и Омском районах Омской области. Под полевыми материалами подразумеваются сведения о названиях местных географических объектов (озер, рек, населенных пунктов, болот, земельных участков, лесов и т. д.), полученные в основном от информантов — коренных сибирских татар старшего поколения.

Топонимическая система рассматриваемого ареала состоит как из древних пластов, подвергшихся более или менее значительным изменениям, так и из поздних — с прозрачной семантикой и реконструируемой структурой. Среди топонимов встречаются заимствования арабского и персидского происхождения, а также проникшие из других нетюркских языков, в том числе из русского. В ареале много названий с типичными тюркскими гидронимическими топоформантами *kul'//gul'* и топонимов с тюркскими аффиксами *-ly// -le*. *Jylanlygul'* = *jylan* 'змея' и *gul'* 'озеро' — 'змейное озеро', *Ulanlegul'* 'травянистое озеро', *Ollygul'* = *olly* 'большой, старый' — 'большое озеро', *Qurtajlygul'* — *qurtaj* 'аист, цапля' — букв.

‘озеро с аистами’, *Sybagul* — *sybar* ‘пестрый’ — ‘пестрое озеро’ (с маленькими островками), *Qaḡagul* — *qaḡa* ‘черный’ — ‘черное озеро’, *Surgul* — перс. *šur* ‘солончак’ [8. С. 143] — ‘соленое озеро’, *Säbärälegul* — ‘озеро Сафаргали’ и т. д. (Большереченский район Омской области). *Jabalaq* — озеро на правобережье Иртыша — *jabalaq* ‘сова’. В прошлом тобольские татары называли это озеро *Jabalaq-Pügen*, причем слово *pügen* вообще употреблялось по отношению к озерам, имеющим исток; не имеющие истока озера местные татары называли *kul* [9. С. 2].

Многие большие и малые реки в ареале имеют тюркские названия либо тюркский компонент в них. Например, *Turtas* — приток Иртыша, гидроним происходит от тюрк. *tört* ‘четыре’ и *as* ‘горностай’ [10. С. 59], впрочем, второй компонент логичнее отнести, как нам представляется, на счет угорского *as* ‘река’ [11. С. 18]. *Aj* — левый приток Иртыша, от тюрк. *aj* ‘луна, месяц’ [10. С. 25] (в русской адаптации *Аев*). *Alaboḡa* — приток реки Тобол — *alaboḡa* ‘окунь’ [12. С. 17]. *Ayut* — приток Вагая, в русской адаптации *Агитка* [12. С. 17], возможно, происходит от *ayu*, *ayutu* ‘течь, заставлять течь’. *Aju* — приток реки Туй — от тюрк. *aju* ‘медведь’. *Qajnsas* — приток реки Уй — *qajun* ‘береза’ и *sas* ‘болото’. Тюрк. *sasy*, *sasyq* ‘вонючий, гнилой’ встречается в топонимии многих регионов нашей страны (в Бессарабии, Крыму, Средней Азии, на Памире и др.) и применяется для обозначения стоячих, гнилых водоемов [13. С. 169]. В ареале много топонимов с компонентом *sas* в значении «болото». Например, *Aqsas* от тюрк. *aq* ‘белый’, т. е. ‘белое болото’; *käü-eksas* от сиб.-тат. *käüek* ‘кукушка’, т. е. букв. ‘кукушкино болото’; *Sumartsas* от сиб.-тат. *šumart* (каз. *жомарт*, башк. *юмарт*), т. е. ‘щедрое болото’ (д. Яланкуль, Большереченский район Омской области). *Bičä* — правый приток Иртыша, гидроним, по-видимому, происходит от тюрк. *bičä* в значении ‘маленький’ [10. С. 98], т. е. маленькая по сравнению с рекой Иртыш (ср.: тат. *bičä*, сиб.-тат. вариант *pičä* ‘жена, женщина, вообще маленький человек по сравнению с мужчиной’). Остановимся на названиях ряда крупных рек ареала, нашедших определенное объяснение в литературе. *Тура* — левый приток реки Тобол, на котором стоит город Туринск. По Г. Ф. Миллеру, этимология гидронима связана с тюрк. *tuga* ‘укрепленное жилище, крепость’ [10. С. 587]. Поскольку город моложе гидронима, то название его, очевидно, происходит от названия этой реки. Попытки связать гидроним с мансийским *tur* ‘озеро’ и с финскими языками «край, берег» в современной ономастической литературе рассматриваются как необоснованные. *Тара* — правый приток Иртыша. В русских документах XVI в. — *Тар*, окончание *-а* присоединено позже как русский показатель грамматического женского рода [4. С. 408]. В литературе это название связывается с тюрк. *tar* ‘узкий’ [4. С. 408] (ср.: руч. *Тарчул* в Хакасской АО [10. С. 3], р. *Тартас* в Новосибирской обл. на территории проживания барабинских татар). *Омь* — правый приток Иртыша; считают, что гидроним происходит из языка барабинских татар и означает «тихий» [4. С. 309]. Такое толкование, на наш взгляд, сомнительно, если учесть, что в современном народно-разговорном языке тоболо-иртышских татар слово *om* в значении «тихий» не встречается. Омск — областной центр Сибири, основанный в 1716 г., получил свое название по реке Омь. Часть тарских татар (например, Большереченского района Омской области) называет Омск *Умру*. Существовали попытки вывести этимологию слова Тобол из тат. *tabuḡan* ‘найденный’, каз. *ту-бул* ‘разграничительный знак’ [4. С. 420]. Русский ученый XVIII в. П. И. Рычков, объясняя происхождение гидронима Тобол, писал: «Татары именуют сею реку Табул от мно-

жества растущего по ней дерева, по их табул называемого, а по-русски таволга» [14. С. 162]. По-видимому, П. И. Рычков был не совсем точен, приводя термин табул в качестве татарского названия кустарника таволги, наверняка заимствованного русскими у сибирских татар. Этот кустарник *Spirea* современные тобольские и тарские татары называют *tubylyu*. *Irteš* (Иртыш) — левый приток Оби. По М. Кашгари (XI в.), Эртиш — *дарёдан утиш*, т. е. букв. 'проход через реку' [15. С. 48]. Гидроним Ертиш встречается в поэме «Хосрау и Ширин» Кутба (XIV в.) [8. С. 254]. Была попытка объяснить его происхождение из каз. *ир* 'земля', *тыш* 'рыть' [16. С. 197; 17. Стб. 336]. Однако здесь искажены казахские слова: каз. *жер* 'земля' [17. С. 230], *казу* 'рыть' [18. С. 709]. Кроме того, название реки было известно задолго до прихода казахов в верховья Иртыша [4. С. 161]. По нашему мнению, наиболее вероятен башкирский вариант гидронима *Jurtyš* 'рвущий, разрывающий'. Однако, как считает В. А. Никонов, этот вариант требует смыслового оправдания при обозначении спокойной равнинной реки [4. С. 161]. Таким образом, этимология слова *Irteš* нуждается в дальнейшем исследовании.

Тюркский пласт широко представлен в названиях городов и населенных пунктов ареала. В этой категории топонимов часто встречается явление метонимии. Бытующие в русской лексике слова Тобол (река) и Тобольск (город) в народно-разговорном языке сибирских татар передаются словом *Tubył*. Названия татарских аулов *Olygul* 'большое озеро', *Utygul* 'огненное озеро', *Qaragul* 'черное озеро', *Qairgul* // *Qojrygul* 'песчаное озеро', одновременно означают названия озер. Многие названия татарских аулов ареала образованы при помощи аффиксов наличия *-ly/-le*. Например, *Qutygly* от тюрк. *qotur* 'парша, короста, чесотка' [10. С. 461]. *Jeganle* от тюрк. *jekän* — разновидность камыша [10. С. 253] — букв. '(аул) с камышами'. В русскую топонимическую систему это слово вошло в виде Ингалы (Большереченский район Омской области). *Qarğaly* от тюрк. *qarğa* 'ворона', букв. 'вороний аул'. *Toraly* от тюрк. *toğa* 'крепость, город', букв. 'городской' (Тарский район Омской области). Возможно, поселение было создано татарами, переселившимися сюда из города Тары.

Среди названий населенных пунктов (в том числе русских) обнаруживаются посессиивные топонимы, происхождение которых связано с именами реальных исторических лиц, а иногда с легендарными личностями. Например, Ишим (ойконим и гидроним) в литературе связывается с именем хана Ишима [19], потомка упоминаемого в Ремезовской летописи («Истории Сибирской») Татар-хана. Названия целого ряда селений тобольских татар и русских деревень происходят от имен татарских князьков, основавших эти селения или обитавших в этих местах. Например, *Sükläm* — юрты на реке Суклем (Тобольский район Тюменской области), *Rabaḫäsän* — юрты в 30 километрах ниже устья реки Тавды (в русской адаптации Бабасан), *Sausqan* — тат. *аул* (юрты Саусканские) в литературе возводятся к имени татарского князя Саускана [3. С. 195]. *Süzge* — селение на Сузгунской сопке в 6 километрах ниже Тобольска названо по имени одной из жен Кучума *Süzge* (Сусре) [3. С. 198; 20. С. 2]. *Säbänäk* — юрты Сабанакские, по имени одного из представителей служилых тобольских татар Кулма-метовых, возведенных при Екатерине II в дворянское достоинство. К этой группе татарских топонимов мы относим названия населенных пунктов Матмасы (Тюменский район Тюменской области) [21. С. 67], Малые Матмасы (Ярковский район Тюменской области) [21. С. 80]. Топоним, по-видимому, восходит к имени татарского князя Маитмаса

Ачекматова, оказавшего сопротивление Ермаку близ устья реки Туры, а при тюменском воеводе Василии Сукине состоявшего на службе у Московского государства [22. С. 164].

Продолжает привлекать внимание исследователей Сибири название столицы Сибирского ханства Искер, располагавшейся на правом берегу Иртыша близ города Тобольска и имевшей еще два названия—Кашлык и Сибирь [20. С. 28]. Объяснение происхождения топонима Искер от тюрк. *isker* 'старый, ветхий, древний' [8. С. 199] и тюрк. *jeğ* 'земля', 'старая земля, старый город' нам кажется вполне убедительным. Но этимология другого, параллельно употребляемого названия этого города *Qaşlıq* пока не исследована. По-видимому, оно было первоначальным. С. У. Ремезов приводит его в своей «чертежной книге Сибири» [12. С. 34; 20. С. 28]. Если слово *qaş* в тюркском означает «край, берег, бровка» [10. С. 431], то вместе с аффиксом принадлежности *-ly/-lyq* его можно истолковать как «набережный, расположенный на берегу реки». Не исключена возможность происхождения слова *Qaşlıq* от тюрк. *quş* 'зима', но с аффиксом *-laq/-lau*. Оно получило новое смысловое значение *Qyş-laq* [10. С. 448], *Qyşlau* 'зимовье, зимовка'. Такое толкование, думается, более правомерно, если учесть, что татары в Тюменском и Сибирском ханствах вели кочевой или полукочевой образ жизни, но зиму проводили в своих городках, в том числе в Искере. Тарские татары-аялинцы даже в 80-х годах XVIII в. рассматривались как народ, «кочующий по разным местам Сибири» [9. С. 59]. Ср.: узб. *кишлок, кишлак* 'селение, деревня'; каз. *кыстау*; азерб. *гышлаг*; башк. *кышлау, кышлак*. Остается невыясненным топоним Тюмень — название города на реке Туре (областной центр нынешней Тюменской области РСФСР). По данным сибирских летописей, город был основан ханом Тайбуга и первоначально назывался Чимгитур, а в 1585 г. на этом месте было построено русское укрепление Тюмень. Существуют различные мнения об этимологии этого топонима. Тюмень — десять тысяч [3. С. 273—274]. Это число относили то к количеству воинов, то к поголовью скота у феодала. В древнетюркском *ïtın* 'десять тысяч, множество, большое количество, тьма' [10. С. 596]. В монгольском *тумэн* 'десять тысяч, бесчисленное множество', в уйгурском *туман* 'десять тысяч' [23. С. 339], в телеутском *тумен* 'тьма, десять тысяч, множество' [24. С. 383]. В некоторых современных исследованиях *туман*—«десятитысячное войско; денежная единица; подвластный столичному городу район» [25. С. 40]. При этом не указывается принадлежность слова к определенному языку (тюркскому или монгольскому). В 1841 г. была сделана неудачная попытка вывести происхождение топонима тюмень из *тю* 'принадлежность' и *мяна* 'мне, мое достояние' [26. С. 89—91]. М. Фасмер высказал предположение о происхождении топонима Тюмень от мансийского Ченген, что в переводе на русский язык означает: «в Тюмень». В литературе уже указывалось на неосновательность данного предположения. М. Фасмер пытался объяснить топоним Тюмень, связывая его с названием мансийского города Чимген, основанного в XVI в., тогда как топоним Тюмень был известен еще в начале XV в. [27. С. 112]. Ю. В. Откупщиков указывает, что западно-сибирский топоним Тюмень не является единственным. На Кавказе, вблизи устья Терека, в середине XVI в. существовал город Тюмень, была река Тюменка. О стране Тюмень в 100 милях к юго-западу от Астрахани упоминается в книге английского путешественника середины XVI в. Дженкинсона. Арык Тюмень, вытекающий из Сырдарьи, известен из письменных источников XV—XVI вв. Топокомпонент Тюмень сохранился до сих пор в названии железнодорожной станции Тюмень-арык [27. С. 112]. Соединив на кар-

те указанные географические пункты, Ю. В. Откупщиков приходит к выводу, что это путь, пройденный монгольскими завоевателями во время их походов в XIII—XIV вв. При Чингис-хане и его преемниках слово Тюмен означало войско в десять тысяч человек, а также большую племенную группу — туман или тумен, которая была обязана поставлять хану 10 тысяч воинов. По мнению Ю. В. Откупщикова, позднее это количественное соотношение перестало быть обязательным и слово «тюмен» превратилось в административный термин, близкий по своему значению к слову «улус» (ср.: современное монгольское *улс* 'государство'). Главный вывод Ю. В. Откупщикова заключается в том, что на пути продвижения монгольских завоевателей появились: страна Тюмень, Тюменская орда, Тюменское царство, а также несколько населенных пунктов и городов с тем же названием — Тюмень.

В сибирской татарской топонимике встречаются этнонимы, выступающие в качестве топонимов. В большинстве случаев они образованы путем прибавления аффиксов *-lar*, *-le*, *-ly* к корню слова. Например, *Ajalylar* — племенное подразделение тарских татар — аялинцы. *Taslar* — в начале XIX в. татарский аул в Аялинской волости Тарского уезда, название небольшого рода тарских татар *taslar* 'паршивые, плешивые'. В современном уйгурском *таз* 'парша, паршивый' [23. С. 274], узб. *тос* 'плешивый', тат. *таз* 'паршивый, облезлый' [28. С. 332]. Связывать происхождение топонима (этнонима) таслар с гидронимом Таз, на наш взгляд, необоснованно. *Тууус* (Тукуз) — старинное селение тобольских татар, расположенное на обоих берегах реки Агитки, впадающей в реку Вагай (Вагайский район Тюменской области). Топоним образован от названия рода сибирских татар *Togus* (тугус). Л. П. Потапов считает, что коренные жители Тогуса и волости принадлежали к группе (возможно, роду) токуз, потомки которого до настоящего времени проживают среди северных алтайцев-тубаларов [29. С. 84]. Не исключено, что этноним *Togus*, выступающий в качестве топонима, связан с этнонимом тугус, встречающимся в языке других тюркских народов. Он имеется в аялинской группе башкир (тугуз, тугызак), у киргизов (тогузак, тогузуул), каракалпаков (тогузак), ногойцев (токуз) [30. С. 203]. *Qajly* — населенный пункт (Усть-Ишимский район Омской области), *Qajbaba* — населенный пункт (Седельниковский район Омской области). Возможно, топоним с корнем *qaj* связан с названием одного из тюркских племен, отмеченным в литературе [10. С. 406]. Однако история его проникновения в сибирско-татарскую топонимическую систему еще не исследована.

Среди тюркских топонимов ареала есть и заимствованные из других языков. Например, *Ataq* — татарский аул (Тарский район Омской области). По данным наших информантов, название этого аула происходит от уйгур. *ataq* 'слава, известность' [23. С. 16]. Такое толкование топонима *Ataq* можно принять, учитывая, что основателями ряда татарских аулов на Иртыше (в Тарском районе) были среднеазиатские переселенцы — так называемые бухарцы (XVI—XVII вв.), среди которых были и уйгуры [31. С. 29]. *Malcun* — татарский аул около Тюмени, в русской адаптации — Ембаево. Топоним, возможно, восходит к араб. *منزل* 'место остановки, привал, бивуак, жилище' [32. С. 315]. В этом случае налицо метатеза: в народно-разговорном языке сибирских татар *Malcun* (с учетом фонетических особенностей) звучит как *Malcun*. Трансформировалась и семантика: в языке разных групп сибирских татар слово *Malcun* ассоциируется, прежде всего, с широко распространенным в тюркских языках словом *mal* 'имущество, достояние, богатство' [10. С. 335]. Интерес представляет название татарского селения

Qomaḡau (в русской адаптации — юрты Комаровские) на реке Туманке (Тобольский район Тюменской области). Топоним вошел в сибирско-татарскую топонимическую систему как заимствование из таджикского языка. Основателями селения были таджики-бухарцы, переселившиеся в Сибирь еще в XVI—XVIII вв. из долины Qomaḡau, расположенной на территории современной Таджикской ССР. Cornaḡu — в русской адаптации деревня Черналинская [33. С. 71] (Большереченский район Омской области) — первоначально от тадж. *чор* 'четыре' [34. С. 445] и *ном* 'давать имя' [34. С. 271] 'аул имени четырех человек' или 'принадлежащий четырем лицам'. По преданию, аул был основан четырьмя братьями-шейхами: Алим-шейхом, Ашкы-шейхом, Файзе-шейхом и Кучкар-шейхом. Первоначальное название аула ныне забыто. Старый топоним Чорнамлы сообразно фонетическим закономерностям языка сибирских татар закрепился в топонимии татар ареала в форме Cornaḡu. К заимствованиям в сибирско-татарской топонимической системе, по-видимому, можно отнести такие названия татарских селений, как Syqlar и Säjet. Syqlar (до недавнего времени Речапово, а в настоящее время Междуречье) — татарский аул на правом берегу Иртыша (Тарский район Омской области), от искаженного араб. *شيخ* и тюркского аффикса множественности -lar 'старшы, духовные вожди'. По преданию, аул был основан среднеазиатскими проповедниками ислама среди сибирских татар и других народов Сибири [35]. Säjet (Сентово), Olly Säjet (Большие Сеиты), Кессе Säjet (Малые Сеиты) — татарские селения в Омской и Тюменской областях. Топоним происходит от араб.

سید 'ведущий свое происхождение от Мухаммеда'. Арабским заимствованием в лексическом фонде сибирских татар, как, впрочем, и в языке других тюрков-мусульман, является термин Qala от араб. *قلعة* 'крепость, цитадель, замок' [38. С. 390]. Термин употребляется татарами вместе с названием города (селения). Например, Tubyl qalasy — город Тобольск. В настоящее время употребляется очень редко. Среди топонимов встречаются и такие, где заимствованием является (в двусоставном слове) один компонент. Например, Qusatau — татарский аул (в русской адаптации Казатово, Большереченский район Омской области), от искаженного перс. *خواجه* 'благородного происхождения' и тюрк. *тау* 'гора', 'гора господина'. По преданию, аул был основан бухарцем — духовным лидером. Qusaḡul < Qusa + aul (у В. В. Радлова в «Образцах народной литературы тюркских племен...» (Ч. 4) передано *хоца аул*) — татарский аул (Тарский район Омской области), Хиṣajlan — татарский аул (Тобольский район Тюменской области) — от слияния в результате афerezиса слов *хиṣа* и *jalap* 'поле, равнина', 'поле господина'. Этот аул имеет еще и другое название — юрты Епанчинские, от прозвища Япанча, происходящего от тюркского *јарипчу* 'эпанча, бурка, попона лошади' [28. 2. С. 319].

В названиях целой группы татарских селений имеются топонимы, связанные с названиями административных должностей, существовавших в Сибирском ханстве. Карачино — поселок (Тобольский район Тюменской области), qaraḡu//qaraḡu в тюркских языках имеет значение «смотритель, наблюдатель, верный слуга» (см., например: [39. С. 168]). Jazavul — татарский аул (Уватский район Тюменской области). Есаульские юрты при озере Есаульском, по переписи населения 1897 г., числились в Кашегальской волости Тюменского округа [33. С. 103]. Есаул ~ Ясаул — распространенное тюркское название должностного лица; яса ~ ясак 'уложение, постановление, приказ, закон' (<монг. *dzasaq* 'закон' и аффикс -yul/-ul). Ясаул — исполнитель повеления хана по ясе

[25. С. 41], т. е. по уложению, закону, обычному праву у тюрко-монгольских народов. В Сибирском ханстве ясаулы («блюстители порядка»), назначенные ханом, сидели во главе татарских улусов. Например, есаул Алышай, который держал «город опасный Кучумов». По-видимому, здесь имеется в виду татарский городок Qollar (в русской адаптации Кулары 'рабы'), построенный для защиты южных границ ханства от калмыков [40. 1. С. 336]. Звание есаула хан присваивал пленным князьям, стоявшим во главе собственных улусов (например, князья аялинских татар имели в конце XVI в. это звание) [22. С. 156]. К рассматриваемой группе относится и топоним Тархан (в русской адаптации Тарханы, Тарханский острог [3. С. 198]). Два аула под названием Тарханы и Тархан//Чечкин находятся в Ярковском районе Тюменской области [21. С. 81]. Топоним восходит к тюркскому *tarqan* 'титул' [9. С. 538]; по М. Кашгари, *tarxan* 'бек', т. е. 'князь' (употреблялся до принятия ислама) [15. С. 252]; *darxan*//*tarxan* 'человек, свободный от податей и повинностей'; по Абул-Гази — человек, свободно вступающий в палатку хана и свободно выходящий из нее, которому прощаются проступки 9 раз; права эти переходят по наследству до девятого колена; *tarxanlyq* — звание, которым хан жаловал кого-либо, избавляя от повинностей. По монгольскому преданию, *tarxan* — «кузнец, мастеровой, вольный человек» — вывел моголов из долины Эркенекунь, и в честь его было установлено звание тарханов, свободных от налогов и пр. [28. 1. С. 349]. В новейшей литературе термин тархан объясняется, как: 1) название феодала у тюркских народов в средние века; 2) земля и имущество феодалов Закавказья, Средней Азии, Казанского, Крымского ханств и других, освобожденных от уплаты государственных налогов; 3) вид русских грамот [41. С. 1310].

Ряд топонимов имеет исторические, этнографические и другие особенности. По-видимому, они образовались в более позднее время и поэтому сравнительно легко этимологизируются. *Tusqasan* (Тусказан) — татарский аул (Большереченский район Омской области). Топоним состоит из тюрк. *tus* 'береста' и *qasan* 'котел' — 'берестяной котел'. *Tuskimä* — татарский аул (Колосовский район Омской области) из тюрк. *tus* 'береста', *kimä* 'лодка' — 'берестяная лодка'. Названия обоих татарских аулов связываются с историей их материальной культуры. Так, топоним *Tusqasan* отражает распространенный среди тюрков-кочевников способ варки мяса в берестяной посуде — в такой котел с мясом бросали мелкие камни, предварительно накалинные на огне, а *Tuskimä* — изготовление в прошлом татарами-охотниками и рыболовами лодок из бересты. Иногда топоним отражает характерную особенность или функциональную нагрузку данного географического объекта. Например, топоним *Jaulu toğa* (г. Ялуторовск — районный центр Тюменской области). Образован из тюрк. *jaü* 'войско', *toğa* 'город, крепость' — 'город с войском'. Войдя в русскую топонимическую систему, он превратился в Ялуторовск. Однако в XVI—XVII вв. топоним был значительно ближе к татарскому оригиналу — *Jaulu toğa* [42], а в «Приложении к чертежной книге Сибири» С. Ремезова назван Евлутор (Евлуторовская слобода) [12. С. 10]. Представляет интерес название татарского селения *Taşatqan*//*Taşjatqan* (Тевризский район Омской области), происходит от тадж. *taş* 'камень', *atqan* от *at* 'бросать' — 'брошенный, сброшенный, выстреленный'. С. Ремезов, посетивший это селение (городок) на Иртыше, записал татарское предание о происхождении топонима: «...летом, как тамошние татары рассказывают, пал с неба камень на дороге, видом кругол, красен, человеку в пояс. А в подъем пошевелить с места надо человекам седми. Когда его с места пошевелят, и в тот час буря

великая восстанет и дождь велик и силен бывает целые сутки и для того словет Ташаткан» [43. С. 123; 44].

Jerbaš — озеро (Большереченский район Омской области), от тюрк. jer 'земля' [10. С. 257], baš 'голова' [10. С. 86] — 'начало земли'. В современном народно-разговорном языке тарских татар бытует идиоматическое выражение jer ajaŋu, jer bašu в значении «очень далекое расстояние», букв. «голова и ноги земли». Kõşek — населенный пункт (Коло-совский район Омской области, в русской адаптации — Кучуково). От существующего в словарных фондах ряда современных тюркских народов слова kõşek 'щенок', в узб. 'собачка, собачонка, щенок' [45. С. 226], алт. *кучук*, монг. *кичик* [28. 2. С. 146]. Происхождение этнонима связано с распространенным в прошлом среди тюркских народов обычаем давать своим детям плохие имена, которые, по поверьям, могли бы отвлечь внимание злых духов от детей, уберечь их от сглаза [46. С. 227]. Kõlek — татарский аул на правом берегу реки Тура (Тюменский район Тюменской области), в русской адаптации — Куликово. Попытка выводить это название от татарского kōlu, kōlke (сиб.-тат. вариант kōlekke) 'смех' вряд ли удачна [6. С. 252]. Вероятнее, как мы полагаем, объяснить происхождение этого слова от др.-тюрк. kŭlŭg 'славный, знаменитый' — 'славный или знаменитый аул' [10. С. 326]. Не исключена возможность происхождения рассматриваемого топонима от собственного имени человека, основавшего аул.

Рассмотренный в статье ареал Западной Сибири с татарским населением располагает богатым топонимическим материалом. В нем прослеживается древнетюркский слой, общий для тюркских народов Сибири и соседних с нею территорий. Древнетюркские элементы в топонимической системе сибирских татар, а также названия, проникшие в эту систему как заимствования из других языков, претерпели существенную адаптацию, вследствие чего многие топонимы трудно поддаются этимологизации. Всестороннее изучение топонимии ареала и его ономастики в целом с использованием данных истории, этнографии, археологии, привлечением топонимического материала сопредельных территорий может дать ценный материал по истории языка рассматриваемой группы татарского населения Западной Сибири.

ЛИТЕРАТУРА

1. Радлов В. В. Образцы народной литературы тюркских племен. Спб., 1866—1907.
2. Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Спб., 1893—1911.
3. Миллер Г. Ф. История Сибири. М.; Л., 1937. Т. 1.
4. Никонов В. А. Краткий топонимический словарь. М.: Мысль, 1966.
5. Саттаров Г. Ф. Этапы развития и очередные задачи татарской ономастики. Казань, 1970.
6. Исхакова С. М. Тюркские (татарско-казахские) заимствования в русской топонимии Западной Сибири // Из истории Сибири. Томск, 1976. Вып. 19.
7. Карта Сибири XVI—XVII вв. (до 1618 г.).
8. Наджиб Э. Н. Историко-сравнительный словарь тюркских языков XIV века: На материале «Хосрау и Ширин» Кутба. М., 1979. Кн. 1.
9. Новый полный географический словарь Российского государства. М., 1788. Ч. 1: А—Ж.
10. Древнетюркский словарь. Л., 1969.
11. Бушуева Е. Н., Волостнова М. Б. Словарь географических терминов и других слов, встречающихся в топонимии Хакасской автономной области. М., 1968.
12. Приложение к Чертежной книге Сибири, составленной Тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 г. Спб., 1882. Текст 2: Указатель.
13. Попов А. И. Географические названия: (Введение в топонимику). М., 1965.

14. Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. Спб., 1762.
15. Девону луготит турк. Индекс-лугат. Ташкент, 1967.
16. Россия: Полное географическое описание нашего Отечества. Спб., 1907. Т. 18.
17. Сибирская Советская Энциклопедия: Западно-Сибирское отделение ОГИЗ, 1949. Т. 2.
18. Русско-казахский словарь. М., 1954.
19. Тобольские губернские ведомости. 1883. № 3.
20. Пизнатти В. Н. Искер (Кучумово городище)//Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск, 1915. Вып. 25.
21. Тюменская область: Административно-территориальное деление. Тюмень, 1957.
22. Бахрушин С. В. Сибирские служилые татары в XVII в.//Науч. тр. М., 1965. Т. 3: Избранные работы по истории Сибири XVI—XVII вв. Ч. 2: История народов Сибири в XVI—XVII вв.
23. Уйгурско-русский словарь. М., 1968.
24. Вербицкий В. Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка. Казань, 1884.
25. Ахмедов Б. А., Мукминова Р. Г. Тюрко-монгольские заимствования персоязычных хроник XV—XVII вв.//Сов. тюркология. 1987. № 6.
26. Догадки о значении имен некоторых мест Тобольской губ.//Журн. Мин-ва народ. просвещ. 1841. Отд. 2, ч. 30.
27. Откупщиков Ю. В. К истокам слова. М., 1973.
28. Будагов Л. З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Спб., 1869, 1871. Т. 1, 2.
29. Потапов Л. П. Этнический состав и происхождение алтайцев. Л., 1969.
30. Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. М., 1974.
31. Валеев Ф. Т. Западно-сибирские татары во второй половине XIX—начале XX в. Казань, 1980.
32. Арабско-татарско-русский словарь заимствований. Казань, 1965.
33. Патканов С. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев: (На основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.). Спб., 1911. Т. 2: Тобольская, Томская и Енисейская губ.
34. Таджикско-русский словарь. М., 1954.
35. О среднеазиатских шейхах см.: [36; 37].
36. Катанов Н. Ф. О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против инородцев Западной Сибири. Казань, 1905.
37. Он же. Предание тобольских татар о прибытии в 1572 г. мухаммеданских проповедников в г. Искер//Ежегодник Тобольского губернского музея. 1897. Вып. 7.
38. Русско-арабский словарь. М., 1967.
39. Баскаков Н. А. Русские фамилии тюркского происхождения. М., 1979.
40. История Сибири. Л., 1968. Т. 1 и 2: Сибирь в составе феодальной России.
41. Советский энциклопедический словарь. М., 1987.
42. Благова Г. Ф. В. В. Радлов и изучение тюркской топонимии в аспекте современных топонимических проблем//Тюркологический сборник. 1971. М., 1972.
43. Гольденберг Л. А. Семен Ульянович Ремезов: Сибирский картограф и географ. 1642—после 1720 г. М., 1965.
44. ЦГАДА. Ф. 196. № 1542. Л. 59а.
45. Узбекско-русский словарь. М., 1969.
46. Потапов Л. П. Очерки народного быта тувинцев. М., 1969.

А. ЖАКИПОВ

О ПРОИСХОЖДЕНИИ НЕКОТОРЫХ ТЕРМИНОВ ВЕРБЛЮДОВОДСТВА В КАЗАХСКОМ ЯЗЫКЕ

В тюркологической литературе нет монографий, специально посвященных изучению терминов верблюдоводства. Однако имеются работы, где они рассматриваются как часть терминов животноводства. Значительное внимание верблюдоводческим терминам уделено в статье А. М. Щербака «Названия домашних и диких животных в тюркских языках» [1. С. 82—172].

Имеются работы К. Қоныратбаева «Верблюды» [2. С. 17], Г. Себепова «Казахские названия верблюдов и их седельных принадлежностей» [3].

Широко представлена такая лексика в книге Ш. Жанабилева «Казахские названия животных» [4]. Немало материалов содержится во фразеологическом словаре С. К. Қенесбаева, а также в работах казахских диалектологов С. Аманжолова, Ж. Доскараева, А. Нурмагамбетова, С. Омарбекова, О. Накисбекова, Т. Айдарова, Н. Джунусова и др.

Анализ лингвистической и исторической литературы, различных типов словарей, а также собранных экспедициями материалов показал, что имеются серьезные расхождения, неверные, на наш взгляд, ошибочные толкования наименований верблюдов. Это объясняется сужением сферы употребления изучаемых терминов, вызванным упадком верблюдоводческого хозяйства, а также многоступенчатостью родословной генерации верблюдов, в которой трудно ориентироваться.

Классификация наименований верблюдов проводится по различным признакам. В научной литературе выделяются два вида верблюдов — одногорбый — дромедар и двугорбый — бактриан. В обиходе у казахов существует очень подробное различие верблюдов по породе, полу, генетическому ряду и т. д., что затрудняет классификацию терминов.

БАКТРИАН — двугорбый верблюд; каз. *ajır tüje* [5], *qos örkeştı tüje*. Как известно, видовыми особенностями бактрианов являются раздельно расположенные два горба, длинное массивное туловище на сравнительно коротких ногах. Самку называют *ingen* (с пяти лет), *ingenşe* (от трех до пяти лет). Самца называют *bıga*, *bıuğsın* (некастрированный), *atan*, *atanşa* (кастрированный). **Atan** — объяснения в казахских словарях являются неполными, так как в них не указывается, одногорбый это верблюд или двугорбый, а также не учитывается возраст животного. **Atan** — это кастрированный двугорбый породистый верблюд с пяти лет. **Atan** имеет около 20 различных названий: *aq bas*

atan, besti atan, dönön şygar atan, žygyr atan, qür atan, ajyr atan, astau-bas atan, aldamyş atan, ardaj atan/žardaj atan, žampoz atan, käumis atan, kök atan, tel atan, уууr atan и др. Atanša — двугорбый кастрированный верблюд между тремя и пятью годами. Г. Себепов считает, что atanša — это 4- и 5-летний верблюд. Здесь, нам кажется, допущена неточность, так как 5-летний верблюд — это уже besti atan. Qūnan şygar atanša—двугорбый кастрированный верблюд чуть более двух лет. Bura — чистопородный двугорбый верблюд-производитель. В ряде источников при объяснении слова bura не дается племенная характеристика животного. У Г. Себепова «bura — жеребец, полученный от всех видов двугорбых верблюдов, или жеребец, полученный от чистого (taza) племенного двугорбого верблюда» [3. С. 148]. Это определение, на наш взгляд, неприемлемо, так как оно включило бы такие понятия, как qosraq bura, žarbaı bura, не соотносимые с понятием bura. В зависимости от масти, экстерьера бура имеет разные названия (alabas bura, şabynan bura, gürtan bura, aq bura, žarbaı bura, kök bura, şartyq bura, saqa nar bura, belsiz žarayan bura и др.).

Buırşyn/ingen būzar у Жумалиева — некастрированный верблюд, двух- или трехлетка [6. С. 70], по Г. Себепову—некастрированный молодой двугорбый верблюд 4—5 лет [3. С. 148]. В Толковом словаре казахского языка: Buırşyn — четырехлетний молодой буга, выведенный от агуана и ülek'a. У Ш. Жанабиева buırşyn — это некастрированный 4-летний верблюд-производитель [4. С. 62]. У С. Муканова buırşyn—верблюд-производитель старше четырех лет [7. С. 165]. Buırşyn — верблюд-четырёхлетка, родившийся от аруаны и улека [8]. Buırşyn — молодой верблюд-производитель [9]. Материалы экспедиции показали, что определения большинства информантов сводятся к следующему: buırşyn — некастрированный двугорбый породистый верблюд от 3 до 4 лет, помесь от буга и ingen. Buırşyn восходит к слову bura, а şyn — аффикс. Ingen — двугорбая породистая верблюдица пяти и более лет. Имеется большое количество слов, которые в сочетании с ingen обозначают возраст, характер, приметы, масть верблюдицы. Например: boz ingen 'сивая двугорбая верблюдица'; qajmal ingen 'верблюдица, созревшая для скрещивания'; qolqan ingen 'старая верблюдица, давшая большой приплод'.

ДРОМЕДАРЫ — это общее видовое название чистопородного одногорбого верблюда. Основные видовые признаки дромедаров: один компактный горб, короткое туловище на длинных ногах. На казахском разговорном языке одногорбого верблюда называют паг. Такое определение правильно лишь с точки зрения строения горба (одногорбый). Однако с точки зрения генерации этого верблюда следует отнести к группе гибридов, что и делают некоторые ученые (И. И. Лакоза, М. К. Джумагулов). К дромедарам относится порода агуана (самка — агуана, самец — ülek). В русско-казахском сельскохозяйственном словаре С. Арзымбетова «дромедар—aruaana tüje (bir örkeşti tüje)», а в Русско-казахском словаре [10] «дромедар зоол. агуана паг—это гибридный потомок бактриана и дромедара». Ülek — самец-производитель вида дромедар.

ARUANA — порода, полученная от скрещивания ülek'a и агуана. Это одногорбая верблюдица высокопродуктивной породы. В двухтомном Толковом словаре казахского языка агуана — отборная порода верблюдов, одногорбая ingen. Это определение, по нашему мнению, ошибочно, так как ingen — исключительно двугорбая верблюдица. В некоторых источниках агуана и таја употребляются как синонимы [7]. В действительности же агуана и таја — это два разных вида. Qarabajyr aguanasy в казахском языке — qarabajyr žylqysy 'лошадь

карабаир'. Как указывается [8], это среднеазиатская местная быстроногая порода лошадей. Слово *qarabajug*, хотя и редко, употребляется и по отношению к верблюдам. По сведениям информанта Т. Саттаркулова (Кызылкумский район, Чимкентской области), *qarabajug* — это *aguana* (самка чистопородного дромедара). Возможно, *qarabajug* состоит из двух слов: *qara* 'скот', *bajug* — стяженная форма слова *bajuguy* (прежде, раньше, в прошлые времена), что означает «древний скот».

Межвидовые гибриды разделяются на две подгруппы: *нары* и *коспаки*.

Nar. Названия *birtuma*//*birtuyan*//*birtuar* являются синонимами слова *nar*. *Birtuma* (*nar*) — это одногорбый гибрид первого поколения, полученный от *ülek*'а и двугорбого *ingen*'а или *bura*×*aguana*. *Qoltuma* — самка *birtum*'ы//*birtuar*. *Qülbašša*//*qülbatša* — чистопородный *ülek*×чистопородный двугорбый *ingen*. *Bekbašša*//*bekbatša* — чистопородный *bura*×чистопородная *aguana*. По сравнению с *qülbatša* эта порода выносливее, сильнее и красивее. *Maja*—самка *birtuma*//*nar* (а в некоторых местах—самка *kerderi nar*). В письменной литературе *maja* толкуется по-разному. *Kerderi*—одногорбая верблюдица, полученная от скрещивания *birtuma maja*×высокопородный *ülek*. *Kez nar*//*//kez nar*//*kez örküş*—одногорбый верблюд коричневого цвета, сильный, выносливый. Компонент *kez* в слове *keznar* означает место между горбами. Отсюда происходит слово *kezet* (впадина между горбами). *Žön* — самка второго поколения, рожденная от скрещивания чистопородного *ülek*'а с *nar maja*. В некоторых источниках слова *žön*, *žögi*, *žönhaj* рассматриваются как фонетические варианты. Действительно, *žön* и *žönhaj* — это не одно и то же.

It arqa žön—верблюдица с еле заметным горбом, родившаяся от скрещивания *žön*'а и *žönhaj*. *Žönek nar* упоминается только у Ш. Джанабилева. В других источниках, а также в диалектологических записях не встречается. По Джанабилеву, *žönek nar* — гибрид от скрещивания *bekbašša* и *qülbatša* с *aguana* или *žamproz*'ом.

Kürt, по И. К. Джумагулову, — рожденная от скрещивания самки *inger maja* и самца—чистопородного *ülek*'а [11. С. 12]. Иногда вместо *kürt nar* употребляют *ker taban nar* 'капризный, упрямый, непослушный верблюд'. Здесь слово *ker*, по-видимому, восходит к слову *keri* 'назад, обратно'. *Keri tartu* 'тянуть назад'. Ср.: *Keri adam* 'чванливый, капризный человек'. Некоторые исследователи смешивают *kürt* с другой породой верблюдов — *kört*. *Kört* — один из видов некастрированного верблюда *köjin*. Однако *kört* не во всех источниках толкуется одинаково. Большинство определений сводится к тому, что *kört* — потомок *kerderi*. Известно, что *kerderi* и *kört* — это одногорбые верблюды-гибриды. *Qylquj*, по К. Конаратбаеву, — одногорбый верблюд, полученный при скрещивании самки *žamproz*'а и самца чистопородного *ülek*'а. Встречается еще одно название верблюда — *qylmuq*. Но, судя по описанию некоторых информантов (И. Тулегенов из Аральского р-на Кызыл-Ординской области; М. Сарсенбаев из Мангышлакской области), *qylmuq* почти ничем не отличается от *qylquj*, поэтому мы относим эти названия к диалектным вариантам. *Qulayaj*, по свидетельству К. Конаратбаева, — это пятое гибридное поколение. В настоящее время в колхозах и совхозах республики эти породы не выращиваются, и слово уже перешло в категорию устаревших, стало забываться. *Qalbayaj* — одногорбый шестой потомок чистопородного *ingen*'а и *ülek*'а.

Zarbay — гибрид *nar*'а, полученный от скрещивания самца и самки *nar*'а. Это второе поколение гибрида с приплюснутым маленьким горбом,

с чем и связано происхождение слова *žarbaĵ* — от глагола *žarbaĵu// //žarbiu* 'приплюснуть'.

Имеется около 50 словосочетаний, связанных с наименованием *paġ'a*.

Qospaġ. Ознакомившись с печатными материалами и сведениями информантов из различных районов Казахстана, мы обнаружили существенные расхождения как в объяснении толкований *коспаков*, так и в терминологическом их названии. Большинство определений сводится к следующему: *qospaġ* — это второе поколение гибридов, полученное от скрещивания *paġ maja birtuma* с чистопородным *buga*. Надо отметить, что *qospaġ* и *balqospaġ* (диал.) — это одна и та же порода. Слово *qospaġ* можно разделить на две части: *qos* 'прибавлять, соединять, добавлять' и *paġ* — аффикс, при помощи которого образуется существительное.

Tüs tüje. Выделение этой группы в особый раздел объясняется тем, что *tüs tüje* имеет отношение как к *paġ'am*, так и к *qospaġ'am*. Это наименование отмечено в языке жителей Мангышлакской, Гурьевской, Актюбинской, Кызыл-Ординской областей, а также у казахов, проживающих на территории Узбекской ССР и Каракалпакской АССР. Как показывают экспедиционные материалы, *tüs tüje* — это общее, собирательное название особо породистых одnogорбых и двугорбых верблюдов, а также первых потомков при их скрещивании, в том числе *žamproz'ov*.

Kez örkeš qyzyl paġ//qos örkeš qyzyl paġ (букв.: двугорбый красный нар) — высокопродуктивный одnogорбый верблюд. *Žamproz//žamproz// //žamboz//žambyz//bozym* — получают от скрещивания особо породистой *ingen* и особо породистого *buga*. *Žamproz* как название верблюда употребляется не везде. Слово *bozym* является синонимом *žamproz'a*, что подтверждают материалы экспедиции. Название *bozym*, по-видимому, является более древним, чем *žamproz*. Постепенно оно перешло в группу устаревших слов. В казахских словарях в значении «верблюд» встречается редко и толкуется неполно.

Названия верблюдов по виду, цвету, полу, возрасту, характеру поведения и другим признакам можно разделить на несколько тематических групп: а) по возрасту и полу. *Bota* во фразеологическом словаре казахского языка — верблюжонок в возрасте до года [12]. Аналогичное объяснение дает и Толковый словарь казахского языка. Имеется около 30 названий, указывающих на различные признаки верблюжат. *Botaqan* — все определения, содержащиеся в печатных источниках, носят общий характер. Материалы экспедиции дают основание считать, что *botaqan* — новорожденный верблюжонок-сосунок в возрасте до 2—3 месяцев. *Tajlaq* — верблюжонок между одним и двумя годами. *Kertajlaq* — на первый взгляд может показаться, что *ker* в сочетании со словом *tajlaq* означает мухортую масть — *kerat* (мухортая лошадь), *ker syjyr* (мухортая корова), *ker qūla at* (мухорто-саврасая лошадь). Лексема *ker* в составе редко употребляющегося слова *ker tajlaq* означает «важный, щеголеватый, красивый». *Tautajlaq* (букв.: горный тайлак) — дикий верблюд; б) по характеру поведения и привычкам; в) по внешнему виду, по строению тела; г) по окраске, масти; д) по признакам ходьбы, походки; е) по выносливости, характеру, назначению; ж) по степени упитанности; з) по принадлежности к определенной местности.

Несколько слов об этимологии слова *bozdau*: 1. Кричать, реветь (о верблюде, верблюжонке); 2. *Перен.* горько, жалобно плакать, рыдать. Э. В. Севортян считает это слово производным от *boz*: обозначение детеныша домашнего животного + глаголообразующий аффикс *-da* и связывает его со словом *buzo*, *buzov*, *buzoy*, *bozog* в значении «те-

ленок» [13. С. 175]. Ср.: каз. *būzau* 'теленки'. Первоначально это было, видимо, название одной из пород верблюдов. В производной форме *бозым* выступает синонимом слова *žamroz*, второй компонент которого *roz* можно связать с *boz*. «У нас *žamroz*'ов часто называют *bozum*» (М. Дузекеев, г. Аральск, Кызыл-Ординская область). Возможно, корнем слова *бозда* является *boʷoz*//*bozar* (тур.), *boʷuz*//*boʷiz* (узб.) 'глота, горло'. Ср.: каз. *bauyzda* 'зарезать, заколоть' (о скоте), 'перерезать горло', корень которого *bauyz* самостоятельно не употребляется. Вполне возможно, что корнем слова *bozda* является форма *bauyz* (-*da*). Ср.: 'Горло' *боостаа*; 'дыхательное горло' *тынаар боостаа*...; 'гортанные звуки' *бооста уннери* [14]. *Bošalau*//*pošalau* (диал.) — перед родами верблюдица убегает в безлюдное место и там рождает верблюжонка. Г. Себепов это слово возводит к перс. *боша* [3. С. 149]. Вероятно, это собственно тюркское слово, в основе которого лежит корень *boša*//*poša*. Э. В. Севортян, приводя слова *bus*-, *pus*-, *tus*-, пишет, что в ряде тюркских языков и памятников они употребляются в значении «скрываться», «прятаться» [13. С. 279].

На наш взгляд, *bošalau*//*pošalau* можно связать с глаголом *bosu* 'идти куда глаза глядят', 'убегать, разбегаться'. Но эту основу можно также связать с другим глаголом — *bos* 'свободный', 'порожний', 'пустой', который в форме *bosapu* кроме значения «освобождаться» имеет и значение «рожать».

Мы привели лишь часть верблюдоводческих терминов, связанных с названием верблюдов. Экспедиционные выезды в различные районы Казахстана позволили выявить большее количество слов, связанных с возрастными особенностями верблюдов, со сбруями, продуктами питания и т. д.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Шербак А. М. Названия домашних и диких животных в тюркских языках//Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961.

² Кырыратбаев К. Туе тұқымын асылдандыру туралы. Алматы, 1934.

³ Себепов Г. Туе жэне оның абзели туралы қазақша атаулар//Изв. КазФАН СССР. 1944. № 1.

⁴ Жанабилов Ш. Қазақша мал атаулары. Алматы, 1982.

⁵ Казахи двугорбого верблюда называют *ажуг түје*, где *ажуг* означает «раздвоенный, парный». Отсюда *ажуг* 'вилы', *ажуг түјақ* 'парнокопытные', *ажуг зол* 'развилка дороги'.

⁶ Жумалиев Х. Махамбет. Алма-Ата, 1948.

⁷ Толковый словарь казахского языка. Алма-Ата, 1978. Т. 3.

⁸ Казахская Советская Энциклопедия. Алма-Ата, 1973. Т. 2.

⁹ Махмутов Х., Мусабаев Г. Казахско-русский словарь. Алма-Ата, 1954.

¹⁰ Русско-казахский словарь. Алма-Ата, 1978. Т. 1.

¹¹ Джумагулов И. К. Межвидовая гибридизация верблюдов: Автореф. дис. ... д-ра с-х. наук. М., 1980.

¹² Кенесбаев І. Қазақ тілінің фразеологиялық сөздігі. Алматы, 1977.

¹³ Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: (буква «Б»). М., 1978.

¹⁴ Русско-тувинский словарь. Кызыл, 1954.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

А. П. ХОДЖИЕВ, А. Н. НУРМАНОВ, Н. М. МАХМУДОВ

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ В СИСТЕМЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

В настоящее время словообразование почти всеми лингвистами [1. С. 344; 2] признается самостоятельной научной дисциплиной, однако в ней еще немало нерешенных проблем. Данная статья посвящена некоторым спорным проблемам словообразования узбекского языка в сравнении с другими тюркскими языками.

В исследованиях по словообразованию имен существительных в различных языках [3. С. 110; 4. С. 109; 5. С. 88; 6. С. 272—275; 7. С. 131; 8. С. 205—207; 9. С. 139 и др.] аббревиатуры считаются одним из способов образования новых слов, хотя тщательное изучение их свойств с функционально-семантической точки зрения показывает, что они не обладают теми основными признаками, которые присущи словообразованию.

Как известно, всякое производное слово состоит из двух элементов — словообразовательной (мотивирующей) основы и словообразовательного средства, которые находятся в диалектическом единстве. Мотивирующая основа и производное слово в синхронном срезе определенного языка сосуществуют как самостоятельные лексические единицы, выражающие два взаимозависимых понятия, связанных между собой отношением мотивации.

Мотивирующая основа может быть, в свою очередь, по отношению к другому слову мотивированной. Такие основы составляют словообразовательную цепочку [9. С. 133]. Например: узб. *темир*, уйгур. *томур*, тур. *демир* 'железо' — узб. *темирчи*, уйгур. *томурчи*, тур. *демирчи* 'кузнец' — узб. *темирчилик*, уйгур. *томурчилик*, тур. *демирчилик* 'кузнечное ремесло', 'занятие кузнечным ремеслом'.

Чем дальше от исходного слова, тем сложнее мотивированность. Мотивационное отношение двух слов, одно из которых отличается от другого только одним формантом, является непосредственной мотивацией, а мотивационное отношение двух слов, одно из которых отличается от другого совокупностью формантов, — опосредованной мотивацией [9. С. 134]. Например: *темир* 'железо' — *темирчи* 'кузнец' (непосредственная мотивация); *темир* 'железо' — *темирчилик* 'кузнечное ремесло', 'занятие кузнечным ремеслом' (опосредованная).

Мотивирующее и производное слова как два самостоятельных лингвистических знака дифференцируются и в формальном (два экспонента) и в семантическом (выражают два понятия о двух предметах, явлениях объективной действительности) аспектах. Например, денотат производного слова *темирчи* 'кузнец' отличается от денотата словообразовательной основы *темир* 'железо', где денотатом первого явля-

Таким образом, словообразовательный процесс охватывает все три элемента так называемого «семантического треугольника» лексических единиц. Это относится и к таким производным словам, которые образованы из двух и более мотивирующих основ.

Что касается аббревиатур, то в них основных признаков, присущих словообразованию, не наблюдается. Они образуются от устойчивых словосочетаний; между аббревиатурами и устойчивыми словосочетаниями существует не мотивационное, а ассоциативное отношение, и потому только через устойчивое словосочетание можно определить номинативное содержание аббревиатур. Другими словами, производное (аббревиатура) расшифровывается только через производящие основы (устойчивое словосочетание).

Аббревиатуры и устойчивые словосочетания — разные номинативные варианты (акустические образы) одного денотата; один из вариантов является сокращенным, а другой — полным. Если устойчивое словосочетание — это первичная номинация определенного денотата, то его сокращенный вариант можно, на наш взгляд, считать вторичной номинацией. В этом плане аббревиатуры приближаются к словообразованию, однако, в отличие от словообразования, изменение происходит только в форме, т. е. в экспоненте (акустическом образе), а денотат и сигнификат (концепт) идентичны полным вариантам (устойчивым словосочетаниям). Все это показывает, что аббревиатуры значительно отличаются от обычного словообразования.

В каждом языке словообразование происходит по определенным словообразовательным типам, присущим данному языку. Члены каждого словообразовательного типа по признаку либо производящих основ либо словообразовательных формантов находятся между собой в парадигматических отношениях, образуя словообразовательные гнезда. Однако в аббревиатурах данная особенность словообразования не наблюдается.

В словообразовании производное слово отличается от мотивирующей основы не только в лексико-семантическом, но иногда и в лексико-грамматическом плане (например, образование определенной части речи с помощью словообразовательных средств других частей речи). Что касается аббревиатур, то они встречаются только в сфере имен существительных и функционируют как вторичный (сокращенный) вариант устойчивых словосочетаний.

Словообразовательный процесс носит общественный характер, тогда как аббревиатуры образуются индивидами на основе устойчивых словосочетаний того языка, носителями которого они являются. Поэтому сокращенное слово в начале своего возникновения всегда требует разъяснения, и после него обязательно употребляется эксплицитная форма в качестве приложения. Эксплицитный (полный) и имплицитный (сокращенный) варианты выражения одного денотата ассоциативно взаимосвязаны: произнося сокращенное слово, мы подразумеваем то устойчивое словосочетание, на основе которого образовано это слово.

Постепенно ассоциативная связь между аббревиатурами и устойчивыми словосочетаниями может стать менее выраженной. В таких случаях эти аббревиатуры полностью отрываются от эксплицитной формы и занимают прочное место в лексической системе данного языка; как самостоятельные лексические единицы они могут стать мотивирующей базой для нового словообразования. Например, узб. *колхозчи* 'колхозник', *комсомолчасида* 'по-комсомольски', мотивирующей базой которых

служат слова *колхоз* и *комсомол*, являющиеся, в свою очередь, производными.

Хотя развитие аббревиации обусловливается такими внутриязыковыми факторами, как стремление к языковой экономии, оно не лишено противоречий. По мнению С. И. Виноградова, основное из них заключается в том, что точкой приложения указанных внутриязыковых сил является каждый отдельный языковой знак, подвергаемый аббревиатурному стяжению, но не язык в целом. Язык же в этом случае не становится менее «протяженным» и более «экономным», напротив, он расширяется как знаковая система, усложняется как код. Это происходит потому, что аббревиатуры не вытесняют полных наименований, а функционируют наряду с ними как варианты номинации [10. С. 154]. Поэтому их можно считать ономастическими вариантами.

В литературе по словообразованию узбекского языка словообразовательные и формообразующие форманты часто дифференцируются нечетко. В частности, среди словообразующих формантов рассматриваются и аффиксы *-дек*, *-дай* [11. С. 470], *-даги* [12. С. 285], *-ники* [12. С. 150] и т. д.

В данной статье авторы под формообразующим формантом понимают морфологические средства, выражающие синтаксические и несинтаксические значения [6. С. 28].

А. Н. Кононов отмечает, что аффикс *-дек* (*-дай*) образует от имен существительных, прилагательных, местоимений, причастий наречия со значением подобия, сходства [12. С. 285]. Однако указанный аффикс не образует новое лексическое значение, он выражает грамматическое — компаративное значение.

В последовательности морфем этот аффикс обычно занимает замыкающую позицию. Морфемы располагаются в таком порядке: основа + словообразующие аффиксы + формообразующие аффиксы + аффикс уподобления, например, узб. *ишчилардек* 'как рабочие'. Эти признаки аффикса *-дек* (*-дай*) отличают его от словообразующих аффиксов.

Аффикс *-дек* (*-дай*) неударный, хотя обычно тюркские аффиксы характеризуются ударностью. Вместе с тем он находится в отношении свободного варьирования с послелогом *каби* 'подобно', 'как', 'вроде'. Например, *ишчилардек—ишчилар каби* 'как рабочие'. По этим признакам его иногда относят к служебным словам [13. С. 9].

В современном узбекском языке, поскольку указанная форма выражает компаративное грамматическое значение, ее показатель можно считать некатегориальным формообразующим аффиксом [14. С. 55].

По мнению некоторых исследователей, аффиксы *-ники* и *-даги* образуют имена прилагательные: *-ники* — от местоимений и имен существительных, выражая принадлежность без обозначения самого предмета обладания, например, узб. *меники* 'принадлежащий мне', *отамники* 'принадлежащий моему отцу' и т. д.; *-даги* — от имен существительных, выражающих место, время (в широком смысле), местоимений, наречий и т. д. А. М. Щербак рассматривает эти аффиксы в качестве промежуточных морфологических образований [15. С. 96—102]. Поскольку аффиксы *-ники*, *-даги* не изменяют номинативного значения основы, а всего лишь выражают грамматические значения, их следует, на наш взгляд, рассматривать в системе формообразования.

Таким образом, некатегориальное формообразование можно классифицировать следующим образом: 1) форма уподобления (*-дек*); 2) форма принадлежности (*-ники*); 3) форма места и времени (*-даги*); 4) форма уважения (*-лар*) [14. С. 54—55].

С проблемой разграничения словообразования и формообразования связаны семантические разряды имен числительных.

В тюркологических работах, посвященных исследованию данного вопроса, указываются шесть семантических разрядов имен числительных: количественные, порядковые, разделительные, собирательные, приблизительные, дробные [16. С. 113; 17. С. 174; 18. С. 176 и др.]. Кроме того, в башкирском выделяются числительные меры [19. С. 160], в узбекском — штучные числительные, присущие только узбекскому языку [15. С. 158].

При этом отмечается, что все разряды числительных, кроме количественных, являются производными. Количественные числительные служат основой для образования других разрядов числительных, например, в татарском *биш* 'пять' — *бишенче* 'пятый', *бишәу* 'впятером', *бишар* 'по пять', *бишлап* 'примерно пять' и т. д.

Однако образование семантических разрядов имен числительных по своему характеру отличается от обычного словообразования.

Различные форманты имен числительных не изменяют номинативного значения «мотивирующей основы», не образуют новые лексические единицы. Например, в слове *бешинчи* 'пятый' не выражено номинативное значение, отличное от мотивирующего числительного *беш* 'пять'. Связь порядковых, штучных и других семантических разрядов числительных с количественным числительным носит регулярный характер: наличие количественного числительного *беш* предопределяет существование других его форм: *бешинчи*, *бешта*, *бештадан* и т. д., которые добавляют различные оттенки к количественному значению данной лексемы.

Следовательно, в сфере образования разрядов имени числительного явлений словообразования не наблюдается и их форманты не относятся к словообразующим.

Форманты, дифференцирующие семантические разряды числительных по вышеуказанным признакам, можно включить в состав формообразующих аффиксов. Поскольку эти форманты указывают на функциональную предопределенность числительных, их можно считать функциональными формообразующими аффиксами числительных. Функциональные формы числительных следующие: 1) порядково-количественные; 2) собирательно-количественные; 3) приблизительно-количественные; 4) разделительно-количественные; 5) дробно-количественные; 6) штучно-количественные.

Как некатегориальное, функциональное формообразование, так и ономаσιологические варианты по своим характерным признакам существенно отличаются от словообразования, и их смешение может привести к неверным обобщениям при объяснении системно-структурного статуса отдельных фактов того или иного языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Общее языкознание: Внутренняя структура языка. М., 1972.
2. Баскаков Н. А. О границах словообразования и словоизменения в тюркских языках // Сов. тюркология. 1986. № 2.
3. Турсунов У., Мухтаров Ж., Рахматуллаев Ш. Ҳозирги ўзбек адабий тили. Тошкент, 1976.
4. Азизов О., Сафаев А., Жамолхонов Х. Ўзбек ва рус тилларининг қиёсий грамматикаси. Тошкент, 1986.
5. Голанов И. Г. Морфология современного русского языка. М., 1975.

6. Земская Е. А. Современный русский язык: Словообразование. М., 1973.
7. Головин Б. Н. Введение в языкознание. М., 1977.
8. Современный русский язык/Под ред. В. А. Белошапковой. М., 1981.
9. Русская грамматика. М., 1980. Т. 1: Фонетика, фонология, ударение, интонация, словообразование, морфология.
10. Виноградов С. И. Аббревиатуры как варианты обозначения в русском литературном языке 20-х—начала 30-х годов//Литературная норма и вариантность. М., 1981.
11. Ҳозирги замон ўзбек тили. Тошкент, 1957.
12. Кононов А. Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.; Л., 1960.
13. Рустамов А. Бир шаклга эга икки элементнинг талаффузи ҳақида//Ўзбек тили ва адабиёти. 1986. № 1.
14. Ҳожиёв А. Ҳозирги ўзбек тилида форма ясалиши. Тошкент, 1979.
15. Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: (Имя). Л., 1977.
16. Грамматика хакасского языка. М., 1975.
17. Грамматика современного русского языка. М., 1982.
18. Современный татарский литературный язык. М., 1969.
19. Грамматика современного башкирского литературного языка. М., 1981.

З. М. БУНИЯТОВ

ОБ ОДНОМ ЧАГАТАЙСКОМ СОЧИНЕНИИ ПО ИСТОРИИ ХОРЕЗМА

В Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР под шифром В 723 (584с) Узб. хранится анонимное чагатайское сочинение. Небольшое по объему, это недатированное сочинение было, очевидно, частью какого-то другого труда и составляло его 736—78а листы [1. С. 156, № 88]. Названо это сочинение *Та'риф-и шахр-и Хваризм* («Описание города Хорезма»). Авторы «Описания тюркских рукописей» Л. В. Дмитриева и С. Н. Муратов так передают его содержание: «Не встречающееся в каталогах сочинение. Содержит краткое описание г. Хорезма; его мечетей и минаретов; приводятся имена известных городских муэззинов, имамов; сообщается, сколько в городе медресе и сколько числится в них ученых и шейхов; указывается число кварталов и улиц, базаров и лавок, по каким товарам специализируются эти лавки и их владельцы, об абдалах („святых заместителях” пророка Мухаммада, покровителях ремесленников и т. д.) в Хорезме и Хорезмской области».

Необходимо сразу же отметить, что авторы «Описания» допустили невнимательность при передаче содержания сочинения. Приняв название (*Та'риф-и шахр-и Хваризм*) как определяющее его содержание, они решили, что речь идет о Хорезме как о городе. Это не так, ибо в сочинении рассказывается о государстве Хорезм, а точнее — о государстве хорезмшахов, прекратившем в 1221 г. свое существование под ударами орд Чингис-хана.

В нашем источнике все время присутствует оборот «было» (*бар ирди*), т. е. все было в прошлом. Автор сочинения, дата составления которого неизвестна, получил свою информацию из другого источника, который нам тоже неизвестен. В этом неизвестном труде, конечно, приводился перечень огромного, прямо скажем, чрезмерного количества различных учреждений, заведений, мечетей, медресе, базаров, бань, караван-сараяв, имен религиозных и иных деятелей, ремесленников и т. д. всего государства хорезмшахов в период расцвета, когда территория его тянулась от Кашгара на востоке до Кавказа на западе и от Мангышлака и Дженда на севере до Фарса и Мекрана — на юге.

Говоря об этом сочинении, неточно описывает его и Е. Э. Бертельс: «В Ленинградском институте восточных исследований есть написанная на восточно-тюркском [языке] рукопись, имеющая следующий заголовок: «Рассказ о мученической смерти шейха Наджм ад-Дина Кубра и разрушении города Хорезма» (*шейх Наджм ад-Дин Кубра-ни шехид кылып шехр-и Хваризмни хараб кылганынынг бейаны*). Это произведение—своего рода исторический роман, рассказывающий о последних днях Хорезма и его разрушении, Наджм ад-Дин Кубра в этом сочинении

показан как защитник города от монголов» [2. С. 164]. Как видно, Е. Э. Бертельс ограничился чтением только первых строк первого листа (736) рукописи.

Ниже приводится транскрипция текста сочинения на кириллицу и перевод на русский язык. Пусть специалисты, знатоки чагатайского языка, не судят строго за неточности в моем переводе, ибо я преследовал цель донести до читателей известие о существовании этого источника. И, кроме того, — это мой первый перевод с чагатайского, знатоком которого я себя не считаю.

В заключение благодарю проф. Акрама Джафара за помощь.

(л. 736) *Бисми-л-лаһи-р-рәһмани-р-рәһим!*

Тә'риф-и шәһр-и Харәзм

Мүгәддәмләрдin вә мүтәгәддимләрдin мундаг рәвәјәт кылулар ким, һәзрәт-и шејх Нәчм әд-нин Кубрани ким, шәһид кылыб турурлар ол мөл'ун иди ол мәрдуд-и чәһәннәм, јә'ни Чинкиз, -әлејһи-л-лә'нәнин, -кадәми тиканда он ики мин мәсчид-и чаме' бар ирди. Һәр мәсчидун бир буланд минарәси бар ирди, јарысын виран кылды, (л. 74а) јети минарә којды. Һәр мәсчиддә ики јүз һафиз, бә'зи мәсчиддә јүз әлли һафиз, бә'зи јүз һафиз-и Гур'ан-хан бар. Тәғи төрт јүз мин јети јүз јетмиш јети мәсчид-и һәјј бар ирди, имам вә мү'әззинләри мү'әјјән вә мүвәззәф. Јенә он ики мин ханәкаһ бар ирди, һәр ханәкаһда бир шејх, кутбиликмә мәкамигә јетишкән бир мүршид вә мүктада-ји вахт бар ирдиләр. Тәғи һәр биринин мүридләрни он ики минин, бә'зисинин мин пеш јүз мүридләри бар ирди. Тәғи (л. 74б) төрт мин төрт јүз кырк төрт мәдрәсә бар ирди. Һәр мәдрәсәдә төрт камил-и мүкәммәл мүдәррис бар ирди. Тәғи мин јети јүз сәксән сәкиз үләма бар ирди. Тәғи үч мин јети јүз мәшајих-и күбар бар ирди. Тәғи абдаллар-и диванәләр бинәһәјәт бар ирдиләр, һесабысз ирдиләр. Тәғи үч мин он үч карван-сарај бар ирди; тәғи һәр сарајнын мин һүчрәси бар ирди; тәғи үч мин он үч хаммам бар ирди. Төрт мин төрт јүз махалләси бар ирди. Тәғи мин јети јүз (л. 75а) базар бар ирди. Һәр түрлүк кумашдин, дибадин һәр кимнин һәр түрлүк һачәти булса һачәтләри тапулур ирди. Тәғи төрт јүз мүнәччим-и камил бар ирди. Тәғи төрт мин төрт јүз дивбәнд-и гара'им-хан бар ирди, һамиләртә хидмәт кылдурур ирди. Һәр нә десә марагдин кызлар вә чаванлардин күлдүрүр ирдиләр. Тәғи төрт јүз јетмиш кыз заһидләрдin чан татған бар ирди. Тәғи багисинин һесабыны Аллаһ билур. Тәғи мин үч јүз катиб (л. 75б) јә'ни каләм бирлән хәтт јазарлар ирди. Тәғи мин јетмиш докүз киров дүканы бар ирди. Тәғи мин төрт јүз сәһһаф бар ирди. Тәғи мин үч јүз аһәнкдар дүканы бар ирди. Тәғи мин пеш јүз мүзә дүканы бар ирди. Тәғи мин үч јүз кәфш дүканы бар ирди. Тәғи мин үч јүз дуз дүканы бар ирди. Тәғи мин ики јүз мискәр дүканы бар ирди. Тәғи мин үч јүз баккал дүканы бар ирди. Тәғи мин ики јүз базар, әттар базары бар ирди. (л. 76а) Тәғи мин пеш јүз базар-и кәффани бар ирди. Тәғи мин токуз јүз бәззәз дүканы бар ирди. Тәғи ики мин алты јүз гәссаб дүканы бар ирди. Тәғи пеш мин пеш јүз нанваи дүканы бар ирди. Тәғи төрт јүз дүкан-и сијәһфуруш бар ирди. Һесабығы Аллаһ Тәала билур.

Бу нөв абадан вилајәтләрни он јети ил ичиндә Чинкиз, әлејһи-л-лә'нә бозди. Гәрәз, сәбәб бу кәламатлардин мәгсуд олтурур ким, Харәзм мәчмә-ји өвлија турур. Јә'ни чешме-ји шүһәда турур. (л. 76б). Тәғи чәми вилајәтләрдin абаданлыг вагтында сораг ирди анун үчүн ким, Харәзм Гүббәт әл-Ислам **шијјәт итурәир диләјир**. Анун үчүн ким, һәр кимсә Харәзм шәһриндә ики рүк'әт намаз окуса өзкә дијарларуда

жетмиш рүк'әт намаз окуған тапгај дејиб турурлар вә тәғи һәр кишини Харәзм шәһринин користаныда дәғи етсәләр, кор эзабы вә суал-и Мункар вә Нәкирни Аллаһ Тәала ол бәндәгә асан кылгај, иншаллаһ Тәала. (л. 77а) Вә тәғи Харәзмнин әксәр халкы бәни Исраил гөвмидин төрүр. Јәғуб нејгәмбәр-әлејһи-с-саламнин әслидин төрүр. Әсилләри бағи турур. Уркенчин бир овуч туфрағи хали ирмәмиш өвлијалар вә сәләһләр. Мүтәггиләр вә пакдәмәнләр бадәнләрнидин тур турурунун үчүн ким, адамлары саһиб чамал төрүр. Нәзрәт имам-и ә'зәм заманында үч жүз јикирми јети (л. 77б) түмән, Әфрасијаб заманында жүз јетмиш түмән ирди. Гәдим шәһәрләрдин турурду вә Аллаһу ә'ләм би-с-саваб!

Ханышбај Чирикчи хәләфиндин, Исфәндијар-ханын вактында, өткән дөвләтли кими иркән турур фәрзәндин бир оғлу, он ики кызлары бар ирди. Оғлу ады Курбан-бај, бир кызынын ады Адыш-бике, јенә бир кызынын ады (л. 78а) Ураз-Дөвләт. Курбан-бајнын оғлу Рахманберди Хафиз Чәли (?) Кули Хафиз. Адыш-бикени Улугберди Јасавул алгај. Јасавулдан ики оғул, бир кызы булган. Онун оғлу Танрыберди-хан мәзкурнын әјямында шәһид булган идур.

Нәвиштәм мәшғ дәр гәл'е-ји Шаһабад,
Кәминә бәндә-и хаксар Нијаз Мәһәммәд ад.
Гәләм кәфта ки, мән шаһ-и чаһанәм,
Гәләм-кешра бе-дөвләт мирәсанәм.
Гәләм јондум хаттим битәм рузикар,
Өзүм өлсәм хәттим галсун јадикар.
әл-фәгир әл-һәгир Нијаз Мәһәммәд-шејх
ибн Гази Иш-мәһәммәд шејхин
дәр сәна 116[0] вә Аллаһу ә'ләм би-с-саваб.

(л. 73б) *Во имя Аллаха, милостивого, милосердного!*

Описание города Хорезма

Предки и их потомки передают, что когда [в Хорезм] вступил проклятый и извергаемый адом Чингис [3],—да будет над ним проклятие [Господне],—и смертью мученика за веру пал святой шейх Наджм ад-Дин Кубра [4], [в государстве] было двенадцать тысяч соборных мечетей. Каждая мечеть имела один высокий минарет. Половину мечетей [монголы] разрушили (л. 74а) и оставили лишь семь минаретов. В каждой мечети было по двести знатоков Корана, в некоторых было по сто пятьдесят хафизов, а в иных — по сто хафизов—чтецов Корана. Кроме этого, [в Хорезмском крае] было чetyреста тысяч (!) семьсот семьдесят семь действующих мечетей (*масджид-и хайй*) с назначенными и получающими жалованье имамами и муэззинами. Имелось двенадцать тысяч дервишеских обителей, в каждой обители имелся один шейх, один муршид, обладавший высшим пределом познаний, сообразным времени. У каждого из них было двенадцать тысяч, а у некоторых — тысяча пятьсот мюридов. И еще (л. 74б) было чetyре тысячи чetyреста сорок чetyре медресе и в каждой медресе было по чetyре высокообразованных мударриса. Имелись тысяча семьсот восемьдесят восемь богословов (улемов), три тысячи семьсот великих шейхов. Было бесчисленное количество бродячих святых абдалов.

Было [в стране] три тысячи тринадцать караван-сараев, и в каждом имелось по тысяче келий. Имелось также три тысячи тринадцать бань (*хаммам*). [Город] имел чetyре тысячи чetyреста кварталов. Было тысяча семьсот (л. 75а) базаров. Если кому-либо нужны были кумач или шелковая ткань, то он мог удовлетворить все свои нужды.

Было чetyреста совершенных звездочетов (*мунаджжим-и камил*),

четыре тысячи четыреста обслуживавших всех голосистых заклинателей-волшебников. Что бы они не говорили, все доставляло удовольствие девушкам и юношам.

Было еще четыреста семьдесят покорявших сердца девиц-отшельниц. А число остальных [лучше] знает Аллах!

Было [там] еще тысяча триста писцов, (л. 756) то есть тех, кто писал письма каламом. Имелось тысяча семьдесят девять залоговых лавок (ломбардов). Было тысяча четыреста переплетчиков. Имелось тысяча триста кузниц, тысяча пятьсот сапожных лавок, тысяча триста обувных лавок, тысяча триста лавок по продаже соли, тысяча двести лавок медников, тысяча триста бакалейных лавок.

[В стране] имелось тысяча двести парфюмерных базаров. (л. 76 а). Было тысяча пятьсот базаров красильщиков; еще было тысяча девятьсот мануфактурных лавок; две тысячи пятьсот лавок мясников; пять тысяч пятьсот пекарен; четыреста лавок красильщиков. [Общее же] число лавок знает всевышний Аллах!

Подобные благоустроенные, процветающие вилайеты Чингис [-хан], да будет над ним проклятие, разрушил в течение семнадцати лет [5]. Короче говоря, причина (цель) этого рассказа заключается в том, что Хорезм является (был? — З. Б.) местопребыванием святых угодников, то есть родником (источником) павших за веру мучеников. (л. 766) И еще. Хорезм в период расцвета всех [других] вилайетов был известен как вожденный купол ислама [6], потому что если кто-либо в городе Хорезме совершал два молитвенных коленопреклонения во время намаза, то они считались в других странах за семьдесят коленопреклонений. И если кого-нибудь похоронят на кладбище города Хорезма, то всевышний Аллах этому своему рабу облегчает загробные муки и допрос, учиняемый [ангелами смерти] Мункаром и Накиром, если позволит Аллах!

(л. 77а) И еще. Большинство жителей Хорезма являются потомками сынов Израиля [7] из колена пророка Иакова, да будет мир над ним! Род этот существует и поныне.

Горсть земли Ургенча — это недостижные совершенства святые угодники и праведники (?). Богобоязненные и чистые угодники замешаны на ней, и поэтому здесь рождаются красивые люди.

Триста двадцать семь туманов [денег] во время жизни величайшего господина имама [8] (л. 776) равнялись ста семидесяти туманам в царствование Афрасийаба [9]. [Хорезм] является одним из древних городов. А правду лучше знает Аллах!

В правление Исфандийар-хана [10] жил очень богатый человек из рода Ханыш-бая Черикчи. У него родились один сын и двенадцать дочерей. Сына звали Курбан-бай, одну дочь звали Адыш-бике, а еще одну (л. 78а) — Ураз-Довлет. Сына Курбан-бая звали Рахманберди Хафиз Джами (Чали) Кули Хафиз. Адыш-бике взял в жены Улугберди Иасавул. От Иасавула у нее родились два сына и одна дочь. [Один] его сын пал мучеником за веру в дни [правления?] Танрыберди-хана [11].

Я был занят этим в крепости Шахабад,
Покорный раб [Аллаха], ничтожный Нийаз Мухаммад.

Калам говорит, что я владыка вселенной.

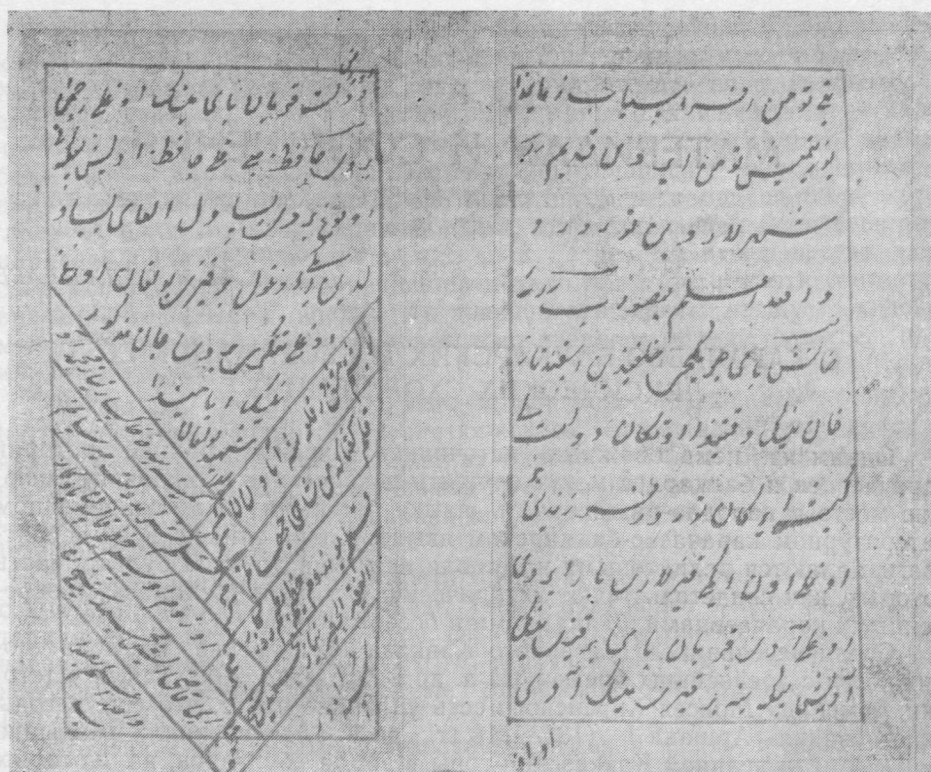
Я сделаю богатым владеющего этим каламом.

Я заточил калам, чтобы завершить дело.

Если умру я сам, то пусть мое письмо останется на память.

Бедный, нижайший [раб Аллаха] Нийаз Мухаммад-шейх, сын кази Иш-Мухаммада-шейха [12].

В 116[0] году [13]. А правду Аллах знает лучше!

лл 776—78а

ПРИМЕЧАНИЯ

1 См.: Дмитриева Л. В., Муратов С. Н. Описание тюркских рукописей Института востоковедения. М., 1975. 2.

2 См.: Бертельс Е. Наджм ад-Дин Кубра: Статья в турецком издании «Энциклопедии Ислама». Стамбул, 1964. Т. 9.

3 Монгольские войска начали осаду Хорезма (Гурганджа, Ургенча) в зул-ка'да (617 г. х. — январь 1221 г.) и завершили ее в сафаре 618 г. х. (апрель 1221 г.), т. е. осада города длилась четыре месяца.

4 Основатель суфийского ордена *Кубравийя* шейх Абу-л-Джамал Абу-л-Джаннаб Наджм ад-Дин Ахмад ибн Умар ибн Мухаммад ал-Кубра ал-Хиваки родился в 540 г. х. (1145 г.) в городе Хиве. Был убит во время штурма Гурганджа монголами в 1221 г.

5 Т. е. разрушения городов и областей государства хорезмшахов продолжались до 1238 г.

6 Так называлась Бухара.

7 Имеются, очевидно, в виду таты (иудеи), живущие и поныне в Бухаре и других городах.

8 Очевидно, Наджм ад-Дина Кубра.

9 Афрасийаб — мифический царь тюрков.

10 Исфандийар-хан из династии владетелей Хорезма и Хивы правил в 1623—1643 гг.

11 Время правления этого хана установить не удалось.

12 В записях капитана Н. Муравьева (см.: Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах. М., 1822. Ч. 2. С. 37) говорится, что в 1717 г. главным правителем в Хиве был Иш-Мухаммад-бей. Нам кажется, что переписчик этого сочинения — Нийаз Мухаммад-шейх — был сыном именно этого Иш-Мухаммад-бея, и тогда с датой переписки — 1160 г. х. — можно согласиться. См. также: Веселовский Н. Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве. СПб., 1877. С. 165, сн. 2.

13 Датой переписки авторами «Описания» фиксируется 1160 г. х. (1747 г.). Однако последняя цифра в ней не приводится. Дату эту можно принять, если считать за ноль точку над *нуном* в слове *сана* 'год'.

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Х.-М. И. ХАДЖИЛАЕВ

О КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИХ И БЕСЕРМЯНСКИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ СХОЖДЕНИЯХ

Одним из немаловажных источников изучения ранней истории карачаевцев и балкарцев могут служить лексические схождения, имеющие место в народно-разговорном языке бесермян и в современном литературном карачаево-балкарском языке. Слова эти, по всей вероятности, являются реликтовыми и пришли из языка древних булгар, часть которых, как свидетельствуют исторические источники, слилась с современными карачаевцами, балкарцами и бесермянами.

Среди насельников Северного Кавказа булгарские племена упоминаются с древнейших времен (II в. до н. э.) [1. С. 79]. Так, в «Истории Армении» Моисея Хоренского есть указание на то, что еще в годы царствования Аршака I (131—118 гг. до н. э.) «возникли большие смуты в цепи великой Кавказской горы в земле булгаров, из которых многие, отделившись, пришли на нашу землю и на долгое время поселились на юге от Каха, в плодородных и хлебодородных местах» [2. С. 62]. Второе переселение булгар относится к VII в. н. э., когда часть их основалась в Поволжье и приняла участие в сложении тюркоязычных племен этого региона (башкир, татар, чувашей). Другая часть ушла на Дунай, где образовала Болгарское царство и, сохранив свое прежнее название, ассимилировалась славянскими племенами. Еще одна часть, так называемые «черные», или «внутренние», булгары, осталась на Северном Кавказе. В VIII—IX вв. н. э. «внутренние» булгары жили рядом с аланами — своими давними соседями [3. С. 205]. Однако их оседлая жизнь была прервана вторжением кочевников-печенегов и половецких племен, в результате чего те из них, что слились с половцами, снова перешли к кочевой жизни. Остальные булгары, теснимые многочисленными племенами Предкавказья, ушли на юг, к предгорьям Кавказа и к верховьям рек Кубани, Баксана, Чегема, Черема. Здесь они участвовали в сложении тюркоязычного ядра карачаевской и балкарской народностей наряду с северокавказскими аланами — носителями этнонима «алан». Этот этноним до настоящего времени сохраняется как самоназвание народа в языке карачаевцев и балкарцев в значении «единоплеменник» [4. С. 41; 5. С. 6, 45; 6. С. 76—87].

О всесторонних и довольно тесных связях в далеком прошлом между предками современных карачаевцев, балкарцев и древними булгарами красноречиво свидетельствуют следующие материалы.

Во-первых, древнебулгарские и современные карачаево-булгарские соответствия собственных имен типа Alqyz, Appaq, Ajmuş, Arşı, Balqyz, Balköz, Baraqaj, Bektemir, Zauxar, Ölmez, Inal, Saqman, Temirez, Toxtar и др. [7. С. 106—107].

Во-вторых, немалое число лексических соответствий в современных карачаево-балкарском и болгарском языках, приводимых проф. М. А. Хабичевым, типа болг. *ala* — карачаев.-балк. *alaj'a* 'но, однако', болг. *ačik* — карачаев.-балк. *ačur* 'очевидный', 'явный', болг. *bažana* — карачаев.-балк. *baža* 'свояк', болг. *baŋrak* — карачаев.-балк. *baŋraq* 'знамя', болг. *baš* — карачаев.-балк. *baš* 'первый', 'главный', болг. *bolluk* — карачаев.-балк. *molliuq* 'изобилие', болг. *kürek* — карачаев.-балк. *kürek* 'лопата', болг. *maja* — карачаев.-балк. *maja* 'закваска', болг. *tersene* — карачаев.-балк. *tersine* 'не так' и т. д. [8. С. 30—31]. Как известно, язык современных болгар — славянский, и надо полагать, что эти соответствия в обоих языках восходят к древнеболгарскому языку. Сходство между этими народами проявляется во внешнем облике, одежде, прикладном искусстве.

В-третьих, культ карачаево-балкарского верховного божества *teŋri* берет свое начало от древнетюркского божества *tengri*, который являлся верховным богом древних болгар [3. С. 206]. Как считает проф. Л. И. Лавров, в религиозных верованиях кабардинцев, осетин, сванов и других народов Кавказа представление об этом боге никогда не фиксировалось [9. С. 5].

На этнокультурную общность предков карачаевцев и балкарцев с древними булгарами указывают также отдельные элементы в их материальной и духовной культуре: гнездовое расположение домов в карачаевских и балкарских аулах (*tijre*) и скученное — в древнеболгарских поселениях, семейно-родственные отношения — аталычество и др. [10. С. 284].

Доказательством этнолингвистической связи между предками современных карачаевцев, балкарцев и древними булгарами являются карачаево-балкарские и бесермянские лексические схождения.

В настоящее время считается доказанным, что бесермяне — это особая этническая группа удмуртского народа (около 10 тыс. чел.) тюркского происхождения [11. С. 124], причем большинство исследователей допускают возможность происхождения их от волжско-камских болгар [12. С. 44; 13. С. 193; 14. С. 50—56]. Так, Т. И. Тепляшина пишет: «Язык бесермян подтверждает их болгарское (древнечувашское) происхождение. В фонетике и лексике бесермян в виде субстрата сохранилось много такого, что напоминает язык древнеболгарского типа. Первоначальный язык бесермян, по-видимому, представлял собой один из тюркских диалектов болгарских племен» [15. С. 243].

Принято считать, что бесермяне являются потомками той части древнеболгарского населения, которая в 922 г. н. э. приняла ислам: «Эта часть болгарского населения, называемая бесермянами и исповедовавшая мусульманство, попала в сферу удмуртского влияния и постепенно усвоила древнеудмуртский язык, сохранив, однако, своеобразные элементы культуры (обычай, верования, одежду) и самоназвание» [15. С. 244]. О том, что бесермяне в недалеком прошлом были мусульманами, говорят их личные имена и фамилии, зафиксированные документами XVI—XVII вв., и бытующие среди них некоторые пережитки мусульманства [15. С. 243]. Так, например, и сейчас в языке бесермян сохранился термин *sataqa* 'приношение в дар мулле' (ТЯБ. 65). Почти все современные бесермяне двуязычны: говорят на родном и удмуртском. Родной их язык, использующийся в быту и фольклоре, определяется как специфический диалект удмуртского языка.

Проиллюстрируем некоторые карачаево-балкарские и бесермянские лексические схождения по сферам их употребления.

Карачаево-балкарская форма слова и ее значение

Бесермянская форма слова и ее значение

1. Термины материальной культуры

arba (РКБС. 621) 'телега'
arbaz (РКБС. 131) 'двор'
axca (РКБС. 136) 'деньги'
žurt (РКБС. 550) 'поселение'
eşik (РКБС. 130) 'дверь'
kürke||kurka (РКБС. 40) 'берлога'
qarxan (РКБС. 219) 'капкан'
qıtuğan (РКБС. 661) 'сосуд для умывания'
qıju||xıju (РКБС. 229) 'колодец'
qımaç (РКБС. 248) 'кумач'
poxta (РКБС. 315) 'недоузлок'
sanpal (РКБС. 248) 'курок ружья'
taba (РКБС. 576) 'сковорода'
tereze (РКБС. 364) 'окно'
öğüç (РКБС. 277) 'молот'
xizi (РКБС. 246) 'крюк'

ugobo (ТЯБ. 68) 'телега'
azbar (ТЯБ. 100) 'двор'
uksa (ТЯБ. 49) 'деньги'
gurt (ТЯБ. 149) 'деревня'
es (ТЯБ. 148) 'дверь'
korka (ТЯБ. 105) 'изба'
qarqan (ТЯБ. 105) 'капкан'
kıngan (ТЯБ. 161) 'умывальник'
köjö (ТЯБ. 115) 'колодец'
k'maç (ТЯБ. 53) 'кумач'
n'uqta (ТЯБ. 65) 'недоузлок'
sanapal (ТЯБ. 55) 'ружье'
taba (ТЯБ. 101) 'сковорода'
terezi (ТЯБ. 49) 'окно'
sekös (ТЯБ. 57) 'молот'
gižu (ТЯБ. 100) 'ноготь'

2. Термины родства

ana (РКБС. 266) 'мать'
ata (РКБС. 383) 'отец'
baba (РКБС. 469) 'предок' в сочетании ата-baba
bala (РКБС. 543) 'ребенок'
kelin (РКБС. 587) 'сноха'
qart (РКБС. 605) 'старик, старец', перенос.: 'муж, супруг'
Totalj — имя собств. жен.

anaj (ТЯБ. 65) 'мать'
ataj (ТЯБ. 65) 'отец'
babam (ТЯБ. 45) 'дед, бабушка'
balaj (ТЯБ. 65) 'ребенок'
ken (ТЯБ. 59) 'сноха'
qart (ТЯБ. 129) 'муж, супруг'
totalj (ТЯБ. 43) 'старшая сестра'

3. Анатомические термины

žansüek (РКБС. 618) 'таз'
qaš (РКБС. 50) 'бровь, брови'
sauru (РКБС. 245) 'круп лошади'
singir (РКБС. 614) 'жила, сухожилие'
taban (РКБС. 508) 'пята (у человека)'
talaq (РКБС. 569) 'селезенка'
töš (РКБС. 126) 'грудь'
čupa (РКБС. 258) 'локоть'; балк. čupačyq 'мизинец'

jamsuek (ТЯБ. 76) 'таз'
qaš (ТЯБ. 110) 'бровь, брови'
saur (ТЯБ. 110) 'круп лошади'
sin (ТЯБ. 77) 'жила, сухожилие'
taban'a (ТЯБ. 65) 'лапа (у птицы)'
talaq (ТЯБ. 65) 'селезенка'
töš (ТЯБ. 162) 'борода'
čipo (ТЯБ. 127) 'палец'

4. Названия животного мира

alaša (РКБС. 269) 'мерин'
bödüne (РКБС. 411) 'перепел'
borsuq (РКБС. 34) 'барсук'
bürcə (РКБС. 45) 'блоха'
züzek (РКБС. 698) 'цыпленок'
kukuk (РКБС. 247) 'кукушка'
teke (РКБС. 228) 'козел'
toru (РКБС. 120) 'гнедой (конь)'
čayka (РКБС. 115) 'галка (птица)'
čabaq (РКБС. 555) 'рыба'
čurčyq (РКБС. 575) 'птица', 'скворец'

oloso (ТЯБ. 69) 'мерин'
bödüno (ТЯБ. 76) 'перепел'
barsuk (ТЯБ. 70) 'барсук'
burs'a (ТЯБ. 137) 'блоха'
z'azek (ТЯБ. 53) 'гусь'
kikö (ТЯБ. 86) 'кукушка'
t'ake (ТЯБ. 54) 'баран'
turi (ТЯБ. 158) 'гнедой (конь)'
čanga (ТЯБ. 44) 'галка (птица)'
čabak (ТЯБ. 152) 'сорога (сорт рыбы)'
žyčik (ТЯБ. 138) 'скворец'

В бесермянском языке понятие «медведь» передается словом *gondor||gondör* (ТЯБ. 41). На территории нынешнего Карачая (верховья р. Кубани) находится горный перевал в Сванетию под названием

Гондарай (G'ondaraj). Вполне допустима этимологизация этого топонима как G'ondaraj < gondor + aj (ай) 'медвежий перевал'.

В работе Т. И. Тепляшиной приводится слово кам в значении «большая река», «крупная река» (ТЯБ, 123). Это слово встречается и в современном карачаево-балкарском языке в составе гидронимов типа: Ullu kam 'большая река', Сај кам 'мелководная река' и т. п. [16. С. 385—387].

5. Названия растительного мира

alma (РКБС. 729) 'яблоко'
baħša (РКБС. 359) 'огород'
geben (РКБС. 575) 'скирд'
külte (РКБС. 587) 'сноп'
mamıq (РКБС. 688) 'хлопок'
tarı (РКБС. 500) 'просо'
čor (РКБС. 606) 'стебель'

ulmo (ТЯБ. 67) 'яблоко'
baqša (ТЯБ. 145) 'огород'
kaban (ТЯБ. 100) 'скирд'
költö (ТЯБ. 47) 'сноп'
mamöq (ТЯБ. 123) 'пух, пушинка'
tari (ТЯБ. 74) 'просо'
šer (ТЯБ. 109) 'колос'

6. Названия явлений природы

žel (РКБС. 63) 'ветер'
qıgraq (РКБС. 455) 'пороша', 'сля-
коть'
qır (РКБС. 606) 'степь'
suı (РКБС. 74) 'вода'
tuban (РКБС. 641) 'туман'

tel (ТЯБ. 67) 'ветер'
qögraq (ТЯБ. 99) 'непогода', 'сля-
коть'
qör (ТЯБ. 60) 'степь'
vu (ТЯБ. 60) 'вода'
töman (ТЯБ. 70) 'туман'

7. Названия титулов и социального положения

batyr (РКБС. 117) 'богатырь', 'герой'
bačama (РКБС. 76) 'предводитель',
'вождь'
хан (РКБС. 685) 'хан'

batör (ТЯБ. 101) 'богатырь'
bataman (ТЯБ. 49) 'хозяин'
кан (ТЯБ. 59) 'хан'

8. Отвлеченные понятия

ala (РКБС. 417) 'пестрый'
aldaı (РКБС. 347) 'обман'
amal (РКБС. 601) 'способ', 'находчи-
вость', 'изобретательность'
bereket (РКБС. 44) 'благодать'
boš (РКБС. 506) 'пустой, полный'
bylaj (РКБС. 618) 'так'
kengeš (РКБС. 589) 'совещание'
rajda (РКБС. 448) 'польза'
salam (РКБС. 476) 'привет'
sadaqa (РКБС. 273) 'милостыня'
saq (РКБС. 304) 'настороженный'
suı (РКБС. 465) 'почет, честь', 'ува-
жение'
tamam (РКБС. 560) 'самый'
čydam (РКБС. 623) 'терпение'
erkin (РКБС. 565) 'свободный'

alača (ТЯБ. 45) 'холст, пестрядь на
синем фоне'
aldar (ТЯБ. 177) 'лгун, лгунишка'
amal (ТЯБ. 127) 'находчивость', 'изо-
бретательность'
bereket (ТЯБ. 42) 'благодать'
buš (ТЯБ. 110) 'пустой, полный'
bylaj (ТЯБ. 92) 'так'
kengeš (ТЯБ. 105) 'совещание'
rajda (ТЯБ. 91) 'польза'
salam (ТЯБ. 107) 'привет'
sataga (ТЯБ. 65) 'подношение мулле'
saq (ТЯБ. 60) 'внимательный'
si (ТЯБ. 60) 'почет, честь', 'уважение'
tamam (ТЯБ. 198) 'самый'
čödan (ТЯБ. 124) 'терпение'
erik (ТЯБ. 43) 'свобода' и т. д.

Поскольку ранее такой отбор лексики не производился, эти сведения, при всей их немногочисленности, интересны и сами по себе: каж-
дый новый факт способствует правильному осмыслению проблемы
о месте булгарского компонента в этногенезе современных карачаевцев
и балкарцев.

Косвенным доказательством языковой связи между современным
карачаево-балкарским и древнебулгарским языками могут служить
также карачаево-балкарские и венгерские лексические сходжения.
[17. С. 52—55].

ЛИТЕРАТУРА

1. Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962.
2. История Армении Моисея Хоренского/Пер. с арм. Н. О. Эмина. М., 1893.
3. Каховский В. Ф. Об историко-культурных связях предков чувашей с народами Кавказа по данным этнографии // Учен. зап. Чебокс. ГПИ им. И. Я. Яковлева. Чебоксары, 1965. Вып. 21.
4. Алексеева Е. Г. Карачаевцы и балкарцы — древний народ Кавказа. Черкесск, 1963.
5. Хаджилаев Х.-М. И. Очерки карачаево-балкарской лексикологии. Черкесск, 1970.
6. Байрамкулов А. М. Алано-асские этнические названия, фамилии и имена // Актуальные проблемы карачаево-балкарского и ногойского языков. Ставрополь, 1981.
7. Юсупов Г. В. Введение в булгаро-татарскую эпиграфику. М.; Л., 1960.
8. Хабичев М. А. Словообразовательный и этимологический анализ некоторых карачаевских этнонимов // Актуальные проблемы карачаево-балкарского и ногойского языков. Ставрополь, 1981.
9. Лавров Л. И. Происхождение балкарцев-карачаевцев // Крат. сообщ. Ин-та этнографии. 1959. Т. 32.
10. Народы Кавказа. М., 1960. Т. 1.
11. Тепляшина Т. И. Древние бесермянские фамилии // Вопросы тюркологии. Казань, 1970.
12. Смирнов И. Н. Вотяки: Историко-этнографический очерк // Изв. Об-ва археологии, истории и этнографии. Казань, 1890. Т. 8, вып. 2.
13. Белицер В. Н. К вопросу о происхождении бесермян (по материалам одежды) // Тр./Ин-т этнографии им. Миклухо-Маклая. Н. С. М.; Л., 1947. Т. 1.
14. Тихомиров М. Н. Бесермены в русских источниках // Исследования по отечественному источниковедению: Тр./Ленингр. отд-ние Ин-та истории АН СССР. М.; Л., 1969. Вып. 7.
15. Тепляшина Т. И. Язык бесермян. М.: Наука, 1970.
16. Хаджилаев Х.-М. И. К топонимике Карачая // Тр./КЧНИИ. Сер. ист. Ставрополь, 1970. № 6.
17. Он же. Карачаево-балкарские и венгерские лексические сходжения // Актуальные проблемы карачаево-балкарского и ногойского языков. Ставрополь, 1981.

СОКРАЩЕНИЯ

- РКБС — Русско-карачаево-балкарский словарь. М., 1965.
 ТЯБ — Тепляшина Т. И. Язык бесермян. М.: Наука, 1970.

Н. К. ТУРНИЯЗОВ

О ТРАНСФОРМАЦИОННОМ И ДЕРИВАЦИОННОМ ПРОЦЕССАХ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА)

В языкознании существуют альтернативные точки зрения относительно соотношения трансформационного и деривационного процессов в синтаксисе, в частности по вопросу о том, является ли трансформация одним из основных методов синтаксической деривации [1].

Так, В. С. Храковский считает, что если «на базе трансформационных отношений происходит изучение того, как в языке выражается то или другое смысловое задание, то деривационные отношения дают материал для изучения того, как в языке осуществляется переход от выражения одного смыслового задания к выражению другого смыслового задания, которое связано с исходным закономерными отношениями» [1. С. 493].

По мнению американского лингвиста Уоллеса Л. Чейфа, трансформационный процесс может привести к деривационному процессу, когда трансформация относится к семантической структуре, которая отражается различными поверхностно-синтаксическими структурами [2. С. 159]. При этом между структурами, идентичными в семантическом плане, могут быть различия со стилистической точки зрения. Стиль в этом смысле, безусловно, является принадлежностью семантики; это часть того, что сообщается [2. С. 159].

Заслуживает внимания и мнение С. Ж. Мусаева о деривационном и трансформационном процессах: «Рассматривая трансформацию не как родовое или собирательное понятие, а как один из способов синтаксической деривации, мы указываем на те условия, которые необходимы, чтобы считать две или больше конструкций в отношениях трансформации» [3. С. 14—15].

Л. Н. Мурзин, хотя и утверждает, что в процессе образования новой деривационной единицы наблюдается трансформация, тем не менее считает ее промежуточной динамической единицей, «которая может иметь, а может и не иметь место в деривационном процессе» [4. С. 20].

В научных взглядах И. П. Распопова и С. Н. Сычевой преобразовательный, т. е. трансформационный, процесс рассматривается как один из основных способов создания деривационного процесса [5. С. 66—67].

Как видно, деривационный и трансформационный процессы в лингвистических концепциях ученых толкуются пока неоднозначно. Вместе с тем следует отметить, что сама теория о синтаксической деривации в языковедческой науке является новой, и потому основные принципы ее описания еще только разрабатываются. В этой связи, как нам кажется, альтернативность в рамках ее интерпретации вполне естественна.

Следует отметить, что большая часть существующей лингвистической литературы по синтаксической деривации относится к индоевро-

пейским языкам. По материалам других языков, в частности тюркских, в этом направлении сделано пока еще очень мало. Целью настоящей статьи является рассмотрение вопроса о том, может ли в современном узбекском языке трансформационный процесс быть одним из главных стимулов реализации синтаксической деривации.

Известно, что синтаксическая деривация имеет несколько разновидностей. Одна из них — развертывание поверхностно-синтаксической структуры предложения путем расширения синтаксического поля определенного компонента высказывания: *Карим ўқияпти* 'Карим читает' → *Карим газета ўқияпти* 'Карим читает газету' → *Карим дўсти билан газета ўқияпти* 'Карим читает газету со своим другом' → *Карим дўсти билан сояда газета ўқияпти* 'Карим читает газету со своим другом в тени' и т. п.

В приведенном примере синтаксическая деривация трех производных конструкций по отношению к исходному предложению реализуется расширением семантико-синтаксического поля либо подлежащего, либо сказуемого исходного предложения, причем каждый раз — с помощью нового оператора (*газета* → *билан* → *сояда*). Но здесь господствует деривационный процесс. На примере синтаксических дериваций следующих конструкций, которые также представляют собой простые предложения, перед нами предстанет совершенно иная картина: *Биз телевизор сотиб олдик* 'Мы купили телевизор'. *Телевизор рангли* 'Телевизор цветной' → *Биз рангли телевизор сотиб олдик* 'Мы купили цветной телевизор'; *Акам заводда ишлайди* 'Брат работает на заводе'. *Завод уйимиз яқинида* 'Завод рядом с нашим домом' → *Акам уйимиз яқинидаги заводда ишлайди* 'Брат работает на заводе, находящемся рядом с нашим домом'.

В приведенных примерах реализована (в обоих случаях) разновидность синтаксической деривации — контаминация, когда одно из заданных предложений оказывается в позиции другого [4. С. 27]. Иначе говоря, трансформационный процесс путем объединения семантических потенциалов исходных конструкций создает реальные условия для порождения новых производных, т. е. дериватов.

Влияние трансформационного процесса на реализацию синтаксической деривации еще более ощутимо, если деривация производится путем конверсии: *Қизлар бригадаси планни бажарди* 'Бригада девушек выполнила план' → *Қизлар бригадасининг плани бажарилди* 'Выполнился план бригады девушек'; *Сиз бизларга ҳиммат қилдингиз* 'Вы к нам проявили великодушие' → *Бизларга сиз томонингиздан ҳиммат қилинди* 'Великодушие к нам было проявлено вами'; *Ишингизга ўқитувчи аъло баҳо берди* 'Преподаватель на «отлично» оценил ваш труд' → *Ишингиз ўқитувчи томонидан аъло баҳоланди* 'Ваш труд был оценен преподавателем на «отлично»'.

Во всех предложениях трансформационный процесс есть результат внутренних преобразований. Смена синтаксических позиций ведущими лексико-грамматическими компонентами предложений вызвала проявление новых дериватов.

В рассмотренных нами примерах способом внутренних преобразований реализуются синтаксические деривации вторично производимых предложений, так как заранее заданные конструкции сами являются производными от ядерных аргументов (Ср.: *ҳиммат қилдингиз* 'проявляли великодушие' → *Сиз бизларга ҳиммат қилдингиз* 'Вы к нам проявляли великодушие'). Другое дело, если речь идет о формировании первичных дериватов. В этом случае стимулом их порождения является не трансформационный, а деривационный процесс, который представ-

ляет собой расширение синтаксической структуры ядерных конструкций.

Вторичное создание деривата наблюдается и при компрессии. Главным стимулом синтаксической деривации при этом является процесс деривационный: *Колхозимиздаги илгор бригадирлар қурултойга таклиф қилинган эди* 'Передовые бригадиры нашего колхоза были приглашены на съезд' → *Илгор бригадирлар қурултойга таклиф қилинган эди* 'Передовые бригадиры были приглашены на съезд'. *Бригадирлар қурултойга таклиф қилинган эди* 'Бригадиры были приглашены на съезд'.

Судя по приведенным примерам, на каждом деривационном этапе теряется смысловой потенциал одного из компонентов предыдущего предложения. Следовательно, в создании нового деривата путем компрессии, как и в расширении синтаксической структуры предложения, ведущим оказывается не трансформационный, а деривационный процесс.

Мы рассмотрели трансформационный и деривационный процессы на материале только простого предложения. В сложном же предложении всякая форма синтаксической деривации основывается на семантико-синтаксических структурах как минимум двух простых предложений. Даже если его конструктивные части формально невозможно отделить друг от друга, все равно в нем это легко устанавливается. Данный показатель сложноподчиненного предложения, в свою очередь, свидетельствует о том, что оно постоянно представляет собой вторичную структуру, т. е. структуру деривата. Иначе говоря, сложное предложение является результатом заранее производимой (механическим образом) синтаксической деривации: 1. *Сухбат чала қолди, лекин Саида бунга ўкинмади* (А. Қаҳҳор) 'Беседа осталась незавершенной, но Саида не сожалела об этом'. 2. *Хиёл шундан хурсанд эдики, аввалги бригадасининг аъзолари уни ўз жигарларидек қабул қилдилар* (И. Раҳим) 'Хиял был доволен тем, что члены прежней бригады приняли его как родного'.

Синтаксическая деривация первого предложения, которое представляет собой сложносочиненное предложение, реализована трансформированием следующих элементарных предложений: *Сухбат чала қолди* 'Беседа осталась незавершенной'; *Саида бунга ўкинмади* 'Саида не сожалела об этом'. Трансформационный процесс здесь создается союзным словом *лекин*, которое при трансформации становится оператором деривации.

Трансформационный процесс в данном случае имеет довольно широкий диапазон, так как допускает преобразование еще нескольких инвариантов, синтаксические деривации которых представляют собой как сложносочиненные, так и сложноподчиненные предложения: *Сухбат чала қолди, бироқ Саида бунга ўкинмади*; *Сухбат чала қолди, аммо Саида бунга ўкинмади* [6]; *Сухбат чала қолган бўлса ҳам, Саида бунга ўкинмади* 'Хотя беседа осталась незавершенной, Саида не сожалела об этом'; *Сухбат чала қолган бўлишига қарамасдан, Саида бунга ўкинмади* 'Несмотря на то, что беседа осталась незавершенной, Саида не сожалела об этом'.

Синтаксическая деривация второго предложения реализована по синтаксическим законам сложноподчиненного предложения. Операндно-операторные отношения, от которых зависит его деривационная история, могут быть представлены следующим образом: *Хиёл шундан*

хурсанд эди 'Хиял был доволен (этим)'→операнд, *ки* (союз)→оператор, *аввалги бригадаси аъзолари уни ўз жигарларидек қабул қилдилар* 'Члены прежней бригады приняли его как родного'→операнд.

Безусловно, все деривационные отношения составляющих элементов предложения возможны только благодаря трансформационному процессу. Кроме того, в рамках данного трансформационного процесса может быть допущена синтаксическая деривация еще простого распространенного предложения, что также свидетельствует о теснейшем взаимоотношении трансформации с деривацией: *Хиёл аввалги бригадаси аъзолари уни ўз жигарларидек қабул қилганларидан хурсанд эди* 'Хиял был доволен тем, что члены прежней бригады приняли его как родного'. Отсюда можно сделать вывод, что в современном узбекском языке сложные предложения, в отличие от простых, являются дериватами, если так можно выразиться, формируемыми под давлением трансформационного процесса.

Подытоживая все сказанное о трансформационном и деривационном процессах и считая трансформацию одним из основных дериватообразующих способов, можно сделать следующие выводы:

1. Синтаксическая деривация простого предложения может быть порождена в рамках как деривационного, так и трансформационного процесса. Деривационный процесс представляет собой основной способ синтаксической деривации при расширении и компрессии синтаксической структуры предложения, тогда как трансформационный, будучи дериватообразующим механизмом, выделяется при контаминации и конверсии;

2. Синтаксическая деривация сложного предложения реализуется в основном в рамках трансформационного процесса и постоянно выступает в качестве той или иной формы деривата. В этой связи структуру сложного предложения можно называть готовым дериватом;

3. Исходные аргументы синтаксической деривации как сложного, так и простого предложений, в зависимости от характера их синтаксической структуры, могут быть отнесены как к ядерным, так и к производным структурам.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Храковский В. С. Трансформация и деривация//Проблемы структурной лингвистики. 1972. М., 1973.

² Чейф Уоллес Л. Значение и структура языка. М., 1975.

³ Мусаев С. Ж. Структурно-функциональные типы и семантика причастных конструкций в киргизском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1983.

⁴ Мурзин Л. Н. Основы дериватологии. Пермь, 1984.

⁵ Распопов И. П., Сычева С. Н. Синтаксическая деривация и синтаксическая синонимия//Науч. докл. высш. шк. Филол. науки. 1974. № 3.

⁶ Эти инварианты при переводе на русский язык имеют тот же смысл, который был присущ первому исходному предложению.

Н А С Л Е Д И Е

АБДУЛЛА ШАРИФОВ

Один из основоположников азербайджанского языкознания — Абдулла Шарифов вошел в историю науки как автор ценных исследований по фонетике и грамматической структуре азербайджанского языка, учебников для средних школ и техникумов, как вузовский преподаватель, отдавший немало сил подготовке филолого-востоковедческих кадров в республике. Труды А. Шарифова разделили трагическую судьбу автора, ставшего жертвой сталинских репрессий. На многие годы исключенные из научного оборота, они практически не известны нынешнему поколению филологов.

Абдулла Мухамедович Шарифов родился в 1893 г. в г. Троицке Оренбургской губернии в татарской семье. Способности под-

ростка, обучавшегося в местной русско-татарской школе, были вскоре замечены, и в 1908 г. на средства мусульманского благотворительного общества он был послан в Стамбул, где окончил среднюю школу. По возвращении на родину, в Троицк, А. Шарифов занимается журналистикой, активно сотрудничая в татарской национальной печати.

Продолжив обучение на факультете общественных наук Томского университета, А. Шарифов вскоре перевелся в Азербайджанский государственный университет, восточный факультет которого по отделению языка и литературы он окончил в 1928 г. Завершив в 1931 г. учебу в аспирантуре, А. Шарифов преподает в 1931—1933 гг. в Азербайджанском высшем педагогическом институте (ныне Азербайджанский пединститут им. В. И. Ленина), где ведет занятия по курсу тюркско-татарской диалектологии, а впоследствии — по тюркскому (азербайджанскому) и русскому языкам.

Научная одаренность А. Шарифова проявилась уже в его ранних работах, посвященных анализу фонетической системы азербайджанского языка. В них на широко развернутом языковом материале впервые в азербайджанской лингвистической науке была исследована природа сингармонизма в тюркских языках. Особое место в научной деятельности А. Шарифова занимало изучение им теоретических вопросов грамматик азербайджанского языка. Его труд «О принципах классификации грамматических категорий тюркского языка» и сегодня не утратил своего значения. Здесь автор опять-таки впервые в азербайджанском языкознании проанализировал принципы классификации частей речи, характерные для различных лингвистических школ и традиций, дал строгое обоснование лексико-семантических, морфологических и синтаксических критериев классификации частей речи.

В 1932 г. особым решением Азербайджанского комиссариата просвещения ко-

миссии в составе А. Шарифова, А. Тагирзаде, Х. С. Ходжаева, И. Гасанова, Г. Багирова и А. Бабазаде было поручено составить учебники азербайджанского языка для всех классов средней школы. А. Шарифов активно включился в эту работу, результатом которой стал целый ряд стабильных учебных пособий.

Заметную роль сыграл А. Шарифов и в области диалектологических исследований в Азербайджане. В течение многих лет ученый читал в вузах республики курсы по диалектологии, а в 1936 г. был руководителем Шемахинской диалектологической экспедиции. Годы творческой зрелости А. Шарифова совпали с его работой в АзФАНе СССР, где он состоял старшим научным сотрудником и недолгое время — руководителем словарно-терминологического сектора Института истории, языка и литературы.

21 июня 1937 г. А. Шарифов был снят

с работы по обвинению в пособничестве «врагам народа» — Б. Чобанзаде, В. Хулуфлу, Г. Багирову и другим, а также за «вредительство» в области языкознания. В начале 1938 г. он сам был объявлен «врагом народа», и вскоре жизнь его трагически оборвалась.

Уничтожены были и труды ученого, подготовленные им к печати. Так, книга «Проблемы научного перевода» (1936; 4 печ. л.) утеряна безвозвратно. К счастью, удалось сохранить работу «Азербайджанский тюркский язык» (1931; 28 страниц машинописи, находится в нашем личном архиве).

А. М. Шарифов был реабилитирован в 1956 г. Настало время и для переиздания его наследия, что отвечает не только требованиям восстановления исторической справедливости, но и конкретным потребностям науки.

А. Ш. Тагирзаде, А. Г. Гулиев

СПИСОК ОСНОВНЫХ НАУЧНЫХ ТРУДОВ АБДУЛЛЫ ШАРИФОВА

1. Азербайчанда бөјүк елми мәркәз: Азербайчан Елми-тәдғигат Институтунун лиса-нијјат və әдәбијјат шө'бәси // Ингилаб və мәдәнијјәт. Бақы, 1930. № 2—3.
2. Азербайчан түрк дилини өјрәнмәк јолунда нә кими ишләр көрүлүр? // Ингилаб və мәдәнијјәт. Бақы, 1930. № 9.
3. Түрк дилләриндә синһармонизм мәсәләси (I мәг.) // Азербайчаны өјрәнмә јолу. Бақы, 1930. № 1.
4. Илтисағи дилләрдә синһармонизм мәсәләси (II мәг.) // Азербайчаны өјрәнмә јолу. Бақы, 1931. № 2—3.
5. Грамер. Орта мәктәб үчүн. I һиссә. Морфоложи. 5-чи тәдрис или. Редактору А. Тағызәдә. Бақы, 1933. (Совм. с И. Гасановым).
6. Грамер. Орта мәктәб үчүн. II һиссә: I. Фонетика. 2. Синтаксис. 6-чы тәдриси или/Редактору А. Тағызәдә. Бақы, 1934. (Совм. с И. Гасановым).
7. Грамер. II һиссә/Редактору Г. Бағыров. Бақы, 1933. (Совм. с И. Гасановым и А. Бабазаде).
8. Грамер. II һиссә/Редактору Г. Бағыров. Бақы, 1933. (Совм. с И. Гасановым и А. Бабазаде).
9. Педагожи техникумлары үчүн түрк дили грамери курсу. I—II һиссәләр. Бақы, 1932. (Совм. с Г. Багировым и И. Гасановым).
10. Педагожи техникумлары үчүн түрк дили грамери курсу. 3-чү тапшырыг. Бақы, 1934. (Совм. с Г. Багирзаде и И. Гасановым).
11. Грамматика: I һиссә. Бақы, 1936.
12. О преподавании русского языка в тюркской школе // Просвещение национальностей. М., 1935. № 1.
13. О принципах классификации грамматических категорий тюркского языка // Тр. / АзФАН СССР. Лингв. сер. Баку, 1936. Т. 31.
14. К итогам Шемахинской лингвистической экспедиции АзФАНа // Изв. АзФАН СССР. Баку, 1937. Т. 2.
15. [Рец.] Филин Ф. П. Исследование о лексике русских говоров. Л., 1936 // Изв. АзФАН СССР. Баку, 1937. Т. 2.
16. Азербайджанский тюркский язык (рукопись). Баку, 1931 (1 печ. л.).
17. [Рец.] Мещанинов И. И. Яфетидология и марксизм. Баку, 1932.
18. [Рец.] К бакинской дискуссии «О яфетидологии и марксизме» акад. Н. Марра. Баку, 1932.

А. ШАРИФОВ

О ПРИНЦИПАХ КЛАССИФИКАЦИИ ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ ТЮРКСКОГО ЯЗЫКА¹

В в е д е н и е

Настоящая статья состоит из двух основных разделов: 1) краткого исторического обзора принципов классификации грамматических категорий в связи с воззрениями различных школ и 2) краткого обзора тюркских грамматик в связи с некоторым уточнением и дополнением отдельных грамматических категорий тюркского языка. Проблема грамматики в настоящее время является проблемой универсальной, интересующей почти все национальности СССР. Вопросы грамматики такого языка, как русский, до сих пор остаются не вполне разрешенными. Что же касается грамматики тюркского языка, то здесь мы находимся пока лишь в периоде исканий.

Существующие грамматики нуждаются в теоретическом обосновании ряда своих положений, без чего совершенно невозможно разрешение основных вопросов классификации, невозможна дальнейшая разработка отдельных разделов и категорий тюркского языка.

ПРОБЛЕМА КЛАССИФИКАЦИИ В ТЮРКСКИХ ГРАММАТИКАХ

Граматики ближневосточных языков (арабского, фарсидского и впоследствии турецкого и тюркского) создавались под непосредственным влиянием логической школы, проникшей к арабам через александрийскую школу². В Турции и Иране логическая школа грамматики безраздельно господствует и поныне, например, в грамматиках, изданных сравнительно недавно в Стамбуле и Тегеране³.

В турецком учебнике, утвержденном и рекомендованном МНП Турции, наряду с чисто методическим влиянием новой французской школьной грамматики целиком сохраняются общая логическая классификация, терминология и определения арабской нормативной грамматики без надлежащего учета структурных особенностей турецкого языка.

То же самое мы наблюдаем в отношении к фарсидскому языку в другом учебнике, имеющем широкое распространение в иранской начальной и средней школе:

Mirza Abdulazym-xan Dysturi—zəbani-farisi (teb'syvvam, Təhran ۱۳۲۹).

¹ Печатается в сокращенном виде по: Тр./АзФАН СССР. Лингв. сер. Баку, 1936. Т. 31. С. 63—89.

² Чтобы не отвлекаться от основной своей темы, мы ограничились лишь кратким изложением философо-логических грамматик, не останавливаясь подробно на влиянии основателя греческой грамматики Дионисия Фракийского на арабских грамматистов.

³ Kəprylü zəde Mehəmməd Fuad—Sulejman Salib. Turk dilinin serf ve nehvi. I, II, III, IV və V hissələr. Səmbul, 1924.

Как классификация частей речи, так и разделы синтаксиса этого учебника целиком базируются на логической основе. Например, дается следующее чисто логическое определение предложения: «*Vəjani həktm və xəjalra dərbab şəxsi ja cizi cümlə gujənd*» (с. 15).

Названия членов предложения тоже носят чисто логические наименования: «*Eçza'əsli cümlə səh əst: mɯsnəd iləjh, mɯsnəd, rabitə*» (с. 15).

Эти и им подобные многочисленные грамматики составлялись по образцам арабских нормативно-описательных грамматик, схему которых приводим ниже:

С Х Е М А		
арабской грамматики (части речи)		
А. Глагол		
Б. Имя		В. Частица
1. Существительное		1. Член
2. Прилагательное		2. Наречие
3. Местоимение		3. Предлог
4. Числительное		4. Союз
		5. Междометие

Как видно из схемы, основную часть речи в арабском языке составляет глагол, остальные части речи являются производными от глагола. Все указанные части речи, за исключением члена в той или иной форме, имеются и в тюркском языке. Категории мысли, как известно, более или менее сходны во многих языках, что обуславливало известную степень сходства главнейших категорий грамматики. Таким образом, если на Западе «всеобщая» грамматика выросла на почве средневековой схоластики с ее традиционной латынью, то все ближневосточные грамматики (фарсидская, турецкая и во всем их копировавшая азербайджанская тюркская) возникли на почве арабской схоластики. Все грамматики, вышедшие в Азербайджане до 1932 г. включительно, создавались преимущественно по фарсидским и турецким образцам, которые составлялись по схемам арабских грамматик. Авторы этих грамматик лишь в последнее время стали подражать некоторым французским (в Турции) и русским (в Азербайджане) образцам.

Даем краткое описание грамматик, вышедших в Азербайджане и вне его пределов в XIX и XX вв. По-видимому, первой грамматикой азербайджанского тюркского языка явилась рукописная грамматика: *Xələf Mirza Məhəmməd Əsl Əfşar(?)*. Автор ее, как указано в предисловии, был преподавателем мусульманского богословия и тюркского языка в Горийской учительской семинарии. Составил он грамматику для учащихся указанной семинарии. К сожалению, хронологическая дата составления грамматики автором не указана. Но, поскольку автор в предисловии упоминает о грамматиках Казем-Бека (1846) и Мирзы Абуль-Хасан-бека Везирова (1861), можно предположить, что грамматика Афшара составлена не раньше конца XIX столетия. Составлена она целиком по образцу арабской грамматики и состоит из двух частей: *fənni-sərf və fənni-pəhv*. Первая часть, т. е. *fənni-sərf*, состоит из следующих разделов: 1. *Bab-yl-xərf*; 2. *Bab-yl-ism*; 3. *Bab-yl-feil*; 4. *Bab-yl-mıyvəmat vələdəvat*.

Во всех определениях и дальнейших подразделениях целиком вы-

держана приведенная нами схема арабской грамматики. Во всех разделах и подразделах, наряду с правилами тюркского языка, даются соответствующие арабские и отчасти фарсидские правила, ибо: «Əsr—hazırda mystə'məl tyrk dili uc dildən myrəkkəb bir dildir». Автор, выражая языковые тенденции господствующих классов своего времени, отмечает, что: «Zən edərim ki, bu gyndə bejnələqvam mənçud və mystə'məl olan lisanlardan tyrk lisanı kimi bir fəqir və möhtaç dil joqdur» (из предисловия рукописи).

Следующий печатный учебник по грамматике тюркского языка был составлен Н. Наримановым под названием «Краткая татарско-азербайджанская грамматика». Баку, 1899 (Türk-Azərbaycan dilinin muhtəsər sərf-nəhvi). В этой грамматике, составленной для тюрков, учащихся бакинской гимназии, Нариманов, сохраняя схему арабской грамматики, параллельно с арабской терминологией, по-видимому в педагогических целях, пользовался русской терминологией. В конце учебника Нариманов впервые ввел в тюркскую грамматику изложение правил употребления знаков препинания.

Третий учебник по грамматике тюркского языка принадлежит перу Талыб-заде Юсуфа. Этот учебник издан в 1902 г. и носит следующее название: *Kitab təşhiylqəvaidd. Məllifi və nəşiri: Bədkubə şəhərinin rusi və müsəlmani məktəblərinin əhkamı-şəriyə məllimi Jusif Talib zadə tiflisi. Bədkubə 1314 — 1902.*

После краткого введения о правописании звуков по образцу арабских грамматик дается основная классификация частей речи:

کلمه‌نک اگر اوزلگنده معناسی آکلاشیلا و بر زمانه‌ده دلالتی اولمیه، اوکا اسم دیلیر: آعاج و صمد و غ کیمی. اگر اوچ زمانک بیرسی آکلاشیلسه اوکا فعل دیلیر: کل، کیتدی، کلجک کیمی و اگر تک اوزلگنده کلمه‌نک معناسی آکلاشیلماسه باشقا کلمه ایله همیشه متصل ایشلنه اوکا حرف دیلیر: دن، دک کیمی (с. 19)

Дальнейшее изложение этих основных разделов ведется в следующей последовательности:

کلمه‌نک مشهور قسملری اون دورت‌در: ۱-اسم ذات ۲-اسم ضمیر ۳-اسم صفت ۴-اسم تصغیر ۵-اسم اشاره ۶-اسم عدد ۷-اسم استفهام ۸-اسم زمان و مکان ۹-مصدر ۱۰-فعل ۱۱-میهیات ۱۲-اسم صوت ۱۳-ظرف ۱۴-حرف (с. 19)

Как видно из этой классификации, автор целиком копирует схему арабской грамматики, механически перенося ряд категорий арабского языка в тюркский язык. Нововведением в этой грамматике было то, что автор по образцу русских грамматик изложил применение знаков препинания.

К сожалению, как вся эта классификация, так и само изложение в смысле уяснения структурных особенностей тюркского языка, ничего нового не вносит.

Следующий учебник, изданный уже после советизации Азербайджана, был составлен коллективом преподавателей из 6 человек и носит название

ترکجه صرف-نحو

اسماعیل حکمت، عبدالله شائق، سعید میرقاسم‌زاده، جواد آخوندزاده، جبار افندی‌زاده.

Этот учебник, целиком копируя существующие турецкие грамматики, дает следующую классификацию частей речи:

تورکجه یدی دورلو کلمه واردر: اسم، صفت، ضمیر، فعل، ظرف، ندا، آدات.

Авторы этих грамматик, находясь всецело под влиянием арабской школы, совершенно не задумывались над тем, что факты языка можно открыть только *á posteriori*, т. е. в результате изучения его грамматического строя. Авторы грамматик, почти целиком перенеся в турецкий язык схему и терминологию арабской грамматики, находились в полной зависимости от арабского образца. В то время как арабские грамматисты весьма тщательно разрабатывали каждую часть речи, турецкие авторы ограничивались лишь общей классификацией и описанием частей речи по арабским образцам.

Главным недостатком этого рода грамматик было то, что они, классифицируя слова по их смыслу, в должной мере не интересовались, чем может являться это слово в предложении и как оно изменяется. Они упускали из виду, что язык имеет дело не только с понятиями, но и со звуковым оформлением их, выражающимся в определенных формах слов и словосочетаний.

* * *

Потребность нашей школы в неотложной и спешной разработке вопросов турецкой грамматики диктует нам (независимо даже от того, вполне ли идеально научной будет эта несколько спешная разработка) необходимость немедленного разрешения ряда основных вопросов нашей грамматики. Ясно, что при отсутствии детально разработанных данных о структурных особенностях турецкого языка без установления научной системы последних было бы преждевременно думать об окончательном установлении грамматической классификации, отражающей все явления турецкого языка. На порядке дня теперь стоит вопрос об учете уже имеющегося материала, оценке его и установлении хотя бы основных грамматических категорий турецкого языка.

Исходя из вышеуказанных обстоятельств, мы выдвинули следующие положения для классификации грамматических категорий турецкого языка.

1. Грамматические категории турецкого языка могут быть классифицированы только через единство формальных значений слова с лексическим значением его и всеми моментами его живого функционирования в предложении, ибо все языковые процессы совершаются только в предложении: образование всех грамматических категорий стоит в связи с развитием самого предложения.

2. Первичное слово-предложение при самом своем возникновении представляло собой простейшую речевую категорию, конкретную и многообразную в единстве своих значений. Лишь по мере развития языка слово как простейшая единица речи выделилось, связалось с конкретной действительностью и стало выражать отношение к ней, ее понимание. Ибо «предмет утверждается в человеческом сознании, как человеческий общественный предмет» (Маркс). Социальная функция слова заключается в том, что оно отражает в себе то или иное понимание действительности. Функция слова заключается в его значении.

3. Части речи выделялись лишь постепенно: в процессе развития каждого языка, по мере перехода от менее расчлененного к более расчлененному познанию действительности, выделялись отдельные категории речи. Части речи явились языковым оформлением различных сторон действительности, выделяемых сознанием (предметы, качества, количества, действия и т. д.).

4. При классификации и определении живых, бытующих граммати-

ческих категорий тюркского языка надо исходить из семантико-функционального принципа в целом, ориентируясь на связную речь, на проявляющуюся в ней взаимосвязанность отдельных грамматических категорий. Значение слова и его оформление надо изучать в их единстве, при этом ведущая роль должна принадлежать значению.

5. При таком подходе выразителем категории будут значимые единицы в целом, т. е. корни-слова, из которых собственно состоит громадное большинство тюркских слов, основы и морфемы в их единстве. Таким образом, при классификации мы должны идти от основы слова к морфеме, а не наоборот, как это делают формалисты, все время учитывая функцию слова в словосочетании и в предложении.

6. Если не учесть функциональную принадлежность тюркских слов к той или иной категории, то слова тюркского языка по одному лишь семантико-лексическому признаку могут быть отнесены только к существительному и глаголу и к тем или иным служебным словам, выполняющим известные вспомогательные функции в предложении. Любой семантический дериват может послужить наглядным примером к вышесказанному, — например, *qara, qaralɒq, qaraltɒ, qaranlɒq, qaral (mɒʃ, an, aɕaq) qaralt* и т. д.

Все эти слова, если их взять вне словосочетания, могут быть отнесены или только к существительному (названия субстанции, признаки и т. д.) или к глаголам (действие, время и т. д.).

Таким образом, можно констатировать, что в тюркском языке основные категории слов могут быть подразделены на имена существительные и глаголы. В формальном отношении имена существительные характеризуются системой склонения, а глаголы — системой спряжения.

1. Имена существительные обозначают названия предметов в широком смысле слова: *insan, hejvan, at, araba* и т. д., все явления природы и общества: *kylɒk, jaqɒʃ, ɒldɒrɒm, elm, ʃɒn, inqilab, sɒnɒʃ* и т. д. Имена существительные обозначают и так называемые опредмеченные представления качеств (*aq+lɒq* 'белизна' от *aq* 'белый' и т. д.). В категорию существительных входит также громадное количество так называемых отглагольных имен, выражающих действие и состояние безотносительно ко времени (*gediʃ, gɒliʃ, quruluʃ, qɒzɒbrma* и т. д.); они характеризуются системой склонения, как все остальные существительные. Что касается тюркских инфинитивов (на *maq, mɒk, ma* и *mɒ*), то, хотя они и характеризуются системой склонения, их необходимо отнести к категории глагола: они, как все глаголы, могут принимать отрицательную частицу *ma, mɒ* (*oqumaq—oqumamaq, bilmɒmɒk* и т. п.). Тюркские инфинитивы, кроме того, иногда могут выражать время (напр.: *Həsən Bakɒda oqumadadıɒr* и т. п.). В них очень живо сохранилось представление действия, движения и состояния. Несмотря на то, что в ряде языков инфинитивы обладают всеми признаками существительного (как, например, нем.: *leben, das Leben*; фр.: *être—l'être*), большинство лингвистов отмечает их глагольный характер. Немецкий лингвист Штейнталь видит в инфинитиве выражение чистого движения, энергии и относит его к глаголу: «*Er ist also das Verbum an sich, reiner Ausdruck der Energie, der Bewegung*» (Grammat., Log. und Psychol., с. 369).

К такому мнению склоняется и Потеня: «Несмотря на то, что в числе защитников совершенной номинальности этой формы были знаменательные в языкознании имена (напр., Бопп), в настоящее время можно считать решительным и прочно господствующим мнение, что инфинитив только некогда был именем, но не остался им, или, как

говорят иначе, что он есть имя в этимологическом и род глагола в синтаксическом отношении» (из запис. по русск. грамм. II, с. 280).

Глагольность инфинитивов в тюркском языке наиболее наглядно выражается в том, что они могут принять отрицательную частицу (*ma*, *mə*), тогда как при существительном отрицание может быть выражено только словом *deñil* (напр.: *bu at deñil* и т. п.).

II. Глагол. Как мы указали выше, глаголы характеризуются системой спряжения, а именно специальными глагольными суффиксами (отчасти вспомогательными глаголами) с добавлением аффиксов, выражающих категорию лица. Тюркский глагол как семасиологически, так и формально является наиболее усложненной частью речи, требующей специального разбора в отдельной работе, поэтому здесь мы подробно на нем не останавливаемся. Специальные подразделения глагола в тюркском языке составляют, как мы выше отметили, инфинитивы, отглагольные прилагательные (*oqujan*, *oqumuş (adam)*, *oqu-naşaq (kitab)*), соответствующие русским причастиям настоящего, прошедшего и будущего времени, и деепричастия (*gəlib*, *gələrək*, *gələrkən*, *gəlaikdə* и т. п.).

III. Остальные части речи находятся в той или иной семантико-функциональной зависимости от вышеуказанных двух основных грамматических категорий, выражающих в любом акте речи субъект—объект и предикат. Остальные части речи (имя прилагательное, имя числительное, местоимение) во всей тюркской развернутой речи являются в той или иной форме придаточными частями или к существительному, или к глаголу. Разберем их отношение к существительному. В распространенном тюркском предложении все эти придаточные части определяют существительное или по качеству (напр.: *qara at gəlib*) или по количеству (*beş at gəlib*), или являются указанием на существительное, т. е. местоимением (напр.: *mən*, *mənimki*, *sən*, *sənin*, *bu*, о... и т. д.). Зависимость этих категорий от существительного чисто семантико-функциональная и определяется их местом в предложении, тогда как в ряде других (преимущественно флективных) языков эта связь выражается системой словоизменения.

Те же части речи могут быть непосредственным придатком глаголов (*o jaqş bilir*, *tələbələr birər-birər daxil oldular*, *bu iş mənçə olmadı*). Специфических наречий в застывшей форме (как, например, русское *вечером* по-тюркски выражается именем существительным *aqşam*, сегодня — *bu gün*, *хорошо* по-тюркски выражается простым прилагательным *jaqş* и т. д.) в тюркском языке не имеется. В тюркском языке все части речи (не исключая и существительного) по месту в предложении могут быть обстоятельными словами, но они специального оформления в виде, например, русских наречий, не получают. Вот почему тюркские существительные, например: *aqşam*, *səhər*, *geçə*, *gündüz*, или такие прилагательные, как: *jaqş*, *pis*, не следует считать наречиями, как это делается в наших школьных грамматиках. В предложении *Həsən aqşam gəldi* слово *aqşam* является не наречием, а именем существительным, в синтаксическом же анализе предложения слово *aqşam* будет обстоятельством времени. В предложении *Həsən jaqş oqujur* слово *jaqş* будет не наречием, а прилагательным, и в синтаксическом разборе оно будет обстоятельством образа действия (т. е. *keñijət zərfi*). Вот почему мы предлагаем термин *zərfl*—обстоятельство переносить из морфологии в синтаксис, т. к. в тюркском языке специфических, оформившихся наречий не имеется.

7. Как видно из вышеизложенного, процесс дифференциации частей речи тюркского языка происходит постепенно: прилагательные постое-

янно выделяются и пополняются из источников других частей речи, не всегда еще четко отделяющихся от последних. Имя существительное и прилагательное даже в русском языке несколько веков тому назад были ближе одно к другому по ряду признаков (Потеня).

8. Значение слова и его употребление не могут быть отделены от развития языка в целом и от создаваемых этим развитием устойчивых словесных групп, что мы можем наглядно видеть в новообразованиях прилагательности в современном тюркском языке.

9. Современный тюркский литературный язык представляет собой известное наследие дореволюционной эпохи, выработанное длительным развитием культуры господствующих классов — феодальной аристократии и буржуазии. Тюркские рабочие и крестьянские (колхозные) массы, воспринимая языковое наследие предшествующей эпохи, преодолевают его идеологически.

10. У нас преодоление этого старого языкового наследия происходит главным образом по линии лексики, захватывая также и структуру речи.

Насыщение новым идеологическим содержанием делает языковой материал качественно иным, т. е. изменяет язык. Такое изменение коснулось прежде всего тюркских прилагательных. Еще в дореволюционный период возникла в тюркском языке подлинная категория прилагательных с собственным оформлением прежде всего из заимствованных арабских, фарсидских и латинских слов при помощи арабского суффикса *i*, как, например, *elm+i*, *fənn+i*, *mexanik+i* и т. д., фарсидского префикса *bi*, *na* и араб. *la* и т. д., например: *bi+namus*, *na+lajiq*, *la+qejd*, *vi+ədəb* и т. д., даже по аналогии от тюркского слова *dinç*—*na+dinç* и т. д., но все это относилось к прошлому. После революции этот процесс еще больше углубился; при помощи латинских суффиксов *ik*, *iv*, *l* образовались новые прилагательные, например, *capitalist+ik*, *aqt+iv*, *forma+l* и т. д.

11. Всякий процесс, происходящий в современном тюркском литературном языке, мы должны рассматривать со следующих точек зрения: а) соответствует ли он основному направлению развития языка, б) утверждается ли он в широкой речевой практике, воспринимается ли ведущими социальными группами, входит ли по линии более высоких форм культурного общения, в) насколько он отвечает основной задаче языка — общению, не нарушая его понимания (формулировки заимствованы у проф. Истриной. Современный русский язык. М., 1934).

12. Все вышеуказанные формы прилагательных утверждаются в современном тюркском языке и получают право гражданства в широкой речевой практике. Количество таких прилагательных, призванных передавать новое социально-политическое и научное содержание, будет беспрерывно расти: переводы классиков марксизма и другой литературы требуют точности.

13. Из остальных категорий тюркского языка имя числительное существует как особая семантико-функциональная категория для выражения количественных отношений в различных вариантах.

При выделении числительных в самостоятельную категорию кроме чисто семантического критерия (функционально они совпадают с тюркскими прилагательными) мы принимаем во внимание специфическое оформление числительных порядковых (как, например, *bir+inçi*, *uc+unçu*, *qırq+ınç*, *on+ınçı* и т. д.) и числительных распределительных (как, например, *bir+ər*, *iki+şər*, *on+ar* и т. д.). Эти суффиксы совершенно не свойственны прилагательным.

14. Местоимение также существует как особая категория, кото-

рая воспроизводит в качестве заместителя все остальные категории: оно может замещать существительные, например, личные местоимения или прилагательные и числительные, как, например, указательные и неопределенные местоимения и т. д. Вопросительные местоимения выражают вопрос о лице или предмете. Что касается притяжательных местоимений, то они выражают отношение существительного к лицу речи, поэтому они должны быть отнесены в раздел существительных как притяжательные суффиксы. Вторая разновидность тюркских притяжательных местоимений (т. н. *possesiv*), состоящих из суффиксов *kь, ki, ku, ky*, в настоящее время ни семантически, ни функционально не выделяется в сознании говорящих как местоимения; они должны быть отнесены к суффиксам прилагательных, ибо, присоединяясь к другим частям речи (к именам, местоимениям и др.), функционально превращают их в прилагательные. Таким образом, мы относим к местоимениям лишь те слова, которые в той или иной форме замещают другие части речи. В итоге мы будем иметь следующие разновидности тюркских местоимений: I — личные местоимения, II — указательные (*bu, o, ora, bura*), III — вопросительные (*kim, nə, neçə, neçə, hansь, hacan, nə qadar . . .*), IV — определительные (*hər, hərə, hər bir, haman*) и V — неопределенные. К старой традиционной классификации местоимений мы здесь добавили определительные местоимения, выделив их из числа неопределенных местоимений как семантически самостоятельную разновидность местоимений.

15. Из вышеуказанных главных частей речи категория существительного в основном служит активным или пассивным субъектом предложения и охватывает громадную категорию отглагольных существительных. Остальные категории, за исключением глаголов, по своему месту в предложении тоже могут быть активным или пассивным субъектом предложения или нести функции атрибутивности и обстоятельства (прилагательные). Что касается глаголов, то они, выражая действие, совершаемое субъектом, или состояние последнего, в предложении несут функции предикативности.

16. Всем указанным категориям основных грамматических явлений, за исключением глаголов, свойственно склонение.

При помощи склонения главным образом определяется их грамматическая функция. Но эта функция может определяться и порядком слов в предложении и вспомогательными словами. В тюркском предложении, именно в его грамматическом строении, оправдываются слова В. И. Ленина о том, что в каждом предложении можно видеть зачатки диалектики. Именно в тюркском предложении бросается в глаза чрезвычайно наглядно связь грамматических явлений, переход одного явления в другое, внутренняя противоречивость самих явлений. Вот почему так трудно определить границы грамматических категорий тюркского языка. Чрезвычайно трудно определить место переходных категорий; например, прилагательное, производное от существительного, может заключать в себе всю совокупность качеств и состояний первого, например, *kənt+li, aqьl+lb, şəki+li*, и т. д. Эти прилагательные, поскольку в них признак атрибутивности является преобладающим признаком, должны быть отнесены к разделу прилагательных.

17. Что касается отглагольных прилагательных, выражающих состояние или действие во времени, то они, по-нашему, должны быть отнесены к специальному разделу отглагольных прилагательных в пределах глаголов, ибо они не только по признаку времени, но и семантически еще не вполне оформились как прилагательные и пред-

ставляют переходную категорию, например: *oqujan (adam)*, *oqutmuş oqujaçaq (tələbə)* и т. д. При этом они могут принять отрицательную частицу *ta*, *tə*, что чрезвычайно сближает их с глаголами; они, как все глаголы, выражают настоящее, прошедшее и будущее время (*gələn, gəlmiş, gələcək*) и функционально могут принять притяжательные суффиксы, а также склоняться как существительные.

18. Кроме вышеуказанных основных и переходных категорий, относимых к той или иной основной категории, в тюркском языке имеется многочисленная категория служебных слов, которые в качестве члена предложения выполняют разные переходные функции и отчасти являются частицами (усилительными, уменьшительными и т. д.), зачастую не выполняющими самостоятельных синтаксических функций в предложении, например: *hələ, pək, jənə, nihaiət, qajət, ən, daima, hec, fərazən, jə'ni, adətə, albəttə, əsla, qət'ijən, bəli, xejr* и т. д.

Наиболее характерной чертой этой категории слов является то, что они ни в одну из вышеуказанных категорий не входят. Часть из них, как, например, *pək, ən, qajət* и т. п., является просто усилительными частицами прилагательных при образовании степеней сравнения. Часть же является утвердительными и отрицательными словами, выполняющими функции неполных глаголов, как, например, *bəli, xejr*, и т. п. Часть является вводными словами, как, например, *fərazən, adətə*. Словом, функционально они многообразны. Часть из них служит частицами при обращениях, например: *Aqəz! Di bir jərə otur* (из «Гаджи Кара»), *Ej Həsən bej, myallimidana* (из С. Азима). Часть этих слов в предложении является обстоятельственными словами, как, например, *niha�ət, hələ* и т. п. Эти слова до последнего времени в тюркских грамматиках объединялись под названием «з а р ф», что совершенно не соответствует смыслу этого термина, ибо этот термин введен в тюркский синтаксис для обозначения обстоятельства (места, времени и образа действия). Вот почему мы этот термин в нашей классификации сочли необходимым заменить термином «служебные слова», целиком относя термин «з а р ф» к синтаксису.

19. Из вышеуказанной категории служебных слов могут быть выделены как самостоятельно существующие две категории служебных слов.

Это — союзы и послелоги. Эти две категории постепенно выделяются из категории служебных слов и выполняют определенные вспомогательные функции в предложении, не являясь членами такового. Союзы выполняют вспомогательные функции в качестве связывающих слов. Послелоги выражают различные реляционные отношения в словосочетании, являясь главным образом придатком дополнений, например: I) *Məktəbədək gəldi*; II) *Məktəbə qədər qəldi*; III) *Məktəbə kibi gəldi*; IV) *Bu kitab Əhməd ucun aldyt* и т. п.

Говоря о послелогах, мы расходимся с традиционным определением этого термина старой тюркологией. Тюркологи (акад. Самойлович, проф. Гордлевский и др.) относили к послелогам всякое слово, выполняющее «служебную роль» и соответствующее русским предлогам. Таким образом, громадное количество имен существительных в положении «м у з а ф» (т. е. определяемых слов) попадало в категорию послелогов, например, в словосочетании (*uzafer*) *ev icində* (в доме) слово *icində* (внутри) в виду его соответствия русскому предлогу «в» считалось послелогом, тогда как слово *icində*, выполняя в тюркском предложении функцию самостоятельного члена предложения, будет не послелогом, а обстоятельством места (а этимологически — именем существительным от слова *ic*). Вот почему, го-

вора о послелогах, мы имеем в виду только послелоги-частицы, частично слившиеся с предыдущими словами (например, *dək-evədək*, *çəp-evəçən*), частично сохранившие лишь внешнюю свою самостоятельность в письме (например: *gərə, ətü, üzrə, nəzəran, kibi, sivaj, qejri* и т. п.). Эти послелоги действительно выполняют лишь служебную роль и как таковые нуждаются в другом слове; функционально они являются лишь придатком предыдущих слов.

Междометия, выполняющие в тюркском предложении различные функции, должны быть отнесены как знаменательные слова в особую категорию междометий.

20. Резюмируя вышесказанное, мы можем наметить следующие основные категории тюркского языка: 1—имя существительное; 2 — имя прилагательное; 3—имя числительное; 4—местоимение; 5—глагол; 6 — служебные слова (I—союзы, II—послелоги); 7 — междометия. Из них первые 5 в основном могут быть самостоятельными членами предложения, последние 2 (т. е. союзы и послелоги) служат лишь для связи или выражают реляционные отношения (быть членами предложения они не могут). Часть служебных слов может быть, как мы выше отметили, обстоятельственными и вводными словами. Междометия могут составлять самостоятельные предложения, когда они являются невольным выражением различных эмоций.

Мы здесь специально на грамматиках последних лет не остановились, ибо последние разделы нашей статьи посвящены именно уточнению и исправлению больших дефектов, допущенных в так называемых стабильных грамматиках.

Баку, 1935 г.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

В. Б. КАСЕВИЧ, Д. М. НАСИЛОВ

О ПРОЕКТЕ МАШИННОГО ФОНДА ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

Настоящие заметки — реакция на статью В. Г. Гузева, Р. Г. Пиотровского и А. М. Щербака «О создании машинного фонда тюркских языков» (Сов. тюркология. 1988. № 2. С. 92—101). Цель заметок заключается в том, чтобы поддержать основные положения указанной статьи, а также обратить внимание на некоторые стороны проблемы, которые по тем или иным причинам в статье не получили, как нам кажется, должного освещения.

Уже не приходится доказывать, что без широкой компьютеризации многие отрасли лингвистики окажутся в стороне от магистральной линии развития науки. Но и помимо собственно лингвистических, «цеховых», задач ясно, что компьютеризованная лингвистика способна стать мощным рычагом решения целого ряда важнейших задач в сферах экономики и культуры. Поэтому программу, появившуюся как результат сотрудничества языковедов-тюркологов и специалистов в области инженерной лингвистики, необходимо всячески приветствовать. Нам близок и основной пафос статьи, заключающийся в отстаивании принципа «сверху вниз» при разработке машинного фонда тюркских языков. Действительно, согласовывать частные фрагменты, стремясь получить из них некоторую общую систему, — чрезвычайно трудная, а подчас и просто неразрешимая задача, в то время как планомерное заполнение предварительно разработанной генеральной схемы в гораздо большей степени обещает получение нужного результата. (К этой проблеме мы вернемся ниже).

Возможно, сначала следовало бы ответить на вопрос: почему речь идет о создании машинного фонда тюркских языков, а не фондов для каждого из тюркских языков? (Тем более что, насколько известно, уже ведется работа по формированию машинных фондов таких тюркских языков, как казахский и татарский). Один вариант ответа имплицитно содержится в упомянутой статье: тюркское языкознание обладает развитыми традициями сравнительно-исторического изучения языков, и естественно было бы под дальнейшее развитие тюркской компаративистики подвести компьютерную базу. Ведь суть сравнительно-исторического метода заключается в том, что исследователь выдвигает гипотезу о праформах и правилах их преобразования в языках-потомках. Но кто способен, не используя компьютер, оперативно и точно освоить и оценить такой объемный материал, чтобы проверить, насколько предложенная гипотеза соответствует фактам, наблюдаемым в засвидетельствованных текстах? Компьютер в результате превращается в мощное средство, способствующее выведению не только модели

праязыка, но и модели исторической эволюции тюркских языков — перехода от праязыка ко всем индивидуальным языкам тюркской семьи.

Второй вариант ответа на поставленный нами вопрос носит более прагматический и в то же время менее очевидный характер. Тюркские языки, вероятно, уникальны в том отношении, что столь обширная — по числу языков и их носителей — семья отличается значительной близостью входящих в нее языков, т. е. межъязыковые флуктуации находятся в обозримых параметрах. Но следует ли из этого, что достаточно иметь модель тюркского праязыка или же некоего «усредненного» тюркского эталона плюс относительно простые правила перехода от него к конкретным тюркским языкам? Ведь это означает, что, например, занимаясь составлением казахско-русского словаря, мы должны будем получать казахский материал не непосредственно, а «через» общетюркский эталон. Вряд ли это разумно (а для ряда аспектов и просто нереалистично).

Скорее всего, машинный фонд тюркских языков должен мыслиться как некий «суперфонд», в котором найдут свое место и общетюркские элементы, прежде всего упоминавшейся выше модели праязыка и его исторической эволюции вплоть до стадии современных языков, и индивидуальные фонды конкретных тюркских языков.

Помимо соотношения тюркских языков друг с другом, в упомянутой статье не отражен, видимо, за недостатком места, и вопрос о соотношении тюркских и «прочих» языков. Одна из важных задач машинного фонда — служить основой для составления переводных словарей и систем автоматического перевода, что предполагает однотипность машинного представления соответствующих языков. В идеале следовало бы стремиться к единообразным (и соединенным в единую сеть) фондам языков мира (ср. проект EUROTRA для девяти официальных языков ЕЭС, в котором можно усмотреть начатки такого подхода). Но уж по меньшей мере нельзя оставлять в стороне проблему взаимодействия машинных фондов языков народов СССР. Невозможно представить себе, чтобы работа над фондом тюркских языков шла независимо от аналогичных разработок по другим языкам страны и, прежде всего, естественно, русскому. На 2-й Всесоюзной конференции по машинному фонду русского языка (Москва, 1987) работала секция по машинным фондам языков народов СССР, вслед за чем было проведено рабочее совещание, специально посвященное этому вопросу (Тбилиси, 1987). По-видимому, назрела необходимость в национальной (общесоюзной) программе, которая определяла бы принципиальные направления разработок — от системы приоритетов и формата описания до вопросов технологии, используемой машинной графики и т. п. В противном случае весьма значительные интеллектуальные и экономические затраты могут привести к достаточно скудным результатам: разрозненным «островкам» машинного представления языковых и лингвистических знаний, плохо рассчитанным на взаимодействие.

Говоря о системе приоритетов, а также о языковых и лингвистических знаниях, мы не можем не учитывать степень объективной подготовленности нашей науки к формальному представлению добытых ею знаний. Было бы, вероятно, чересчур оптимистичным утверждать, что среди тюркологов сейчас существует достаточная ясность и полное согласие относительно оптимального вида грамматики тюркского языка. Оговоримся, что, с нашей точки зрения, грамматику можно считать оптимальной лишь тогда, когда по содержащимся в ней правилам удастся строить все потенциально возможные тексты соответствующего языка, когда по тем же правилам не строятся неверные тексты, когда

правила грамматики достаточны для смысловой интерпретации произвольного текста на данном языке. Разумеется, все это осуществимо лишь при доступности словаря, сопряженного с грамматикой. Пока идеология оптимальной грамматики не разработана (ведь только в последние годы складывается новая ситуация в решении частных проблем тюркского теоретического языкознания), было бы, по-видимому, преждевременным стремиться к ее машинному представлению, имея в виду автоматический перевод, автоматическое реферирование и другие виды автоматической обработки текстов.

Активно разрабатывая теоретические представления, связанные с построением оптимальных грамматик, было бы целесообразно обратить особое внимание на формирование базы данных лингвистических исследований. Прежде всего это программно обеспеченные машинные картотеки, которые предоставляют неограниченные возможности для проверки лингвистических гипотез и составления словарей разных типов. Ведь до сих пор авторы работ по грамматике, формулируя то или иное правило, иллюстрируют его несколькими примерами, и не только читатель, но и сам автор далеко не всегда может с полной уверенностью очертить точные границы сферы действия этого правила. Между тем очевидно, что в рамках оптимальной грамматики, о которой шла речь выше, каждое правило должно действовать на строго определенном фрагменте словаря (в широком смысле, т. е. понимая под словарем любой инвентарь языковых единиц определенного рода). Репрезентативная машинная картотека поможет получить исчерпывающую картину, например, типов глагольного управления, для чего при ручной обработке текстов требуются огромные затраты труда и времени. Аналогично трудоемки выборка и обработка такого текстового явления, как употребление вспомогательных глаголов-модификаторов, выражающих многообразные способы глагольного действия в тюркских языках. На основе машинной обработки в конечном итоге мы получаем лингвистическое знание, которое действительно адекватно отражает языковое. Без помощи компьютера, повторим, такой результат потребует нереалистично больших усилий.

Приоритетность создания базы данных лингвистических исследований, конечно, не означает, что упор делается на исследование текста в ущерб анализу языка. Анализ языка должен реализоваться в конечном счете как создание действующей модели языковой системы. Но ее действие — это порождение и интерпретация текстов. Иначе говоря, в анализе языка мы не только исходим из текста (языкового материала, по Щербе), но и приходим к тексту, оценивая адекватность модели по соответствию порождаемых ею структур структурам естественного текста. Только с помощью компьютера можно рассчитывать на эффективность такого рода оценки модели.

Можно заметить, что опыт создания машинных картотек существует. Достаточно сослаться на разработанный в США «корпус Брауна», к которому обращаются зарубежные англисты уже в течение ряда лет. У нас есть опыт накопления данных, например, на основе текстов М. Ауэзова в творческой группе проф. К. Б. Бектаева. Желательно, максимально используя существующий опыт, уже на самых ранних этапах формировать базы данных таким образом, чтобы они были ориентированы на обслуживание самого широкого круга теоретических и прикладных задач. Мы имеем в виду, прежде всего, то обстоятельство, что если традиционные картотеки носят специализированный характер (лексикографический, синтаксический и т. п.), то машинная база дан-

ных имеет все возможности стать универсальной, генеральной совокупностью языкового материала. Именно при таком подходе наиболее естественным образом будут осуществляться задачи интегрального описания языка, когда словарь и грамматика «настроены» друг на друга и упорядочены в формальном представлении с помощью некоторого единого аппарата.

Необходимо хотя бы кратко затронуть еще один важнейший аспект, который не нашел достаточного отражения в статье, содержащей программу формирования машинного фонда тюркских языков. Мы имеем в виду фонетику современных тюркских языков. Здесь есть два «подаспекта». Один — типологический. Известны работы по машинному накоплению репрезентативных данных о фонологическом репертуаре различных языков. Таков американский проект UCPHSID (UCLA Phonological Segment Inventory Database), который обеспечил данные по согласным и гласным 317 языков мира, отобранных по некоторым параметрам. Было бы естественно иметь полный обзор фонологического репертуара тюркских языков, моделей сингармонизма и т. п.

Более существен, вероятно, второй «подаспект». Следует с самого начала предусмотреть использование богатейших возможностей машинного фонда для моделирования речевой деятельности как восприятия и порождения, анализа и синтеза звучащей речи. Со временем это позволит поставить на серьезную базу разработку устного ввода информации в машину и аналогичного вывода информации, что связано с возможностью решения целого ряда важнейших экономических, социальных и культурных проблем. Соответственно необходимо включить в проект создание фонетического подфонда, куда, как минимум, вошли бы правила автоматической транскрипции словоформ. В дальнейшем необходимо будет разрабатывать правила перехода от транскрипции высказываний, грамматические, семантические и прагматические характеристики которых представлены, к их акустической реализации, и наоборот — от звучащей речи к ее транскрипции и орфографической записи. Это положения из программы-максимум, но их, как представляется, нужно иметь в виду и на начальных этапах разработки общей стратегии.

Наконец, в заключение нельзя не упомянуть кадровый и организационный аспекты. Вполне понятно, что создание машинного фонда предполагает участие достаточного числа специалистов со знанием материала, лингвистической теории и обладающих по меньшей мере компьютерной грамотностью. Таковых в настоящее время единицы (для сравнения отметим, что в США подготовка аспирантов по специальности «вычислительная лингвистика» организована в 67 университетах). Следовало бы предусмотреть систему мер (занятия студентов-тюркологов по индивидуальным планам, аспирантура, стажировка и т. п., скажем, при Московском, Ленинградском, Новосибирском университетах, в центрах компьютерной лингвистики и пр.), без которых ценная и своевременная идея создания машинного фонда тюркских языков в лучшем случае будет воплощаться в жизнь неопределенно долгое время, в худшем же — просто повиснет в воздухе.

Т. П. ДАДАШЕВ

О РЕФОРМЕ АЛФАВИТА В ТУРЦИИ

Важнейшим итогом Турецкой буржуазной революции было крушение феодально-теократической Османской империи. Упразднение султаната (1. XI 1922) и провозглашение республиканской формы правления (29. X 1923) означали укрепление политической независимости молодого турецкого государства и создавали необходимые предпосылки и условия для проведения последующих буржуазных реформ, направленных на ликвидацию пережитков средневековья в области социально-экономических отношений, государственно-правового устройства и быта.

Турецкая национальная буржуазия, пришедшая к власти, приступила к проведению ряда реформ и в области культурного строительства. Указывая на необходимость этих преобразований для Турции, Мустафа Кемаль еще в октябре 1922 г. говорил: «...после этой борьбы [1], продолжавшейся три с половиной года, мы продолжим борьбу в области науки, просвещения и культуры. Я уверен, что и на этом поприще мы одержим победу» [2. С. 143].

В числе разнообразных культурных преобразований, проводившихся кемалистским правительством, была и реформа в области латинизации турецкого алфавита в 1928 г., явившаяся значительным событием в культурной жизни страны. Это прогрессивное мероприятие вызвало сильный протест не только со стороны реакционно настроенных элементов, но даже многих сторонников нового режима, выступавших против введения в Турции нового, латинского, алфавита вместо старого арабского.

Известно, что как на подготовку, так и на осуществление реформы турецкой письменности огромное влияние оказала реформа письменности в тюркоязычных республиках и областях СССР, прежде всего в Советском Азербайджане. Опыт Азербайджана, по признанию министерства национального просвещения Турции, по введению латинского алфавита был использован Турецкой Республикой еще на начальном этапе культурной революции [3. С. 38—40].

Весьма важная роль в деле принятия Турцией латинского алфавита принадлежит Первому тюркологическому съезду, прошедшему в феврале 1926 г. в Баку, в работе которого участвовали и видные ученые-востоковеды из Москвы, Ленинграда (С. Ф. Ольденбург, Н. А. Самойлович и др.), немецкий востоковед Менцель, турецкие ученые Мехмет Фуат Кепрюлю, Исмайыл Хикмет и др. [4].

На съезде было принято решение о введении латинского алфавита для тюркоязычных народов СССР, повлиявшее на ускорение процесса

принятия данного алфавита и в Турции. Однако в этом были заинтересованы только представители прогрессивной общественности Турции (в 1923—1925 гг. были предприняты две безуспешные попытки в этой области культурно-языковой политики [5. С. 259]).

Вскоре после бакинского съезда в турецкой прессе появились благоприятные комментарии официальных кругов о необходимости перехода на латинский алфавит. Так, например, газета «Миллиет» 12 марта 1926 г. писала: «Турции пора принять новый латинский алфавит. К этому нас призывает и бакинский съезд. Мы должны прислушаться к его голосу [6]. Материалы аналогичного содержания печатались в 1926 и 1927 гг. и в газете «Джумхуриет» [7. С. 119].

За проведение этой реформы выступали и государственные деятели Турецкой Республики; решающее значение для принятия нового алфавита имело выступление основателя и первого президента Турецкой Республики Мустафы Кемаля 9 августа 1928 г. перед общественностью страны. Он, в частности, заявил: «Граждане, мы должны принять новый алфавит для нашего прекрасно звучащего языка. Мы должны освободиться от этих непонятных нам знаков, в железных тисках которых наш мозг томится в течение веков... Научитесь без промедления этим турецким-латинским буквам. Обучите им весь народ, крестьян, пастухов, грузчиков и лотошников. Рассматривайте это как патриотический и национальный долг» [8. С. 243].

Вскоре после этого выступления вопрос о замене алфавита был поставлен на обсуждение в меджлисе, где благодаря решительным действиям Мустафы Кемаля и его единомышленников 1 ноября 1928 г. удалось провести закон о новом алфавите, гласивший, что «существующий до сих пор старый арабский алфавит заменяется новым, латинским, алфавитом... что все государственные учреждения и частные организации обязаны применять в своей повседневной работе новый алфавит как официальный алфавит» [9. С. 3—4].

Изучение и распространение нового алфавита первоначально было связано с некоторыми трудностями, так как в стране было мало людей, знающих его. Для изучения нового алфавита правительством республики были организованы более 30 специальных кратковременных (двухмесячных) курсов, преподавателями которых в первое время были видные общественные и государственные деятели. Так, например, Мустафа Кемаль несколько раз участвовал в работе курсов в городах Бурсе, Сивасе [10. С. 199]. Курсы ускорили процесс подготовки педагогических кадров. Было выпущено 4 000 школьных учителей.

В целях скорейшего распространения нового алфавита правительство Турецкой Республики приняло также специальное постановление об открытии так называемых «национальных школ» («миллет мектеблери»), основной задачей которых являлось обучение граждан письму и чтению на новом алфавите. Для школ отводились помещения государственных учреждений, клубов, общественных организаций, здания бывших духовных школ—медресе [11].

Открытие первых национальных школ состоялось в декабре 1928 г. В начале 1929 г. в стране уже функционировало более 1 000 таких школ, в которых 600 тыс. граждан молодой республики овладевали новым алфавитом. Национальные школы способствовали повышению грамотности, уровня культуры страны. Переход на новый алфавит, говорил министр просвещения Турции Васиф-бей, шел настолько успешно и быстро, что в 1929 г. почти все учебные заведения в системе народного образования и государственные учреждения работали на базе нового алфавита. В течение первой половины 30-х годов около 3 млн.

турецких граждан овладели новым алфавитом [12. С. 1680].

После смерти Кемалья Ататюрка в 1938 г. реакционные силы страны в течение 40 лет неоднократно выступали с требованием вернуть Турцию к арабскому алфавиту [13. С. 49—50; 14. С. 42]. Однако, следуя заветам Кемалья Ататюрка, прогрессивные деятели культуры каждый раз решительно защищали и отстаивали принципы неприкосновенности и необходимости для Турецкой Республики латинского алфавита.

Проведенные кемалистским правительством в 1928 г. реформы в области письменности явились серьезным шагом в истории культуры республиканской Турции, сыграли прогрессивную роль в социально-политическом развитии страны.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ 20-е годы в Турции были ознаменованы победой национально-освободительного движения, возглавляемого национальной буржуазией. Национально-освободительная борьба турецкого народа длилась с 1919 по 1922 г. и предотвратила начавшийся дележ страны империалистическими державами.

² Atatürkün söylev ve demecleri. Ankara, 1946. С. 2.

³ Дадашев Т. П. Просвещение в Турции в новейшее время. М., 1972.

⁴ Первый Всесоюзный тюркологический съезд. Баку, 1926.

⁵ İnan Afet. Atatürkten düşünceler. Ankara, 1958. 2 h.

⁶ Milliyet. 1926. 12. III.

⁷ Sami Ozerdin. Harî devrinin uykusı. Ankara, 1962.

⁸ Речи и выступления Кемалья Ататюрка. М., 1966.

⁹ См.: Düstur. Ankara, 1934. С. 10, 1 h.

¹⁰ Karal E. Z. Türkiye Cumhuriyeti tarihi. İstanbul, 1960.

¹¹ Milliyet. 1929. 27. IV.

¹² Ergin Osman. Türkiye maarif tarihi. Ankara, 1946. С. 5.

¹³ Yavuz Fehmi. Din eğitimi ve topluluk. Ankara, 1970.

¹⁴ Колесников А. А. Народные дома в общественно-политической и культурной жизни Турецкой Республики. М., 1984.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

А. ДЖ. ГАДЖИЕВ. ЭТАПЫ ЛИТЕРАТУРНОГО БРАТСТВА

БАКУ: ЯЗЫЧЫ, 1986.

Азербайджанскими учеными накоплен определенный опыт в области изучения межлитературных отношений Азербайджана и России, и каждый новый шаг в этом направлении способствует освещению того или иного аспекта этой многогранной проблемы. Одной из таких работ является монографическое исследование проф. А. Дж. Гаджиева «Этапы литературного братства», основная задача которого, по словам автора, «заключена в том, чтобы на материале русской литературы прошлого столетия проследить истоки и важнейшие этапы русско-азербайджанских и русско-кавказских литературных взаимоотношений... установить эволюцию восприятия кавказско-азербайджанского региона в тогдашней России, изучить формы освоения местной действительности и литературных традиций русской словесностью» (с. 10).

Вероятно, логичнее было бы говорить об освоении словесностью не «местной действительности», а тематики, связанной с этой действительностью. Без сомнения, именно тематику и имел в виду автор. И этому исследованию кавказской, в частности азербайджанской, тематики в произведениях русских писателей, собственно, и посвящена книга.

Следует отметить, что приращение отражения в литературе инонациональной действительности к разряду межлитературных отношений не всегда выдерживает критику, поскольку разработка в произведении инонациональной тематики зачастую представляет собой пример межнациональных (но не межлитературных!) отношений, когда художественное отражение жизни другого народа не имеет ничего общего с инонациональным литературным процессом. Подлинно же научного интереса заслуживают

те произведения, в которых отразились «инонациональные литературные стимулы» (Д. Дюришин), т. е. в которых тема, сюжет разработаны в соприкосновении с определенной инонациональной традицией, художественным опытом. Надобно сказать, что в рецензируемой монографии наблюдаются попытки подобных изысканий.

Нельзя не отметить продуманности композиции работы, в которой весьма прозрачно просматривается логический ход исследовательской мысли: от личных контактов русских и кавказских писателей — к литературным интересам русских писателей к восточной (в частности азербайджанской) литературе и далее — к творческому осмыслению тематики и традиций восточных литератур, приобретенному к началу века взаимный характер. Указанные «формы освоения» соответственно рассматриваются в четырех главах монографии, причем во всех случаях реципиентом выступает русская литература, а в IV главе прослежен и обратный процесс, когда воспринимающей стороной является азербайджанская литература конца XIX—нач. XX в.

Исследуя этапы² межнациональных отношений азербайджанского и русского народов, автор высказывает новую точку зрения на вопрос о периодизации русско-азербайджанских литературных связей в XIX в., пытаясь «расширить» ее хронологические рубежи. Так, исследователь привлекает внимание к целому ряду «второстепенных» деятелей русской литературы, давших еще в 20—30-х годах «русскому читателю первые... сведения о культуре, литературе, истории, быте и нравах азербайджанского народа, заложив тем самым начало русско-азербайджанским литературным связям» (с. 29). Разумеется, литературный процесс

¹ В то же время некоторые исследователи называют возникновение и развитие в литературе инонациональной тематики «формой творческого взаимодействия литератур» (См.: Материалы Первой научной сессии, посвященной литературным связям народов. Изд-во ТГУ, 1962. С. 26).

² Думается, слово «этапы» в заглавии монографии употреблено условно, поскольку хронология явлений, рассматриваемых в каждой последующей главе, не отвечает восходящему принципу; речь идет, скорее всего, о различных уровнях межлитературного восприятия.

складывается из целого ряда различных течений и тенденций, и игнорирование «второстепенных» компонентов чревато неполнотой его изучения, выводов о нем. И восстановление забытых имен, фактов в аспекте рассматриваемой проблемы представляется весьма ценным в информативно-познавательном плане. Однако не совсем правомерной, на наш взгляд, следует считать критику в адрес Ш. К. Курбанова, в известной периодизации которого первым этапом азербайджанско-русских литературных связей считаются 30—40-е годы прошлого века. Ведь у Ш. К. Курбанова предметом исследования являлись литературные связи, и речь идет о профессиональных литераторах, тогда как представителями «массовой» литературы, о которых говорится в рецензируемой монографии, являются «некий Николай Пельт», «И. К.», декабрист М. А. Назимов, кавказовед Н. А. Нефедьев (в книге рассмотрены даже первые очерки известного художника М. О. Микешина), а публикации (главным образом путевые очерки) этих авторов содержат первые, весьма ценные для русского читателя сведения об истории, этнографии, географии, быте, культуре азербайджанцев.

Обращают на себя внимание попытки автора вывести оценочные суждения в плане соотносительности воспринимаемого явления с закономерностями развития воспринимающей, т. е. русской, литературы, что представляется концептуальным моментом. В частности, это относится к эволюции очерковых жанров в русской литературе, вопросу о роли в их развитии кавказской тематики. Особенно интересно, на наш взгляд, рассматривается это на материале творчества А. Бестужева-Марлинского, «кавказские» связи которого известны главным образом благодаря биографическим моментам, а также художественным произведениям. Вполне убеждают доводы автора, который исходит из анализа содержания и композиционного «приема возвращения», относительно того, что «путешествие» А. Марлинского, состоящее из отдельных озаглавленных очерков, представляет собой единое целое — вопреки традиции рассматривать очерки как самостоятельные произведения.

Автор приходит к выводу, что здесь впервые представители местного населения показаны русскому читателю в качестве положительных героев, причем отмечаются реалистические моменты в их изображении, сознательное принятие восточной экзотики. Весьма ценным представляется заключение о том, что «азербайджанские очерки Марлинского — ...новый важный шаг в истории русской очеркистики. Их появление свидетельствует о том, что наступило время реалистически рассказать о Кавказе... найти новые методы для изображения этого края, для дальнейшего развития русского очерка и русской прозы в целом» (с. 42).

Определенной оригинальностью отличается принцип, по которому отобран материал для второй главы. Здесь речь идет о «кавказских» произведениях русских классиков, не бывавших на Кавказе, т. е. основанных исключительно на литературных интересах: П. А. Катенина, В. А. Жуковского, Н. Г. Чернышевского. Правда, П. А. Катенин был сослан на Кавказ, но произведение, рассматриваемое в монографии, было создано им до ссылки. Это поэма «Княжна Милуша» (1834), публикация которой, по намерениям ее автора, должна была подорвать авторитет произведений, изображавших Кавказ в романтическом ореоле.

Анализ идейной направленности, стилиевой манеры, образно-понятийного содержания произведения приводит А. Дж. Гаджиева к выводу об элементах реалистического подхода автора к теме Кавказа, о поиске им новых путей для освоения этой темы. Впрочем, этот вывод, равно как и другие наблюдения, связанные с кавказским творчеством П. А. Катенина, знакомы нам по первой монографии автора³, где материал рассмотрен в главе с характерным названием: «На путях реалистического освоения Кавказа»; неслучайно здесь же речь идет о кавказских очерках Марлинского. С выводами автора о преодолении в русской литературе той эпохи романтического подхода к теме Кавказа трудно не согласиться.

Несколько спорным представляется мнение относительно жанровой дефиниции «Княжны Милуши», которую А. Дж. Гаджиев считает подражанием «Руслану и Людмиле» вопреки традиции рассматривать эту поэму как пародию на пушкинское произведение. Причем в качестве аргумента Гаджиев приводит высказывание самого А. С. Пушкина, считавшего «Милушу» лучшим произведением Катенина. Думается, что подобный довод нельзя считать вполне правомерным, тем более если учесть объективность А. С. Пушкина, который в статье «Опровержение на критику» (1830), отвечая критикам поэмы «Руслан и Людмила», указывает и на «Вопросы неизвестного» («Сын Отечества». 1820. № 38), которые называет «дельными», изобличающими «слабость создания поэмы» (Пушкин. Т. 7. С. 169). «Вопросы» были напечатаны за подписью NN; считается, что их автором был Д. П. Зыков, друг Катенина, хотя Пушкин причислял к авторству самого Катенина⁴. Кроме того, еще через три года в статье «Сочинения и переводы в стихах Павла Катенина» Пушкин дал высокую оценку творчеству поэта, на которую и ссылается А. Гаджиев. Пушкин с присущей ему широтой мышления вполне мог положительно отзываться и о талантливой пародии на свое произведение. Что же

³ Гаджиев Агиль. Кавказ в русской литературе первой половины XIX века. Баку: Язычы, 1981.

⁴ См.: Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. М., 1957. Т. 4. С. 580.

кается вопроса о том, мог ли Катенин написать пародию на «Руслана и Людмилу», то ответить на него можно также вполне утвердительно, если вспомнить его (или разделявшего его взгляды Зыкова) отмеченную выше критическую публикацию о пушкинской поэме. Кроме того, в пользу пародии говорит сам замысел автора поэмы «Княжна Милуша» — «подорвать авторитет романтических произведений... в стиле Марлинского» (с. 69) — вкуче с ее шутивно-игривым тоном, бурлескными выпадами.

Обзор творчества В. А. Жуковского в плане ориентальных литературных интересов позволяет автору монографии сделать вывод, что стихотворение поэта «К Воейкову» (1814) хронологически явилось едва ли не первым «кавказским произведением» в русской литературе, фактически заложившим традицию творческого освоения темы Кавказа. Наряду с кавказскими стихотворениями, особое место уделено общеориентальным интересам В. А. Жуковского, выразившимся в его переводческой деятельности. Причем подчеркивается, что оригиналом Жуковскому служила так называемая псевдovосточная поэзия, т. е. ориентальные произведения западно-европейских поэтов (Шиллера, Мура, Мильвуа), тематика которых, в свою очередь, побудила его к переводам оригинальных восточных произведений («Наль и Дамайянт» из «Махабхараты», «Рустем и Зохраб» из «Шах-наме»), правда, на основе переводов Ф. Рюккерта. При оценке обоих этих видов переводческой деятельности поэта автор монографии исходит из верного правила оценивать переводы В. Жуковского не с точки зрения точности, а в плане истории русской литературы, т. е. на более высоких уровнях: жанра, стиля, метода, течения. Так, утверждается, что «переведенные Жуковским произведения Шиллера, Мильвуа, Мура внесли определенный вклад в становление и развитие русского романтизма, утверждавшего себя в эти годы... и обращением к теме Востока» (с. 82), а «восточные переводы Жуковского сыграли выдающуюся роль в ознакомлении русской читающей публики с Востоком, оставаясь на протяжении многих десятилетий единственными их переложениями на русский язык» (с. 86). Автор затрагивает также вопрос, связанный с распространением творчества Жуковского в Азербайджане (азербайджанские издания, критические публикации).

Аспект критического истолкования инонационального творчества прослежен в монографии и в связи с вопросом об интересе к Востоку Н. Г. Чернышевского. В частности, отмечается известная в нашем литературоведении (на что ссылается автор) рецензия русского писателя на перевод эпоса «Кероглу», сделанный С. С. Пенном, высказывания о восточных, в том числе азербайджанских, классиках (Саади, Низами, Фирдоуси, М. Ф. Ахундове). В данном разделе межлитературные отношения

рассматриваются и на уровне творческого усвоения, т. е. так называемого влияния. Речь идет о романе Чернышевского «Повести в повести». Здесь мы имеем один из немногих случаев в истории изучения проблемы «влияний — заимствований», когда исследователь может опираться на признание самого писателя: «Мой роман... прямо вышел из моей любви к прелестным сказкам „Тысячи и одной ночи“... влияние сказок „Тысячи и одной ночи“ господствует в моей переработке материала. Даже форма перенеслась в мой сборник из арабских сказок». Справедливость данного признания иллюстрируется на примерах сопоставлений сюжетно-композиционных созвучий обоих произведений, в которых реальность сливается с фантастикой. Вместе с тем подчеркивается обращенность романа с включенными в него сказками к современникам автора. Показано также использование Чернышевским формы восточной словесности в политическом памфлете «Кормило кормчему» с подзаголовком «перевод с татарского».

Проблема творческого осмысления восточной литературы, попытки исследования которой наблюдались в разделе о Чернышевском, посвящена следующая глава монографии. Данный вопрос рассмотрен на таких уровнях творческого усвоения, как тема соловья и розы (наверное, вернее было бы говорить в данном случае о мотиве), сфрагиды, жанровые традиции Востока в русской литературе. Так, автор довольно тщательно прослеживает всевозможные интерпретации такой любовной символики, как соловей и роза (в том числе вариации: мотылек и роза, соловей и малиновка, зعفر и роза, соловей и черемуха, соловей и сирень), в творчестве русских поэтов: А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, А. И. Полежаева, А. В. Кольцова, П. А. Катенина, Д. В. Веневитинова, А. А. Дельвига, Д. П. Ознобишина, С. Е. Раича, А. А. Якубовича и др.). Причем речь идет не просто о традиционном использовании восточного мотива, но и о попытках преодолеть восточный орнамент, что имело следствием обогащение русской поэзии новыми образами, мотивами, символикой.

Автор отмечает, что особенно часто обращались к ним те поэты, творчество которых связано с Востоком, причем в период обострения интереса к Востоку.

Данный вывод равно справедлив и в отношении использования русскими поэтами сфрагиды (А. Пушкин, А. Бестужев-Марлинский, В. Кюхельбекер, А. Полежаев, Д. Давыдов, Д. Хвостов и др.). Исследование этого вопроса не ограничивается констатацией случаев использования указанного восточного поэтического приема в произведениях русских авторов: в работе прослежены различные цели в применении сфрагиды — это и способ «ведения борьбы» (у Г. Р. Державина), и «нанесение ударов по литературным противникам»

(у А. Е. Измайлова), и «открытая литературная борьба» (у А. Воейкова), и просто повторение традиции (у А. С. Пушкина, В. Кюхельбекера, П. Вяземского), и шуточный прием (у А. Пушкина, Н. Кукольника, А. Фета и др.). В отличие от восточных поэтов, как отмечает автор, в русской литературе сфрагида использовалась не только в конце, но и в середине стихотворения.

С изучением вопроса об использовании сфрагиды связана научная находка А. Гаджиева, заключающаяся в установлении им авторства анонимно изданной в 1828 г. в Москве книги «Песни Золотого рожка». Трудно не согласиться с логически выстроенной системой суждений, убеждающей нас в том, что автором книги был известный издатель и поэт Дм. Новиков. Причем сфрагида здесь — лишь одно из звеньев в цепи аргументов: автор довольно обстоятельно прослеживает со звуочность содержания, образной системы этого произведения другим образцам творчества Новикова. Кроме того, показано, что деятельность писателя развивалась в русле основных тенденций современного ему литературного процесса: и его обращение к теме Востока, популярной тогда в романтической литературе (в том числе в очерках о путешествии по Кавказу—Крым), и общность с исканиями реалистов.

В книге затронут вопрос об использовании в русской поэзии жанровых традиций Востока. Анализируя целый ряд подражательных произведений (газелей, касыдов, апологов, притч), автор отмечает здесь два аспекта: литературный и общественно-политический. В первом случае речь идет о «творческом освоении канонов восточной поэзии русскими поэтами», причем имеются в виду главным образом более или менее искусные переводы (Ю. Познанского, Д. Оздобинина-Делибюрадера, П. Вяземского, П. Петрова и др.). Успехи и неудачи переводческих попыток, в том числе поэтических стилизаций, способствовали утверждению в русской литературе восточной тематики. Что касается общественно-политического аспекта использования жанровых традиций восточной литературы, то речь идет об апологах и притчах (в том числе о таких произведениях, как «Жалобы турка», «Три пальмы» М. Лермонтова, «Визирь Гассан», «Язык и зубы» П. Вяземского и др.), в которых за внешней восточной орнаментовкой и атрибутикой содержались иносказательные намеки на социальное положение в родной стране. Анализ «восточных жанров» в русской литературе приводит автора к выводу не только о тематическом и жанровом обогащении русской поэзии, но и о расширении возможностей ее социальной лирики.

В последней главе исследователь рассматривает азербайджанско-русские литературные отношения (за исключением раздела о русских изданиях и переводах Низами), когда реципиентом выступают азербайджанская литература и критика.

Причем в этой главе перемещаются и хронологические рубежи предмета исследования, которые охватывают и первое десятилетие XX в., в чем, видимо, следует усматривать стремление автора представить полную картину литературных отношений. Анализ ведется на уровне персоналий — Н. В. Гоголя, М. Е. Салтыкова-Щедрина, А. П. Чехова, А. Н. Майкова (применительно к последнему речь идет об установлении авторства его стихотворения «Пери и Азраил» и оценке азербайджанского перевода). Предметом изысканий служат главным образом критические публикации об указанных классиках, переводы, издания их произведений в Азербайджане. Обращает на себя внимание скрупулезность, с которой автор отмечает, приводя даже количественные данные, случаи упоминания, скажем, Гоголя в азербайджанской прессе; при этом приводятся всевозможные виды аллюзии — цитации, упоминания автора, парафразы, эпитафии и т. д. Есть в этих разделах известные вещи, однако систематизированные исследователем в соответствии с целями монографии, но есть и моменты, представляющие несомненный интерес. Так, весьма аргументированно опровергается предположение относительно перевода «Пери и Азраила», который до сего времени считался (согласно утверждению обнаружившего его А. Зейналова) выполненным со стихотворения Салтыкова-Щедрина. Опираясь на исторические факты, текстологические сличения, А. Гаджиев убеждает читателя, что оригиналом отмеченному переводу послужило одноименное стихотворение А. Н. Майкова, и таким образом как бы «вписывает» в страницы истории литературных отношений азербайджанского и русского народов еще одно имя. Далее, прослеживая историю азербайджанских переводов из Чехова, автор пытается вскрыть мотивы обращения к тот период (начало XX в.) к творчеству русского классика, а также определить роль дореволюционных переводов (А. Гусейнзаде, Ф. Кочарли, А. Ахвердова, А. Шаига, Э. Султанова) в зарождении в азербайджанской литературе нового для нее жанра — рассказа⁵.

Вполне закономерен вывод автора монографии о том, что соприкосновение с восточной, в частности с азербайджанской, литературой на рассмотренных уровнях ввело в русскую литературу новые образы и идеи, темы и мотивы, расширило ее жанровый диапазон, внесло новую живитель-

⁵ Вызывают некоторые возражения такие дефиниции, как «азербайджанское гоголеведение» либо «чехововедение», характерные и для исследований других авторов. Вряд ли оправдана подобная дифференциация «литературоведческих отраслей» при их общем предмете, целях, методологии исследования.

ную струю, обогатило лексику эпических произведений многочисленными лексическими пластами местного происхождения. В целом монография А. Гаджиева, без сомнения, расширяет существующие знания и представления о межлитературных

отношениях азербайджанского и русского народов, обогащая их новыми сведениями; фактами, а также новыми аспектами их научной интерпретации.

С. Османлы

Ф. С. ХАКИМЗЯНОВ. ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ И ИХ ЯЗЫК

М.: НАУКА, 1987. 192 с.

Д. Г. МУХАМЕТШИН, Ф. С. ХАКИМЗЯНОВ. ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ГОРОДА БУЛГАРА

КАЗАНЬ: ТАТКНИГОИЗДАТ, 1987. 128 с.

Рецензируемые книги — заметное явление в отечественном булгароведении. Продолжая своеобразную серию работ об эпиграфических памятниках Волжской Булгарии и вовлекая в научный оборот новые надписи, авторы их определяют дальнейшие разыскания в этой области.

Монография Ф. С. Хакимзянова, развивающая исследования о языке эпитафий Волжской Булгарии¹, несомненно, представляет собой один из наиболее интересных трудов по булгароведению последних лет.

В первой главе («Формы существования языка в Волжской Булгарии») анализируются экстралингвистические факторы, в той или иной степени повлиявшие на языковую ситуацию в регионе. По словам автора, «языковая стратификация Волжской Булгарии в начальный период ее образования была многоплановой ввиду того, что в один союз объединены как родственные, так и неродственные тюркские племена, а также племена с языками иной структуры (финно-угорские и, возможно, славянские)». Результатом общения людей с разными языками (диалектами) должно было стать появление обиходно-бытовой речи наддиалектного образования, т. е. койне, и прежде всего — городского койне г. Булгара. Наличие в союзе племен 3-язычных племен, их тесные этнокультурные и экономические связи с племенами сопредельных территорий, прибытие большого числа представителей духовенства и их последователей из

Средней Азии и ряд других факторов предопределили общетюркский характер этого койне.

Встречающиеся же в ряде случаев при раскрытии языковой ситуации определенные трудности объясняются, скорее всего, скудостью языкового материала, и потому предложенную систему «местные говоры — наддиалектное койне — вариативный литературный язык», видимо, следует принять за возможную модель функциональной парадигмы.

Вторая глава монографии посвящена общей характеристике эпитафий XIII—XIV вв. и аргументации существования трех центров резьбы по камню. Автор совершенно однозначно связывает появление каменных плит с надписями с общим развитием каменного строительства в Волжской Булгарии. Иногда архитектурными деталями построек служили заготовки, по тем или иным причинам непригодные для надгробий. Автор, насколько нам известно, впервые упоминает о существовании в Болгарском заповеднике самого раннего среди сохранившихся памятников — эпитафии 1271 г.

Проанализировав сотни памятников, Ф. С. Хакимзянов приходит к очень важному выводу о том, что все надписи на арабском, тюркском 3- и р-языках сделаны в одном и том же хронологическом отрезке времени и к указанным центрам по изготовлению надмогильных плит в языковом плане никакого отношения не имеют. Тем самым отвергается тезис некоторых исследователей о последовательном превращении р-языка в обычный 3-язык. Кроме того, по мнению автора, р-язычные памят-

¹ Хакимзянов Ф. С. Язык эпитафий волжских булгар. М., 1978.

ники нельзя делать достоянием только одного племени, а 3-язычные — только другого. С этой точки зрения большую ценность, на наш взгляд, представляет памятник 1311 г. из г. Чистополя ТАССР (рис. 3 — с. 95). Тот факт, что надпись на этом памятнике выполнена на двух языках, можно считать проявлением тех функциональных языков, которые были понятны волжским булгарам (с. 7).

Большая часть монографии — это языковедческий анализ 3-язычных надписей, т. е. эпитафий I стиля: в главах III—V рассматриваются графофонетика надписей, их морфология и лексика (сюда же включен глоссарий). Несомненно, автором впервые так масштабно описан язык данной группы памятников Волжской Булгарии. В фонетической системе надписей констатируется тождество со звуковым составом древнетюркских памятников: в ней нет ротацизма, ламбдаизма, сохранили свое качество увулярные смычные γ и q , присутствует носовая η , чего нельзя сказать о языке другой группы эпитафий. Более того, автором отмечена причастная форма с - qan ($tärbijä qılqan$ 'воспитавший', $gijmarät qılqan$ 'воздвигавший'), свойственная кыпчакским памятникам. При наращении же к форманту причастия аффикса местного падежа употребляется форма с - $gän$: $kilgändä$ 'когда достиг'. Рассмотрев морфологический строй надписей, автор делает вывод о превалировании в них кыпчакских особенностей, причем на всех уровнях языка. Употребление же показателя исходного падежа - din , числительное $elig$ 'пятьдесят', по мнению Ф. С. Хакимзянова, есть результат сильного влияния уйгурской литературной традиции и книжного языка, хотя, на наш взгляд, числительное $elig$ можно было бы отнести и к древнетюркскому наследию. И все же язык рассматриваемых памятников, несмотря на то, что автором высказывается мысль о варианте средневекового тюркского литературного языка, обогащенного кыпчакскими элементами (с. 14), и поставлен вопрос о письменной форме булгарского общенародного койне (с. 12), однозначно не определен. Видимо, эта проблема до-прежнему ждет своего решения.

Самостоятельную исследовательскую ценность представляет словарь лексем (только почему-то он назван глоссарием). Употребленные формы каждого слова (с указанием памятника) приведены в латинской транскрипции (хотя не мешало бы дать оригинальное начертание). Статьи снабжены сравнительным материалом из современных тюркских языков и средне-тюркских письменных памятников; предприняты попытки этимологизирования слов. Рядом со словоформами помещены и аффиксальные морфемы, правда, без характеристик. Однако в словарь почему-то не включены антропонимы (они поданы списком в приложении).

В целом исследование Ф. С. Хакимзянова достаточно полно отражает состояние язы-

ка 3-язычных памятников и языковую ситуацию в средневековой Волжской Булгарии. И все же читателю, как нам кажется, нелегко представить цельную языковую сущность эпиграфики Волжской Булгарии лишь на его основе, ибо отличие p -язычной группы в языковом плане довольно существенно. Автор отсылает читателя к специальной работе по языку этих эпитафий (кстати, давно ставшей библиографической редкостью из-за малого тиража), однако для полноты восприятия ее основные моменты он мог бы привести и в своем труде. Кроме того, желательно было бы более подробно, чем это сделано, остановиться на тех классификационных принципах и конкретных стилистических особенностях, которые позволили определить центры резьбы по камню.

К несомненным достоинствам книги следует отнести и приложение к ней 45 новых и ранее известных фотографий памятников XIII—XIV вв. с текстом, транскрибированным арабицей, переводом и справочным материалом (для удобства 3-язычные тексты представлены отдельным альбомом).

Вторая книга (авторы Д. Г. Мухаметшин и Ф. С. Хакимзянов), формально посвященная эпиграфике г. Булгара, по своему содержанию выходит за рамки указанной тематики. Авторы ее попытались донести до читателя важность и ценность надписей на камнях как отражения человеческой культуры вообще и охарактеризовать содержание всего эпитафийного наследия волжских булгар.

В соответствии со своими теоретическими взглядами на сущность языка эпиграфических памятников авторы считают, что «функциональная принадлежность памятников никак не способствовала отражению на них говора „улицы“, поэтому рядом с кораническими формулами мог соседствовать лишь язык ислама — арабский, язык предков или же литературный язык, — все зависело от социолингвистической ситуации» (с. 62). В дальнейшем все языковые проблемы рассматриваются исходя из этой концепции.

Для правильного прочтения и толкования слов должны быть поняты, прежде всего, взаимоотношения письменного и устного языков. Надписи на камнях не являются транскрипцией устно-звуковых данных, и потому здесь правомерно ожидать некое несоответствие². Сгруппировав с учетом этого графическое выражение некоторых звуков, авторы пришли к выводу о специфичности системы графики. Например, جیات 'семь' они предложили читать как žeti , и это подкрепляется инвариантами без срединного алифа и передачей одного звука сочетанием нескольких графем в ряде языков (с. 77, 107).

² О методике чтения надписей см.: Хакимзянов Ф. С. Язык эпитафий волжских булгар. С. 50—57.

Для объяснения лексического богатства надписей Д. Г. Мухаметшин и Ф. С. Хазимзянов привлекли факты из тюркских языков и памятников. Любопытны параллели между сложными этнонимами *мюн-сугар*, *мюн-бюляр* из эпитафий и названием тюркского племени *мин*, представители которого в VII—VIII вв. входили в конфедерацию токуз-огузов.

Насколько нам известно, в «Эпиграфических памятниках города» впервые сообщается о наличии в надмогильных текстах слова *йал* <эль 'народ; племенной союз; государство; страна', трактуемого авторами как

«род» или «племя» (с. 114). Дано новое толкование слова *урум*. Оно обозначает этническую принадлежность, а не место рождения — лакаб (с. 116—118).

Книга богато иллюстрирована и написана ясным языком, доступным для широкого круга читателей.

Рецензируемые книги ценны не только своими выводами и введением в научный оборот новых материалов, но и тем, что они могут послужить надежной источниковой базой для дальнейших исследований.

А. А. Чеченов

Д. Г. ТУМАШЕВА. ТАТАРСКИЙ ГЛАГОЛ: ОПЫТ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ

КАЗАНЬ, 1986.

Монография д-ра филол. наук Д. Г. Тумашевой является заметным событием в тюркологии. Такая значимость этой работы определяется прежде всего теоретическими установками автора, а именно функционально-семантическим подходом к истолкованию фактов языка.

Использование новейшей методики анализа языковых фактов позволило автору монографии критически подойти к оценке отдельных грамматических категорий в татарском языке. Эти вопросы рассматриваются в специальном разделе книги — «Изучение грамматических категорий времени, наклонения и лица в татарском языкознании».

Поскольку в функциональной грамматике наиболее важен путь описания «от содержания к форме», автор монографии останавливается на трех семантических доминантах: темпоральности, модальности и персональности, которые функционально объединяются предикативностью. Рассмотрение средств представления этих смысловых заданий ограничено в работе набором глагольных форм и конструкций; другие взаимодействующие языковые ярусы затрагиваются попутно. В центре внимания автора оказались грамматизированные и полуграмматизированные сочетания глагольных форм, составляющие формально-грамматическое ядро привлеченных полей. Эти формы, закрепленные узואльно, демонстрируют пути специализации грамматических показателей для выражения опреде-

ленных смыслов, что важно при показе развития грамматической системы языка.

Привлечение диалектных и разговорно-речевых явлений, несомненно, расширило базу описания и иллюстрирует подвижность языковой системы, ее открытость.

Д. Г. Тумашева, верно определив направление анализа материала и методику изложения теоретических положений, рассмотрела в своей работе именно те стороны грамматического строя татарского языка, которые недостаточно разработаны в грамматиках. Тем самым ее книга может рассматриваться как значительный вклад в теоретическую грамматику не только татарского, но и других тюркских языков.

В разделе «Темпоральность» тщательно-му анализу подвергается семантическая структура временных форм татарского глагола. Примечательно, что формы времени противопоставляются друг другу не только по их отношению к моменту речи, но и по модальным и аспектуальным признакам. Использование автором учения об аспектуальном характере временных форм тюркского глагола согласуется с новейшими достижениями аспектологии. Аспектуальные признаки (динамичность—статичность, целостность, процессуальность, итеративность и пр.) играют значительную роль в семантической организации временной системы, и хорошо, что автор так подробно описывает их в своей работе. В то же время темпоральные и аспектуальные семьи характер-

ни и для периферийных компонентов поля. В плане «от значения к форме» в монографии подробно описывается ряд морфологизованных глагольных конструкций, аналитических форм, имеющих значения, синонимические изъяснительному наклонению. В единой системе разбирается также темпоральность неличных форм, и тут Д. Г. Тумашева вводит в татарскую грамматику довольно продуктивное понятие «таксис», охватывающее временное соотношение форм в пределах высказывания.

Столь же насыщен материалами и раздел «Модальность», в котором описано до десяти семантических вариаций данного значения. Все эти значения представлены широким набором форм, обладающих неодинаковым уровнем грамматикализации. Подробно описаны формы с побудительной модальностью (при этом постоянно анализируется использование модальных форм для репрезентации, например, индикативной семантики и т. п.). Такой метод позволяет увидеть «жизнь» каждой формы в разных контекстуальных и ситуативных условиях.

Интересен с практической и теоретической точек зрения раздел «Персональность». Выделение этого поля в тюркологии — относительно новый и в то же время актуальный научный факт. Семантика его пересекается с субъектностью и объектностью действия.

Иллюстративным материалом в монографии служат лучшие образцы современной татарской литературы, а также редкие примеры из диалектных записей и разговорной речи.

Д. Г. Тумашева сумела в своей книге выявить широкий круг синонимичных форм, служащих для выражения и актуализации того или иного значения. Синонимичность — это результат переносного употребления форм (в зависимости от контекста), в целом обогащающего выразительные возможности языка, в котором используются также архаичные или диалектные варианты.

Выявление тончайших нюансов многозначности грамматических форм и выражения того или иного грамматического значения множеством форм и других грамматических средств расширяют стилистические возможности грамматических ресурсов татарского языка. Именно поэтому монография Д. Г. Тумашевой представляет большой интерес для широкого круга читателей, и прежде всего — для журналистов и писателей. Рецензируемая книга по своей значимости выходит за рамки учебного пособия, как она обозначена в названии. Серьезное исследование некоторых грамматических категорий татарского языка как нельзя лучше отражает плодотворность функционально-семантического подхода к описанию языковой семантики.

Д. М. Насилов, Ф. М. Хисамова

МЕРГЕНБАЕВ Е. ТУРКИЙ ТИЛЛЕРДЕГИ БАСҚАРЫҰ АРҚАЛЫ БАЙЛАНЫСҚАН АТАУЫШ СӨЗ ДИЗБЕКЛЕРИ

НӨКИС: ҚАРАҚАЛПАҚСТАН, 1988. 88 бет.

Одной из активно развивающихся конструкций в синтаксических системах современных тюркских языков являются словосочетания, организованные на основе именного управления.

Продуктивность их в новых функциональных стилях, расширение управляющего свойства имен свидетельствуют об обогащении синтаксиса в процессе тесного взаимодействия языков.

Проблемы взаимодействия и контактов литературных национальных языков и вопросы грамматики (синтаксиса и морфологии) привлекали и продолжают привлекать внимание исследователей-тюркологов, что подчеркивалось в статье Н. А. Баскакова, Н. З. Гаджиевой, П. И. Кузнецова,

С. А. Соколова «Теоретические проблемы и вопросы по тюркскому языкознанию, рекомендуемые для докторских и кандидатских диссертаций» (Сов. тюркология. 1981. № 2. С. 33).

Проблема управления — не новая в тюркологической литературе, но она долгое время изучалась исключительно в плане глагольного управления. Особенно это характерно для каракалпакского языкознания.

Первым словосочетанием в каракалпакском языке начал исследовать М. Б. Балакаев в 50-х годах.

Позднее появились монографические работы на материале других тюркских языков. Авторы этих исследований доказали,

что в тюркских языках управление в словосочетаниях может быть и именным, а не только глагольным. Однако они не смогли достаточно глубоко раскрыть природу словосочетания в структурно-семантическом плане, провести сравнения с фактами других родственных языков.

Монография Еркебая Мергенбаева «Семантико-структурные типы словосочетаний с управляющими именами в тюркских языках» — новый шаг на пути изучения тюркского словосочетания.

В системном порядке автор исследует семантические значения и структурные типы именных словосочетаний, образованных способом управления. В качестве опорного материала взяты именные словосочетания каракалпакского языка; соответствующие конструкции казахского и узбекского языков приводятся для сравнения. Это способствует выявлению структурно-семантического своеобразие указанных словосочетаний в каждом из сравниваемых языков, точному определению сфер их стилистического употребления.

Впервые выделены как особый тип словосочетания, образованные именным управлением, дан системный анализ их семантико-стилистических функций во всех функциональных стилях указанных литературных тюркских языков.

Новым в данной монографии является и установление автором различных структурных типов именных словосочетаний, раскрытие их значений на основе совокупного учета семантики главного и зависимого компонентов. Традиционно семантическая классификация именных словосочетаний проводилась на основе учета роли их главного компонента.

Выявление внутренних возможностей и стилистических ресурсов языка, осуществленное на базе анализа синтаксических новообразований, которые возникли по традиционным моделям, также составляет новизну монографии.

Удачен, на наш взгляд, и выбранный автором лингвистический синхронно-сопоставительный метод исследования, дающий возможность сравнить данные трех языков определенного тюркоязычного ареала. Своеобразием метода является и употребление формул для более наглядного изображения структурных моделей словосочетаний (по А. Н. Баскакову).

Основные результаты и выводы автора подтверждены обширным фактическим материалом из фольклора, из произведений современной художественной и научной литературы.

Собранный и проанализированный Е. Мергенбаевым материал может быть использован при чтении спецкурса по синтаксису указанных языков, составлении сравнительного синтаксиса тюркских языков и т. д., т. е. имеет научно-практическое значение.

Именные словосочетания с управляющими именами разделены в книге на два типа: собственно именные с управляющими именами и приравненные к именным типам словосочетаний. В составе собственно именных словосочетаний в роли управляющих компонентов выступают имена существительные, прилагательные, числительные, местоимения. К словосочетаниям, приравненным к именным, автор относит такие, в которых функцию стержневых слов выполняют модальные слова, слова *бар*, *жоқ*, составные имена. Такое деление, по нашему мнению, правомерно, если учесть, что модальные слова и составные имена, в отличие от имен собственных, обладают рядом специфических черт.

На основе анализа фактов каракалпакского языка в сравнении с материалом казахского и узбекского языков автор выявляет структурное и семантическое единообразие изучаемых типов именных словосочетаний, которое можно объяснить генетической общностью этих языков.

В монографии особо отмечаются новообразования, созданные по данному структурному типу именных словосочетаний в советский период. Первоначально образовавшиеся как кальки, они впоследствии стали стандартными формами словосочетаний не только письменного литературного, но и разговорного языка.

Рассматривая закономерности образования словосочетаний, автор выделяет две особенности выражения грамматических значений компонентами словообразования: а) значение словообразования выводится из семантики компонентов; б) значение словосочетания выводится из грамматических отношений составляющих его компонентов. Установление этой закономерности и исследование ее на фактическом материале генетически родственных языков носит теоретический характер.

Во второй главе «Словосочетания, приравненные к именным типам словосочетаний» рассмотрены словосочетания с модальными словами, со словами *бар*, *жоқ* и с составными именами. Выделение в отдельную главу этих подтипов именных словосочетаний диктуется спецификой управления указанных слов.

Модальные слова отглагольного образования, безусловно, тяготеют к глаголам, не говоря уже о субъектно-оценочных значениях, выражаемых ими. Аналогичные особенности присущи словам *бар*, *жоқ*.

В данной главе автор подробно анализирует специфику управления составного имени.

Изучение в монографическом плане именных словосочетаний каракалпакского, казахского и узбекского языков должно было выявить не только общность, но и специфику таких конструкций в этих языках, обусловленную внутренними закономерностями каждого из них.

Е. М. Мергенбаев написал интересное монографическое исследование, материалы и выводы которого имеют теоретическую ценность и практическую значимость.

Вместе с тем уместно, на наш взгляд, высказать отдельные замечания.

1. В книге даны недостаточно четкие определения семантики отдельных именных словосочетаний. Так, сочетания типа *мамықтан тесек, қундыздан бөрик, қала-*

дан хабар отнесены автором к обстоятельству, в то время как это — определительные сочетания.

2. Конструкции, являющиеся эллиптированными предложениями, классифицируются как словосочетания — *Байрақлар — алдыңғыларға! Нәубет миңетлемеге! Ташкенттен сәлем* и др.

Х. М. Есенов, Ф. Ф. Алиев

PERSONALIA

МЕЛИТИНА АЛЕКСАНДРОВНА БОРОДИНА

(К 70-летию со дня рождения)

30 сентября 1988 г. научная общественность отметила юбилей — сорок пять лет научно-педагогической деятельности старшего научного сотрудника (с 1986 г. — научного консультанта) Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР, доктора филологических наук, профессора Мелитины Александровны Бородиной — известного романиста, специалиста по лингвистической географии и ареалогии.

В последние 12 лет проблемы картографирования в тюркологии заняли прочное место среди научных интересов М. А. Бородиной, последовательницы акад. В. М. Жирмунского — вдохновителя и теоретика «Диалектологического атласа тюркских языков СССР» (ДАТЯ СССР).

По просьбе акад. А. Н. Кононова как

председателя Советского комитета тюркологов, курировавшего работу по созданию ДАТЯ СССР, М. А. Бородина стала научным консультантом по лингвистическому картографированию атласа и тем самым оказала существенную помощь диалектологам, эту работу выполняющим. В ее докладах на II и III Всесоюзных тюркологических конференциях, а также в статьях, опубликованных в различных тюркологических изданиях страны, были поставлены наиболее острые проблемы, связанные с ДАТЯ СССР, что не могло не способствовать повышению теоретического уровня проводимой работы (см., например, ее статьи «Теоретические возможности лингвистической географии», «Микро- и макролингвистические территории», «О месте „Диалектологического атласа тюркских языков СССР“ в развитии лингвистической географии. Проблемы микро- и макрокартографирования»), совершенствованию методики атласирования диалектов тюркских языков, а также методики исследований по тюркской диалектологии, лингвистической географии и ареалогии. М. А. Бородиной введено представление о последовательной иерархической связи этих дисциплин как разных этапов изучения лингвистического пространства.

Научно-организационная деятельность М. А. Бородиной широко известна. При ее активном участии проведены пять конференций и симпозиумов по лингвистической географии; по ее инициативе и с помощью ведущих картографов К. А. Звонарева и Б. Н. Рубцова при Географическом обществе АН СССР была создана активно действующая Комиссия по лингвоэтнографии.

М. А. Бородина взяла на себя также труд по подготовке, организации и проведению постоянного Семинара по тюркской лингвистической географии. Семинар проводился в феврале 1977 г. и в феврале 1978 г. в Ленинграде Лингвогеографической группой ЛО Института языкознания АН СССР совместно с Комиссией по лингвоэтнографии при Географическом обществе

АН СССР и под руководством М. А. Бородиной. В лекционной части Семинара тюркологи-диалектологи были ознакомлены с достижениями существующих лингвогеографических школ; обсуждались также вопросы определения карты, особенностей ее формы и содержания, анализ методов и приемов картографирования. Все это в сочетании с практическими занятиями на шаблонах опросной анкеты помогло составителям ДАТЯ СССР в выработке определенной методики (сообщения о Семинаре см.: Сов. тюркология. 1977. № 2. С. 93—103; 1978. № 1. С. 122—124).

Последующая координирующая работа над ДАТЯ СССР велась на совещаниях руководителей четырех зон атласа. По предложению М. А. Бородиной усилия исполнителей сосредоточились на составлении пробного тома ДАТЯ СССР, работа над которым в настоящее время закончена.

Научно-организационная работа по созданию ДАТЯ СССР для М. А. Бородиной связана с ее давним интересом к изучению философской проблемы лингвистического пространства (см. ее статью «Проблема лингвистического пространства в связи с изучением диалектов и их атласированием» // Сов. тюркология. 1983. № 4).

Ареальные (в значении «пространственные») исследования стали одним из важнейших направлений современного языкознания. Возникли они на базе диалектологии и лингвистической географии, но обладают весьма большой спецификой. В их состав М. А. Бородина включает ареалологию — учение об ареалах — закономерностях размещения и взаимосвязи языковых явлений в пространстве и о тех закономерностях их истории и развития, которые обусловлены их географическим положением. Этот аспект ареалологии, обладающий большими эвристическими возможностями, позволил М. А. Бородиной предложить ареальную гипотезу происхождения тюркских языков (см. ее статью «Лингвистическая география и ее значение для исследования тюркских языков»).

Коллеги Мелитины Александровны по работе над ДАТЯ СССР сердечно поздравляют ее с юбилеем и желают ей доброго здоровья и дальнейшей плодотворной работы в области диалектологии, лингвистической географии и ареалологии.

Е. И. Убрятова, Г. Ф. Благова,

Э. Р. Тенишев, Н. Н. Ширококови

ЭМИР НАДЖИПОВИЧ НАДЖИП

(К 90-летию со дня рождения)

10 марта 1989 г. исполнилось 90 лет со дня рождения и 70 лет научно-педагогической деятельности старейшего советского тюрколога, доктора филологических наук, профессора Эмира Наджиповича Наджипа.

Свою трудовую деятельность Э. Н. Наджип начал в первые послереволюционные годы, когда в стране развернулось культурное и языковое строительство. Перед специалистом, владеющим несколькими тюркскими языками, а также персидским и арабским, и получившим отличное образование в Институте живых восточных языков под руководством М. О. Аттая, М. А. Гаффарова, В. А. Гордлевского, Б. В. Миллера, открылись широкие возможности для применения своих знаний. Уже в студенческие годы Э. Н. Наджип преподает в Коммунистическом университете трудящихся Востока, принимает участие в работе комиссии ВЦИК и СНК по делам Крыма.

После окончания ИЖВЯ в 1923 г. Э. Н. Наджип направляется в Бухарскую народ-

ную республику, где организует первое здесь государственное издательство, выполняет обязанности заместителя ответственного редактора газеты «Азад Бухара» («Свободная Бухара»), ведет преподавательскую работу. Соединением издательской и педагогической, а также научно-организационной и административной работы отмечены два последующих десятилетия деятельности Э. Н. Наджипа. Это годы работы в Центральном издательстве народов СССР (1924—1933), критико-библиографическом бюро Партиздата при ЦК ВКП(б), тюрко-татарском секторе ГУГСК НКВД (подготовка учебных и политических карт и атласов для тюркоязычных республик) (1933—1939). Э. Н. Наджип тесно связан с вновь образованным Узбекским филиалом Академии наук СССР: с 1940 г. он — ученый секретарь Института языка, литературы и истории УзФАН СССР, с 1941 г. — заместитель директора, с 1942 г. — директор этого института.

В 1944 г. он возглавил Издательство Академии наук Узбекской ССР.

Все эти годы Э. Н. Наджип продолжает заниматься педагогической деятельностью. В то же время он активно участвует в переводе трудов классиков марксизма-ленинизма, а также ряда учебных пособий, школьных и вузовских, на узбекский (отчасти — на каракалпакский) язык, в составлении первых русско-узбекского и узбекско-русского словарей, отраслевых терминологических словарей — узбекских и каракалпакских, орфографического каракалпакского.

С середины 40-х гг. Э. Н. Наджип полностью переключается на педагогическую, а затем на исследовательскую работу. На филологическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова и в Московском институте востоковедения он ведет спецкурсы по средневековым памятникам классических тюркоязычных литератур Средней Азии, в Военном институте иностранных языков Советской Армии, Московском институте востоковедения, а впоследствии в Институте восточных языков при МГУ преподаёт уйгурский язык.

С 1954 г. Э. Н. Наджип — старший научный сотрудник Института языкознания АН СССР, с 1958 г. — Института востоковедения АН СССР. В это время он продолжил исследования по современному уйгурскому языку и его лексике. Еще в 1944 г. Э. Н. Наджип защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Лексика современной уйгурской прессы». В 1968 г. вышел в свет его большой «Уйгурско-русский словарь», в 1960 г. — монографическое описание грамматического строя языка уйгуров Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР (Современный уйгурский язык. М., 1960).

Большие научные результаты были получены Э. Н. Наджипом в изучении тюркских литературных языков средневековья. Систематические наблюдения над языком литературных памятников XI—XIV вв., равно как и последующих периодов, начало чему было положено при разработке ученым соответствующих спецкурсов и спецсеминаров в МГУ и МИВ, обобщены в его докторской диссертации «Кыпчакско-огузский литературный язык мамлюкского Египта XIV века» и в ряде монографий. Среди них — публикация текста «Мухаббат-наме» Хорезми (М., 1961) с транскрипцией, переводом и обширным филологическим комментарием; «Тюркоязычный памятник XIV века „Гулистан“ Сейфа Сарая и его язык» (Алма-Ата, 1975. Ч. 1—2), где помимо историко-литературоведческого исследования даются описание лексико-морфологических особенностей памятника и глоссарий; «Историко-сравнительный словарь тюркских языков XIV века» (по материалам «Хосрав и Ширин» Кутба. М., 1979. Т. 1).

Концепция ученого относительно нескольких литературных языков, бытовавших в средние века у тюрков Центральной, Средней, Малой Азии, Восточной Европы, Кавказа, мамлюкского Египта и отличавшихся друг от друга несовпадающими диалектными основами, во всей своей специфичности отражена в его монографии «Исследования по истории тюркских языков XI—XIV веков», которая выпущена в свет Главной редакцией восточной литературы издательства «Наука» в 1989 г. — к 90-летию ученого.

Три последующих тома «Историко-сравнительного словаря тюркских языков XIV века» находятся частью в типографии, а частично — в портфеле Главной редакции восточной литературы издательства «Наука».

В портфеле ученого также — два тома «Историко-сравнительного словаря тюркских языков XI века» (лексика «Кутадгу билиг»), из них первый том завершён в авторском исполнении; «Словарь лексических и лексико-морфологических архаизмов языка „Кутадгу билиг“» в двух томах, из них первый том (около 20 а. л.) завершён и подготовлен автором к печати, для второго тома полностью подобран языковой материал (без перевода).

Словарная картотека тюркоязычных памятников XI—XIV вв. с документированными примерами в арабском написании и транскрипции, снабжёнными русским переводом и ссылками на лексику памятников предыдущих и последующих периодов, передана Институту языкознания АН Казахской ССР на хранение, обработку и публикацию в соответствии с планами института. Для обеспечения справочным материалом к этой словарной картотеке приложена фототека рукописей памятников и словарей XI—XIV вв. Внимание ученого

совета Института языкознания АН Казахской ССР привлечено также к труду Э. Н. Наджипа (в авторском исполнении) «Формирование и развитие тюркоязычных литератур XI—XIV веков», где каждый из текстов, которые приводятся в арабской графике, с транскрипцией и русским переводом, снабжен лексико-грамматическим комментарием.

Готово к печати аналогичное по исполнению пособие «Староузбекская классическая литература XI—XIX веков в образцах» (40 а. л.). Осуществлена подборка афоризмов из «Кутадгу билиг» — «Назидательные слова поэта Юсуфа Баласагунского», которая могла бы стать хорошей основой для популяризаторской публикации.

Уже один этот перечень неопубликованных работ Э. Н. Наджипа свидетельствует о его неукротимой работоспособности и безоглядной преданности делу изучения истории тюркских литературных языков, за что заплачено дорогой ценой — частичной, но весьма значительной утратой зрения.

Человеческие и профессиональные качества Э. Н. Наджипа высоко ценил А. Н. Ковонов, ответственный редактор всех его монографий историко-лингвистического цикла. Большая дружба связывала этих двух исследователей истории тюркских литературных языков.

Многие годы Э. Н. Наджип был членом Советского комитета тюркологов. За свои научные заслуги он избран членом-корреспондентом Турецкого лингвистического общества.

Поздравляя Эмира Наджиповича Наджипа с его девяностолетием, его коллеги, ученики и друзья желают ему доброго здоровья, осуществления его замыслов и прежде всего — публикации тех его трудов, издание которых задержалось на многие годы из-за сложности набора.

Г. Ф. Благова, И. В. Кормушин.

Е. А. Поцелуевский, Э. Р. Тенишев

С О Д Е Р Ж А Н И Е

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

- Х. С. Джанибеков (Нальчик). О номинализованных параллелях глагольного сказуемого в карачаево-балкарском языке 3
- М. С. Исмаилов, А. М. Шахнарович (Москва). Грамматическое выражение пространственных отношений в русском и узбекском языках 16

ФОЛЬКЛОР. ЛИТЕРАТУРА. КУЛЬТУРА

- Р. К. Ганиева (Казань). Г. Ибрагимов и литературы Советского Востока 22
- С. З. Якубова (Баку). Гамид Араслы и азербайджанская фольклористика 29
- М. Моллова (Болгария). Тюркские слова Tulum, Tobalaq, Yez, Qarsa в «Codex Cumanicus» 34

ОНОМАСТИКА

- В. А. Бушаков (Аскания-Нова). Семантический анализ крымских ойконимов с топоформантами -сала, -кой, -эль/-эли и аффиксом -лар/-лер 40
- Б. Ф. Валеев (Казань). О топонимии сибирских татар 50
- А. Жакипов (Кзыл-Орда). О происхождении некоторых терминов верблюдоводства в казахском языке 59

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

- А. П. Ходжиев (Ташкент), А. Н. Нурманов (Андижан), Н. М. Махмудов (Ташкент). Спорные вопросы в системе словообразования тюркских языков 64
- З. М. Буниятов (Баку). Об одном чагатайском сочинении по истории Хорезма 69

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

- Х.-М. И. Хаджилаев (Карачаевск). О карачаево-балкарских и бесермянских лексических сходжениях 76
- Н. К. Турниязов (Самарканд). О трансформационном и деривационном процессах (на материале современного узбекского языка) 81

НАСЛЕДИЕ

- А. Ш. Тагирзаде, А. Г. Гулиев (Баку). Абдулла Шарифов 85
- А. Шарифов (Баку). О принципах классификации грамматических категорий тюркского языка 87

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

- В. Б. Касевич, Д. М. Насилов (Ленинград). О проекте машинного фонда тюркских языков 97
- Т. П. Дадашев (Баку). О реформе алфавита в Турции 101

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

- С. Османлы (Баку). А. Дж. Гаджиев. Этапы литературного братства . . . 104
- А. А. Чеченов (Москва). Ф. С. Хакимзянов. Эпиграфические памятники Волжской Булгарии и их язык. Д. Г. Мухаметшин, Ф. С. Хакимзянов. Эпиграфические памятники города Булгара . . . 108
- Д. М. Насилов (Ленинград), Ф. М. Хисамова (Казань). Д. Г. Тумашева. Татарский глагол: Опыт функционально-семантического исследования грамматических категорий . . . 110
- Х. М. Есенов, Ф. Ф. Алиев (Алма-Ата). Мергенбаев Е. Туркий тиллердеги басқарыу арқалы байланысқан атауыш сөз дизбеклери . . . 111

PERSONALIA

- Е. И. Убрятова (Новосибирск), Г. Ф. Благова, Э. Р. Тенишев, Н. Н. Широкова (Москва). Мелитина Александровна Бородинна . . . 114
- Г. Ф. Благова, И. В. Кормушин, Е. А. Поцелуевский, Э. Р. Тенишев (Москва). Эмир Наджипович Наджип . . . 115

CONTENTS

STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE

- Kh. S. Janibekov (Nalchick). On the nominalized parallels of the verbal predicate in the Karachai-Balkar language . . . 3
- M. S. Ismailov, A. M. Shakhnarovich (Moscow). Grammatical expression of the spatial relations in the Russian and Uzbek languages . . . 15

FOLKLORE. LITERATURE. CULTURE

- R. K. Ganiyeva (Kazan). G. Ibragimov and literature of the Soviet East . . . 22
- S. Z. Yakubova (Baku). Gamid Arasly and the folkloristics of Azerbaijan . . . 29
- M. Mollova (Bulgaria). Turkic words Tulum, Tobalaq, Yez, Qapsa in the «Codex Cumanicus» . . . 34

ONOMASTICS

- V. A. Bushakov (Askaniya-Nova). Semantic analysis of the Crimean oikonyms with topomarkers -sala, -koj, -el/-eli and affix -lar, -ler . . . 40
- B. F. Valeyev (Kazan). About the Siberian Tatars' toponymy . . . 50
- A. Zhakipov (Kzyl-Orda). About the origin of some terms of camel breeding in the Kazakh language . . . 59

DISCUSSIONS

- A. P. Khojiyev (Tashkent), A. N. Nurmanov (Andizhan), N. M. Makhmudov (Tashkent). Moot points in the word-formation system of the Turkic languages . . . 64
- Z. M. Bunyatov (Baku). About one Chagatai composition on the history of Khoresm . . . 69

MATERIALS AND REPORTS

- Kh.-M. I. Khajilayev* (Karachayevsk). About the Karachai-Balkar and Besermian lexical similarities 76
- N. K. Turniyazov* (Samarkand). About the transformational and derivational process in languages (on the material of the Modern Uzbek language) 81

INHERITANCE

- A. Sh. Tagirzade, A. G. Guliyeu* (Baku). Abdulla Sharifov 85
- A. Sharifov* (Baku). On the classification principles grammatical categories of the Turkic language 87

A LETTER TO THE EDITORIAL OFFICE

- V. B. Kasevich, D. M. Nasilov* (Leningrad). On the machine fund project of the Turkic languages 97
- T. P. Dadashev* (Baku). About the reform of the alphabet in Turkey 101

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

REVIEWS

- S. Osmanly* (Baku). А. Дж. Гаджиев. Этапы литературного братства 104
- A. A. Chechenov* (Moscow). Ф. С. Хакимзянов. Эпиграфические памятники Волжской Булгарии и их язык. Д. Г. Мухамешинов, Ф. С. Хакимзянов. Эпиграфические памятники города Булгара 103
- D. M. Nasilov* (Leningrad), *F. M. Khisamova* (Kazan). Д. Г. Тумашева. Татарский глагол: Опыт функционально-семантического исследования грамматических категорий 110
- Kh. M. Yesenov, F. F. Aliyev* (Alma-Ata). Мергенбаев Е. Туркий тиллердеги баскарыу аркалы байланысқан атауыш сөз дизбеклери 111

PERSONALIA

- Ye. I. Ubryatova* (Novosibirsk), *G. F. Blagova, E. R. Tenishev, N. N. Shirobokova* (Moscow). Melitina Aleksandrovna Borodina 114
- G. F. Blagova, I. V. Kormushin, Ye. A. Potseluyevski, E. R. Tenishev* (Moscow). Emir Najipovich Najip 115

© «Советская тюркология», 1989.

Технический редактор Б. А. Абдуллаев

Корректоры А. А. Гусейнова, С. Дж. Эфендиева

Сдано в набор 28.12.88 г. Подписано к печати 28.04.89 г. ФГ 15128. Формат бумаги 70×1/16. Бум. л. 3,5. Физ. печ. л. 11,2. Уч. изд. л. 10,4.
Заказ 10103. Тираж 2210. Цена 1 руб. 10 коп.

Типография издательства «Коммунист», Метбуат проспекти, 529 квартал.